

ВОЙНА И МЫ

Юрий Мухин

БЛИЦКРИГ

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

РАЗГАДКА

«МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ»

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?
БЛИЦКРИГ
НИЖИЙ
МУХИН

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Юрий Мухин

БЛИЦКРИГ

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

**РАЗГАДКА
«МОЛНИЕНОСНОЙ
ВОЙНЫ»**

МОСКВА
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2014

УДК 355/359

ББК 68

М 92

Разработка серии *П. Волкова*

Оформление переплета *Ю. Щербакова*

Мухин Ю. И.

М 92 **Блицкриг: как это делается? Секрет «молниеносной войны» / Юрий Мухин. — М. : Яуза-пресс, 2014. — 320 с. — (Война и мы).**

ISBN 978-5-9955-0722-2

НОВАЯ КНИГА ведущего историка-сталиниста! Анализ главного военного мифа XX века. Разгадка тайны «молниеносной войны» и феноменальных побед Вермахта в 1939–1941 гг.

Знаете ли вы, что немецкие триумфы в Польше и Франции стали полной неожиданностью не только для врагов Рейха, но и для самих гитлеровцев? Почему Блицкриг провалился в СССР и, несмотря на чудовищные потери Красной Армии, отчаянное сопротивление советских войск не только не было сломлено, а наоборот — возрастало? Удалось бы отстоять Москву, покинь Сталин столицу в октябре 41-го, когда немцы были в 30 км от Кремля? Знаете, что в те страшные дни М. И. Калинин ответил академику Вернадскому, в панике заявившему: мол, «всё пропало»? «Мы — русские, нам нужно время, чтобы рассвирепеть!» Какие уроки можно извлечь из блицкригов Второй Мировой? Что является единственным «противоядием» от «молниеносной войны»? И почему этот опыт столь жизненно необходим нам сегодня?

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0722-2

© Мухин Ю.И., 2014
© ООО «Яуза-пресс», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность

Болтовни о мире много, даже есть некая миротворческая организация — ООН, тем не менее войны не прекращаются и ведутся, надо сказать, довольно быстро, причем неравенство сил в этих войнах не объясняет их быстроты.

С другой стороны, поскольку нет недостатка в аналитиках и историках, объясняющих быстроту современных войн, зачем тогда еще и моя работа на эту тему? Но если вы присмотритесь, то увидите, что все историки до настоящего времени, объясняя, что такое молниеносная война, ограничиваются чисто военными и даже только полководческими аспектами, сводящимися к примитивным количественным выводам, к примеру, уверяя, что все дело в том, что у Германии было много танков и самолетов. Короче, если у вас много-много моторов, то и войну вы проведете молниеносно, поскольку молниеносная война — это «война моторов».

Начало такому объяснению положил, пожалуй, британский генерал, теоретик механизации войск и историк Джон Фуллер: *«Кампания показала (1940 года против Франции. — Ю. М.), что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны; когда танковые силы противни-*

ка прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки...

Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступать». Казалось бы, все правильно, «профессионально» и умно. Но ведь в 1940 году и у англо-французских союзников танков и самолетов было столько же, сколько и у Германии, почему же они молниеносно не выиграли войну у Германии? А в 1941 году у СССР этого железного добра было в разы больше, чем у Германии. И что толку было СССР от этого?

К. Клаузевиц, подробнее о котором ниже, писал: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно». Честно говоря, я тоже так думал, но, читая современных историков и аналитиков, прихожу к мысли, что либо Клаузевиц сильно польстил современникам, либо в XIX веке людей со здравым умом было существенно больше, чем сегодня.

К примеру, собирая к книге материалы, скопировал длинную статью Алексея Исаева (популярного молодого российского историка) «Инструмент «блицкрига». Интригу первого абзаца осилил легко: «Внушительные успехи танковых войск Германии в период «блицкригов» 1939–1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев». Далее начал читать, вернее, продираться сквозь:

«...Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz. I, 1092 Pz. II, 143 Pz. 35 (t), 238 Pz. 38 (t), 381 Pz. III, 290 Pz. IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сомуа S-35, 314 тяжелых В1 различных модификаций... Перед французской кампанией рота средних танков

по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz. IV, [364] шести Pz. II и одного командирского танка на шасси Pz. I. Штам К. StN. 11751 от 1 февраля 1941 года (1 KStN. (Kriegsstärkenachweisung) — штаты военного времени (нем.)) предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz. IV и 5 Pz. II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу «Барбароссы» отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz. IV... Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz. 70 (Krupp [377] «Protze» L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mercedes-Benz L1500A) ... 14-я танковая дивизия состояла из трех танковых батальонов, которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz. II, 41 танк Pz. III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 20 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм «окурком», 4 танка Pz. IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz. II, 39 танков Pz. III с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz. IV с 43-калиберным 75-мм орудием и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz. II, 114 танков Pz. 38 (t), 12 танков Pz. III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz. IV с 24-калиберным 75-мм орудием и 11 танков Pz. IV с 43-калиберным 75-мм орудием». М-да... Что поделать — умным быть не запретишь!

Поэтому плюнул на текст и сразу перешел к выводам, которые Исаев сделал об «инструменте блицкрига». По его просвещенному этими Pz. 38 (t) и Pz. IV мнению, «инструмент блицкрига» таков:

«В 1934–1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой «блицкрига». Поэтому в поисках причин успе-

хов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода «меч-кладенец», симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной Армии 1943–1944 годов». Это все.

Оставляю в стороне то, что мой, сделанный в 2001 году, вывод об отличии танковых дивизий немцев от наших танковых корпусов в том, что в немецких дивизиях были подвижными не только танки и не столько танки, а все рода войск, Исаев теперь выдает за свое открытие без ссылок на меня. Но, правда, заменив русские общепринятые названия немецкой техники немецкими названиями. Видимо, чтобы дураки восхищались его, исаевской, «научностью». Дураки, наверное, и восхищаются, но я писал, что этим подвижным комплексом родов войск немецкой дивизии создается всего лишь максимальная ударность этих соединений, необходимая для быстрого поиска слабых мест в обороне противника и быстрого прорыва его обороны. Исаев же, как видите, поднял организацию немецкой танковой дивизии на небывалую высоту, объявив ее не инструментом прорыва обороны, а инструментом всего блицкрига. По пониманию сути происходящего, такой вывод равнозначен выводу повара, что картошка, это и есть суп.

Ведь по Исаеву получается, что в войне молниеносно победит тот, кто:

- создаст танковые корпуса по аналогии с немецкими танковыми дивизиями;
- будет шесть лет вести войну;
- торжественно подпишет полную и безоговорочную капитуляцию.

Как хотите, но мне показалось, что этого маловато будет для понимания того, как и чем вести молниеносную войну.

Ведь если немцы даже с СССР, и даже «молниеносно», воевали (по самому же Исаеву) полтора года до Сталинградской битвы, так и не сумев добиться победы, и в результате вместе со своими танковыми дивизиями войну проиграли, то ведь очевидно, что молниеносность первых этапов Второй мировой войны определили не танковые дивизии и даже не немцы, а те страны, с которыми немцы молниеносно воевали. Определило то, что Исаев считает несущественным.

Методика

Вот поэтому я и взялся за эту работу. Ведь я, в точном смысле этого слова, не историк, я политик. Политик, изучающий историю не ради гонораров или праздного любопытства, а для того, чтобы сегодня использовать находки предшественников и не повторить их ошибки. И если я не разберусь с этим вопросом, то кто кроме меня?

А в чем разница?

Любое общественное явление или событие имеет сотни обстоятельств, описывающих и характеризующих это событие. Надо сказать, что в технике и науке исследовать легче, поскольку там факторов и параметров процесса существенно меньше, чем в общественной жизни. И когда исследователь делает тот или иной вывод по событию, то он опирается на эти обстоятельства, как правило, уверяя, что опирается на все ему известные. Но, во-первых, важные обстоятельства не всегда заметны, а часто просто скрываются заинтересованными лицами. Во-вторых, обстоятельства не все равноценны и не все пригодны для постановки вывода.

И, наконец, исследователь общественной жизни — это не амперметр или микрометр, он сам является частицей этой жизни и оценивает ее не с объективной позиции, как бы он этого ни хотел, а с позиции своего знания жизни. А эти знания разительно отличаются, скажем, у московского историка, окончившего МГУ, никогда никем не руководившего в условиях обязательного исполнения дела подчиненными и сделавшего карьеру на тихой кафедре в каком-либо московском институте, и у председателя колхо-

за, обязанного ежедневно вывезти в город 20 тонн молока и руководящего полутысячей человек, очень «неинтеллигентных». Я не хочу сказать, что у этого историка знаний, как таковых, меньше, особенно книжных, но если речь пойдет об управлении людьми, то эти его знания не о том. Не о том, что нужно знать, чтобы исследовать в этой области. А явления общественной жизни — это сплошь исследования поступков людей, находившихся в системе управления. Тут выводы председателя колхоза будут надежнее.

Так вот, исходя из своего опыта, исследователи и выбирают обстоятельства для постановки вывода, и их разный опыт приведет к выбору разных обстоятельств и разным выводам. Образный пример. Вот парень женился на девушке, почему? Обстоятельств, по которым можно сделать вывод, десятки — тут и ее красота, и характер, и наличие богатого папы, и прочее, прочее. И один исследователь, исходя из своего опыта, сделает вывод, что парень женился потому, что у девушки богатый папа, а другой, исходя из своего опыта, сделает вывод, что он женился по любви. И оба будут основывать свои выводы на фактах порою одних и тех же, и оба будут правы (по-своему), а выводы будут разными. Эту проблему жизненного опыта исследователя хорошо передает ироническая сентенция: «Коммунисты считают Сталина коммунистом. Патриоты считают Сталина патриотом. Националисты считают Сталина националистом. Мерзавцы считают Сталина мерзавцем».

Вот, скажем, историк разбирает тактико-технические данные самолетов и подготовку летчиков. Это важно, из этого исследования может появиться любопытный вывод. Но для политика этот вывод третьестепенен. Почему? Потому, что у политика есть подчиненные, и ему важно, были ли у исторических личностей того времени возможности найти талантливых и трудолюбивых конструкторов и изготовителей самолета и были ли возможности подготовить умелых и храбрых летчиков? Политика не любопытство толкает на исследования, а вопрос, что сегодня делать, чтобы были такие самолеты и такие летчики?

Глава 1

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Растерянность политиков

У молниеносной войны есть феномен, который до сих пор обойден вниманием даже тех исследователей, которые начали заниматься ее молниеносностью сразу же после окончания Второй мировой войны — по свежим следам. Скажем, помянутый британский военный аналитик Д. Фуллер ни слова не написал об этом феномене в своей книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор», вышедшей из печати еще в 1948 году.

Этот феномен — полная неожиданность подобного рода войны для всех ее участников и свидетелей.

Поясню эту мысль на примере ядерной войны. Ядерной войны в мире еще не было, но ведь случись ядерная война, ее начало, да, может быть внезапным, но сама по себе она не будет неожиданной — о ней знают с момента создания ядерного оружия, и ее ждут, а само понятие такой войны и термин для нее уже готовы.

А вот термин «молниеносная война» (Blitzkrieg, «блицкриг») возник только после победы нацистской Германии над Польшей в 1939 году, и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года

правительство Польши и командование ее вооруженных сил сбежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Причем, что в данном случае особенно интересно, сама эта молниеносность (быстрота) войны с Польшей оказалась неожиданной и для главных действующих лиц этой войны.

Пожалуй, наименее глупо выглядит правительство СССР, уже хотя бы потому, что Советскому Союзу отводилась роль нейтральной страны, и РККА незачем было готовиться к войне с Польшей. Однако Гитлер, боясь предстоящей войны, все же хотел втянуть СССР в конфликт с Польшей на своей стороне, и еще 29 августа Германия пригласила СССР тоже ввести войска в Польшу в сферу влияния СССР. Но правительство СССР отказалось, и отказалось на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. То есть самым худшим сценарием развития событий для Польши СССР считал заключение ею сепаратного перемирия с Германией, а судя по тому, как он помогал Польше перед войной и в ее начале, Советский Союз был уверен, что Польша с союзниками Англией и Францией окажутся победителями.

И лишь когда немцы проинформировали СССР, что румыны уже ждут у себя удирающих правительство и генералитет Польши, когда стало ясно, что польского государства уже нет, когда стало ясно, что немцам просто не с кем заключать перемирие, в Советском Союзе началось организационное движение. Только 9 сентября СССР спешно объявил мобилизацию и начал создавать два фронта для похода в Польшу. Для мобилизации СССР надо было 15 дней, то есть приказы на боевые действия создаваемым в спешном порядке фронтам должны были быть даны где-то к 24 сентября. А на самом деле советские соединения, не успев полностью отмобилизоваться, уже 17 сентября вынуждены были входить на территорию бывшей Польши для защиты западных украинцев и бе-

лорусов от оккупации их немцами, — практически через неделю после начала мобилизации!

То есть у правительства СССР и мысли не было, что война может протекать так быстро и закончиться полным уничтожением Польши как государства, иначе СССР, чтобы успеть провести мобилизацию, объявил бы ее еще в августе.

Совершенно глупо выглядят союзники Польши.

Англия, объявив Германии войну 3 сентября, вообще не имела армии, способной высадиться на континенте, поскольку полагала, что успеет отмобилизовать необходимые силы за время, пока агрессию немцев будут сдерживать поляки и французы.

Согласно франко- и англо-польского договоров, Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта, и лишь после 15-го дня мобилизации, отмобилизовав армию, французы должны были организовать широкое наступление на Германию основными силами.

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну, и уже 5 сентября Франция, исполняя договоренность с Польшей, действительно провела частную наступательную операцию. Но представитель французской армии при польском Генштабе уже 10 сентября доложил в Париж, что в польской армии царит полнейший хаос, главное польское командование практически не имеет связи с войсками, практически не имеет никакой информации о продвижении немцев и положении собственных войск и что польская армия, собственно, уже разгромлена.

Правящие круги Англии и Франции (особенно Англии) так презрительно отказавшиеся от помощи СССР в войне с немцами потому, что верили в военную мощь Польши, оказались в положении идиотов. Идиотов, не способных оценить обстановку даже в такой переполненной «профессионалами» и «аналитиками» сфере, как война.

Со своей распиаренной гениальностью точно так же — глупо — выглядит и самый застенчивый участник Второй мировой войны — международное еврейство — сионисты. Решая свою внешнюю задачу — создание метрополии (государства Израиль), международное еврейство хотя и тайно, но опрометчиво выступило на стороне Гитлера, и лишь когда выяснилось безусловное поражение Германии в войне, переметнулось на сторону победителей. Создание метрополии международного еврейства отодвинулось на 1948 год и произошло с помощью победителей во Второй мировой.

Но что особенно поразительно, совершенно глупо выглядят герои и авторы молниеносной войны — немцы.

Немцы боялись войны и не были уверены не то что в ее молниеносном характере, а и вообще в собственной победе. Они высоко ценили свою армию и ее основу — пехоту, но из-за скорости формирования своих вооруженных сил не были уверены в их боевом духе уже в силу того, что война с Польшей была первой, а армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51-я немецкая дивизия, в которых кадрового состава было по 5%. И, в принципе, в этой оценке своей армии немцы не ошибались — их армия и показала свою слабость. Уже после победы над Польшей немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: *«Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда — потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить».*

Главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич также не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы над Польшей. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

«1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, так же и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при перебросках по железным дорогам, на вокзалах и т. п. У него имеются донесения об этом, в том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе».

И Гитлер, разумеется, слабость своей армии знал, поэтому, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага за три дня до войны, 28 августа 1939 г., сообщил, что минимальные требования от Польши: *«Данциг, решение вопроса о коридоре»* — т. е. минимум, позволяющий начинающей войну Германии сохранить лицо в случае ее окончания вничью. А максимальные требования — *«в зависимости от складывающейся обстановки»*, т. е. от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: *«Война очень тяжелая, возможно безнадежная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи»*. Сами понимаете, начинать войну с мыслями о капитуляции не просто, тут о ее молниеносности уже не думают.

И 7 сентября, перебирая возможные варианты развития событий, Гитлер в случае, если поляки предложат немцам перемирие, сформировал требования Германии, которые начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в дневнике: *«Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области (Западной) Украины — самостоятельны»*. Как видите, в этих требованиях и мыс-

ли не было о ликвидации Польши как государства, и хотя немцы уже заняли Краков, они собирались даже его вернуть полякам.

Но это прошляпили политики, а что генералы?

Растерянность генералов

Немецкого фельдмаршала Э. Манштейна иностранные историки считают самым блестящим стратегом рейха и самым опасным противником союзников, мало этого, даже его ревнивые к военной славе коллеги отдают ему должное. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) В. Кейтель в мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме незадолго до казни, писал: *«Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштейном»*. Немецкий теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан дает Манштейну такую оценку: *«Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями — наш самый лучший оперативный ум»*. После войны Манштейн написал мемуары «Утерянные победы», абсолютно лживые в части, касающейся его собственного авантюризма, но, отдам ему должное, по степени осмысления боевых действий, целей и задач войск Манштейн действительно заслуживает внимания.

Но вот посмотрите на попытку Манштейна осмыслить, что такое эта самая молниеносная война:

«Польская кампания в то время получила название «молниеносной войны». Действительно, эта кампания по скорости ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немцев на западе не явилось подобным же достижением, но в еще больших масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

Действительно, эта кампания должна была быть выиграна немцами, если учесть гораздо более благоприят-

ную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство при наличии двух предпосылок:

— во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы располагать необходимым превосходством сил на востоке;

— во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрчивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, свергнуть немцев в настоящую пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до последнего момента, создала бы польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не заставили бы командование германской армии раньше времени прервать польскую кампанию. Таким образом, как уже однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, необходимо, однако, признать, что быструю и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и достигнутому благодаря большому риску превосходству на стороне немцев, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовно-

стью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время Первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия — детище этого рейхсвера — была, очевидно, единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционную войну или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Второй мировой войны, в «торговлю железом». Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, — вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Командование сухопутных сил еще могло действовать без чужого вмешательства. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они еще носили благородный характер».

Во-первых, как следует из начала цитаты, и Манштейн даже через много лет после войны не рискует сделать вывод о том, что немцы, начиная ее, хотя бы мечтали провести ее молниеносно (сам термин появился уже после войны). И даже много лет спустя после войны Манштейн путается в догадках, что вызвало эту молниеносность? Манштейн представил «инструментов блицкрига» больше, чем сумел наковырять в носу А. Исаев, и они другие.

1. Отсутствие второго фронта.
2. Бездарность польских генералов.
3. Гений Гитлера в оснащении войск новой техникой (танки и самолеты).
4. Мужество немецких солдат.
5. Мастерство немецких генералов.
6. Самостоятельность немецкого командного состава в деле управления войсками.

Отдадим должное — Манштейн специально оговаривает, что само по себе превосходство в силах и технике не могло привести к такому результату войны. Да и остальные перечисленные Манштейном факторы победы, безусловно, имеют место быть, но сами по себе они уж очень сомнительны в случае объяснения ими молниеносности войны.

Отсутствие реального второго фронта никак не помогло немцам в войне с СССР, бездарность советских генералов — тоже, в мужестве немецких солдат накануне польской кампании обоснованно сомневались, как вы видели выше, достаточно компетентные немецкие генералы и даже считали его ниже, чем накануне Первой мировой войны. Мастерству немецких генералов и их самостоятельности нужно отдать должное, и я это сделаю, но ведь их мастерство и их самостоятельность сам Манштейн возводит к армии кайзера, однако кайзеровская армия проиграла Первую мировую войну, несмотря на эти качества.

Этот набор факторов никак не объясняет и последующие молниеносные кампании Германии, скажем, победу Германии над Францией за 39 дней боев. Никакими вторыми фронтами, превосходством оружия и техники (которых на самом деле не было) или искусством немецких генералов не объяснить, почему Франция в Первую мировую воевала 4 года и, потеряв убитыми миллион солдат, победила, и почему она в 1940 году, потеряв всего 100 тысяч солдат, сдалась.

Из этих размышлений Манштейна следует, что и он даже через много лет после войны по-настоящему не понял, что же произошло, — в чем были причины молни-

еносности немецких побед в войнах (кампаниях) начала Второй мировой войны? И в объяснении Манштейн дает стандартный набор причин, который годится для любой войны, в том числе и позиционной, но никак не объясняет причин молниеносности войны.

Как видим, молниеносность войны упала на немецких генералов, как снег на голову, и дать ей объяснения они просто не могут. И не только немецкие генералы.

С начала Второй мировой войны и до 22 июня 1941 года у немцев все войны были молниеносными, и, казалось бы, в тот момент у военных профессионалов не должно уже было быть проблем предсказать итог любой новой войны, начатой немцами. Но британский разведчик и историк Лен Дейтон свидетельствует: *«Как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты считали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэра Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной Армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.»*

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания — за 24 часа, Норвегия — за 23 дня, Голландия — за 5, Бельгия — за 18, Франция — за 39, Югославия — за 12, Греция — за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной Армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Не лучше выглядит и Гитлер, вот свидетельствует министр вооружений нацистской Германии Альберт Шпеер (время подслушанного им разговора — июнь 1940 года): *«Гитлер прогуливался перед своим домом по усыпанной гравием дорожке с Йодлем и Кейтелем, когда адъютант до-*

ложил ему, что я хотел бы попроситься. Меня велели позвать, и, приблизившись к этой группе, я услышал, как Гитлер, в продолжение разговора, произнес: «Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра». В отличном настроении Гитлер попрощался со мной, передал сердечные приветы моей жене и посулил в самом непродолжительном времени приступить к обсуждению со мной новых планов и макетов».

Германия не только не победила Советский Союз к Рождеству 1941 года, но и, потеряв семь из каждых своих восьми дивизий на Восточном фронте, вынуждена была сдаться на милость СССР.

Как видите, никто из британских, американских и немецких генералов и аналитиков не увидел полного отсутствия факторов молниеносности в предстоящей войне Германии и СССР! Так чего стоят в вопросе того, что такое молниеносная война, разъяснения генералов и военных специалистов? Есть легкомысленная поговорка, что даже с самой красивой женщины нельзя снять больше, чем с нее можно снять, и в нашем случае даже с самого выдающегося генерала нельзя получить объяснений больше, чем он может дать.

Забегая вперед отмечу: отсюда следует, что молниеносность войны — это не уровень генералов, их уровень — это победа в сражении, а победа в войне — это вопрос более высокого уровня. Что, в общем, понятно и относится к любой войне — и молниеносной, и затяжной. Разумеется, принципы побед в сражениях, разработанные немецкими генералами, это очень важно, и это будет рассмотрено, но еще раз подчеркну — сражения сражениями, а война войной. Англичане говорят, что могут проиграть все сражения войны, кроме последнего, вот и немцы во Второй мировой выиграли все сражения, кроме последнего, но вина в этом лежит не на немецких солдатах и генералах — они были так же хороши и даже лучше, чем тогда, когда они выигрывали сражения.

Подытожив, следует сделать вывод, что вот эта плохо скрытая растерянность политиков и генералов при виде

молниеносности начала Второй мировой говорит о том, что в дело войны вмешалась сила, которая ими совершенно не была учтена. И, добавлю, на сегодня не учитывается, по меньшей мере, массами тех, кто интересуется войнами.

Ответственность народа за все и всех

Было время, когда территории всех стран заселяли люди, не имеющие никакого отношения к войне и армиям. Но этих людей периодически грабили, уводили в рабство и даже иногда убивали. Чтобы этого избежать, люди платили дань (налог) королю, царю, князю или еще какому бандиту, которые на эту дань нанимали профессиональных воинов и защищали тех, кто им платил дань — своих подданных. При этом время от времени, из алчности или чтобы не забыть ремесло, эти монархи сами пытались ограбить тех, кто им дань не платил, — подданных иных монархов. Но даже если своему монарху и не сиделось на месте и он шел войной на соседа, то его народ в этом не был виноват (хотя за это расплачивался).

И до второй половины XIX века было именно такое разделение труда: был народ — нонкомбатанты, которому в принципе было все равно, кому платить дань, и были профессионалы войны — монархи, генералы, офицеры и солдаты — комбатанты, которые и воевали. Война была вне народа, народ, правда, ее оплачивал порою своим разорением, но ни на подготовку и дух армии своего монарха, ни на объявление войны, ни на протекание военных действий никакого влияния народ не оказывал.

Для того времени выработались принципы побед в таких войнах, а для каждого периода развития техники и технологии (развития средств ведения войны) вырабатывались оперативное мастерство и тактика.

Тем не менее и как ни странно, но и сегодня масса исследователей смотрит на войну так, как будто мир еще состоит из монархов со своими дружинами и из их под-

данных, не имеющих отношения к войне. Но ведь это уже давно не так.

Со второй половины XIX века во всех основных государствах мира в той или иной степени была введена всеобщая воинская повинность, сделавшая народ и армию одним целым: Одновременно настолько возросла сложность оружия, его количество и стоимость, что и в экономическом смысле народ и армия объединились, поскольку армия без непрерывного снабжения из тыла немедленно становилась небоеспособной. Таким образом, тыл с его как бы мирным населением тоже стал воюющей стороной, тоже стал комбатантом и, само собой, объектом военных действий — объектом уничтожения.

Но и это не все. С начала прошлого века практически исчезли суверенные монархи, формально власть перешла неким людям, которые в той или иной степени избираются всем народом. Таким образом, вина за агрессию и последствия войны тоже фактически легла на весь народ, поскольку он избрал этих людей. Заметим, что на сегодня наиболее устрашающее оружие — ядерное — как раз и предназначено в своей массе всему народу, поскольку эффективность применения его против собственно вооруженных сил противника весьма сомнительна.

Таким образом, сегодня в народе, точнее, в его государстве, объединились все аспекты силы, присущие архаической армии, — и правовые, и моральные, и технические. С начала XX века, особенно в мировых войнах, все эти аспекты поднялись на ступень. Теперь не армия выигрывает войны, а государства, теперь важна моральная стойкость не только войск, но и всего народа, теперь важно мастерство не только офицеров, но и всех руководителей в государстве, включая мастерство какого-нибудь руководителя сельскохозяйственного предприятия или маленького городка. И теперь важны не только талант и искусство генералов, но в первую очередь талант и искусство руководителей государства.

В реальном сражении талант и искусство командиров дивизий становятся бесполезными, если всей армией ко-

мандует дурак или предатель, точно так же и в современной войне бесполезны таланты генералов, если во главе государства дураки или предатели. Разумеется, поднимается и слава — теперь войны выигрывают не генералы, а главы правительств, генералам остается выиграть сражения (если дело доходит до сражений), отсюда, кстати, и некомпетентность генералов в вопросах победы во всей войне — привычные им мерки недостаточны для исследования ими этого вопроса.

Переходит ли война в стадию военного противоборства или нет, но все сражения этой войны или все ее перипетии (как правило, комплекс мер политического и пропагандистского давления на противника) удобно представлять одним сражением или одним действием. Удобно для того, чтобы использовать для анализа этой войны принципы победы в войне, выработанные в эпоху архаичных войн, — использовать те войны в качестве аналогии, в качестве модели для настоящих войн.

Положение исследователя принципов молниеносной войны усложняется органической подлостью существующих форм демократии, дающих возможность истинным руководителям государств оставаться в тени и предоставлять формальной власти — президентам, премьер-министрам и депутатам — принимать на себя всю славу или позор последствий их правления.

На ранних этапах развития демократии во власть еще могли попасть лица, мало зависящие от денежных мешков и владельцев СМИ и искренне защищающие интересы своего народа, — лица, которых в той или иной мере можно считать самостоятельными. Но даже такие руководители государств очень часто преследовали не только интересы своего народа, как они эти интересы видели, но и интересы этих, остающихся за кулисами сил. Делали это либо потому, что считали интересы этих сил совпадающими с интересами своего народа, либо потому, что считали эти силы союзными народу, либо просто не видели возможности сопротивления этим силам. Я так уверенно об этом пишу, потому что выбор

мотивов даже в случае самостоятельного руководителя не очень велик. Мотивы же того, почему формальные руководители государства служат не народу, а тому, кто протолкнул их к формальной власти, еще проще — «долг платежом красен», «кто платит за ужин, тот и де-вушку танцует».

Теперь надо перейти к целям войны.

Начало войны

Война как противоборство вооруженных сил, «архаическая война» — дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц (1780—1831) в своем объемном труде «О войне». Вообще-то раньше (когда народ больше читал и меньше смотрел) шегольнуть цитатой из Клаузевица было хорошим тоном для любого высокопоставленного военного или пишущего о войне, и надо сказать, что доля справедливости по отношению к Клаузевицу здесь есть — в вопросах осмысления архаической войны с ним трудно поставить рядом еще кого-нибудь. Но, возможно, из-за объемности его труда (да еще и не законченного им и изданного его женой уже после смерти автора) мало кто, по моим наблюдениям, пытается вникнуть в принципиальные положения о войне, скажем, в текст первой главы «Природа войны» (все очень торопятся прочесть «конкретные» советы, как войну выиграть).

Так вот, Клаузевиц ввел в обиход политиков выражение: «*Война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств*». Выражение очень модное до сих пор, хотя, по моему мнению, абсолютно не понимаемое. Не вдаваясь в подробности того, что такое политика вообще, суммируем определение так: в данном случае политика — это комплекс действий, которыми некий монарх или избранное народом правительство хотят достичь неких целей по отношению к другому государству. Разумеется, первоначально они хотят достичь этих це-

лей невоенными средствами, и только тогда, когда у них это не получается, начинают войну — продолжают свою политику.

Это выражение сомнительно уже для эпохи архаичных войн, а сегодня оно вообще вводит в заблуждение, поскольку началом войны считает начало собственно боевых действий вооруженных сил. А как же политика? Нет, начало боевых действий — это не начало войны (не начало политики), а всего лишь начало вооруженного противостояния, которое само по себе имеет целью не цели войны, а обезвреживание вооруженных сил противника. А цели войны должна достигнуть сама война (сама политика), посему и началом войны следует считать момент, когда какое-либо государство сформирует претензии к другому государству и начнет политику по достижению этих своих целей. Во времена Клаузевица, с теми средствами связи и средств массовой информации, этой особенности не было видно, но сейчас как это не заметить?

А ведь это очень важно. Если не принимать меры обороны немедленно с началом враждебной политики, то можно непоправимо опоздать либо понести огромные потери тогда, когда война перейдет в стадию противоборства вооруженных сил. Особо жестоко страдают те, кто вместо начала обороны продолжает считать агрессора своим другом, хотя агрессор редко способен скрыть свою сущность. Разумеется, сила государства имеет огромное значение (об этом позже), но время начала обороны также имеет огромное значение. Возьмите примеры современной истории. Что дало Югославии, Ираку, Афганистану или Ливии то, что эти страны рассматривали своего будущего агрессора в качестве светоча цивилизации и друга? Между тем Куба и Корейская Народно-Демократическая Республика никогда не стеснялись называть агрессивных уродов агрессорами. Эти страны, несмотря на свою физическую слабость, постоянно готовы встретить агрессора вооруженной рукой, посему сохраняют свой суверенитет и ограждают себя от ограбления до сих пор. Как агрессоры и ни щелкают зубами.

Цели войны

Что касается истинных целей войны, то они всегда экономические, а разделяются в зависимости от роли, назначенной данному государству, — государство начинает войну либо с целью ограбить жертву, либо с целью прекратить или предотвратить ограбление.

Правда, слово «ограбление» уже не описывает ситуацию, поскольку его значение явно связывается с откровенным отъемом имущества под угрозой применения силы. Между тем арсенал отъема имущества настолько пополнился новыми средствами, что даже Гитлер по окончании войны не собирался пользоваться грабежом оккупированных территорий СССР в чистом виде, а сегодня даже агрессоры чистый грабеж объявляют преступлением. Сегодня грабеж уже надежно замаскирован различными «экономическими формами», начиная от предоставления кредитов и инвестиций, заканчивая «добровольной» передачей предприятий от своих «неэффективных» руководителей «эффективным» руководителям агрессора.

Или вот такой, внешне как бы никак не связанный с грабежом аспект, как внедрение в независимое государство своей валюты. Смысл денег — то, для чего они предназначаются, — обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем необычайно выгодным для того, кто их эмиссирует (печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем, 10%. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет, кроме процентов, и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента; давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3 300 000% прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30 000% в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств, даже при минимальных процентных ставках за кредит.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле

ле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США — доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин, техники, приборов, тканей и т. д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки развалин небоскребов, было продано в Китай. США сегодня — это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег — это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, т. е. никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров. И, кстати, это достаточный повод к войне той страны, которая грабит окружающих своей валютой.

Таким образом, понятия «рабство» и «колониальная зависимость» для целей войны вроде и точные по существу, но годятся только для пропаганды. И хотя нынешние рабы по-прежнему алчут только хлеба и зрелищ, но и они уже далеко не те, что в Древнем Риме, а современные колонии, соответственно, далеко не те, что колониальная Индия.

Поэтому, чтобы не входить в споры по определениям целей войны, опишу их как можно более обще — агрессор имеет целью изменить существующий порядок вещей в стране-жертве. Такое определение цели включает в себя все возможные варианты любых целей.

Сила государства

Вряд ли кто-то будет сильно возражать, если применительно к войне я общую силу государства разложу на три составляющие силы — силу ее армии, силу экономики (хозяйства государства) и моральную силу народа. Хочу обратить ваше внимание на то, что я дал силы в порядке нарастания их значения. Сила армии — на последнем месте, силы экономики — на втором.

Все же оружие есть оружие, при современном развитии оружия и боевой техники уже невозможно обойтись палкой или камнем, а это оружие дает экономика. Хорошо, если есть союзники, которые что-то из оружия поставят, а если их нет? Тогда свое народное хозяйство должно стать спасителем армии и страны. Правда, сила народного хозяйства как таковая не зависит от войны — сильная экономика и в мирное время сильна. Часть ее производит оружие, боевую технику, боеприпасы и в мирное время, а во время войны это производство возрастает за счет сокращения мирной продукции. Скажем так — экономическая сила государства важна при любом виде войны и напрямую с молниеносностью войны не связана. Поэтому я не стану эту силу рассматривать.

И, наконец, огромное, ничем не заменяемое и никак не импортируемое значение имеет моральная сила народа, поэтому я и ставлю ее на первое место. Собственно, на моральной силе народа базируются первые, явно «военные» силы.

Возьмите Вьетнамскую войну, в которой США признали свое поражение, хотя их военные и экономические силы и эти же силы Вьетнама были просто несопоставимы, какой бы ни была помощь оружием из СССР. И в данном случае дело не в слабости моральных сил США с их антивоенным движением, я уверен, что это движение тайно стимулировалось правительством США для того, чтобы иметь хоть какой-то повод закончить войну. Ведь за 20 лет до этого война с неизмеримо более сильными Японией и Германией не

вызвала в США антивоенного маразма. Да, разумеется, во Второй мировой войне США выглядели жертвой агрессии, поскольку это на США напала Япония и это Германия объявила войну США. Но ведь и во Вьетнамской войне формально не США были активной стороной войны, а Северный Вьетнам, а США формально всего лишь помогали жертве — Южному Вьетнаму. Тем не менее в 40-х годах не было многотысячных демонстраций с речевками «Рузвельт, Рузвельт, гей-гей, сколько ты убил детей?!», хотя авиация США в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки убила немецких и японских детей немерено.

Остается признать, что причиной поражения США во Вьетнамской войне были моральные силы вьетнамцев, которые в явном виде проявились в отсутствии во Вьетнаме предателей в количестве, достаточном для подчинения Вьетнама воле США (сами по себе предатели были, но их было относительно мало). Ведь как подчинить себе народ без предателей из этого народа? Не будет же оккупант всю жизнь сидеть в укрепленных лагерях на территории этой страны, боясь из них высунуть нос? США оставалось либо физически уничтожить всех вьетнамцев и заселить территорию американцами или какими-нибудь лояльными неграми, либо признать поражение и уйти. Первый путь был невозможен, оставался второй, им США и воспользовались.

Сейчас в мире такие государственные деятели, которые сами не понимают, что происходит, а со времен Второй мировой войны воспоминания из руководителей действительно крупных держав о ней написал только один действовавший тогда глава государства — Уинстон Черчилль. Вопрос моральных сил — вопрос очень деликатный, даже настоящие политики о нем стараются не говорить, чтобы не обидеть свой народ и не навредить себе этим на будущих выборах — не подорвать этим свою популярность. Тем не менее Черчилль вскользь вынужден задеть и его, когда ему надо хоть чем-то объяс-

нить молниеносность разворачивающихся событий Второй мировой войны.

Молниеносным этапом Второй мировой следует считать ее период с 1 сентября 1939 года по, пожалуй, конец 1941 года на Востоке и конец 1942 года на Западе. В этот период немцы захватили Норвегию, лишь на несколько часов опередив англичан и французов, то есть фактически отбив ее у них. Причем силы англо-французов были превосходящими — под Нарвиком, к примеру, в четыре раза. Черчиллю это поражение нужно было как-то объяснить. В его цитатах выделяю значащие для данной темы моменты.

«Нас, которые имели превосходство на море и могли высадиться в любом месте на незащищенном побережье, превзошел противник, преодолевавший по суше большие расстояния, невзирая ни на какие препятствия. В этой норвежской схватке наши превосходные войска — шотландская и ирландская гвардия — были разбиты гитлеровской молодежью благодаря ее энергии, инициативе и военной подготовке.

Повинуясь долгу, мы, не щадя сил, старались закрепиться в Норвегии.

Мы считали, что судьба очень жестоко обошлась с нами. Теперь мы видим, что дело было вовсе не в этом. А пока нам оставалось утешаться лишь рядом успешных эвакуаций. Неудача в Тронхейме! Тупик в Нарвике! Таковы были в первую неделю мая единственные результаты, которые могли видеть английский народ, наши союзники и весь нейтральный — дружественный и враждебный — мир.

...Нападением Гитлера на Норвегию закончились «сумерки войны». Она разгорелась ослепительным пламенем такого страшного военного взрыва, какого еще не знало человечество. Я охарактеризовал состояние транса, в котором пребывали восемь месяцев Франция и Англия, когда весь мир недоумевал. Эта фаза оказалась самой вредной для союзников. Моральное состояние Франции, ее солдат и народа стало теперь, в мае, определенно хуже, чем в начале войны.

...Невозмутимый, искренний, но косный характер правительства не мог вызвать тех энергичных усилий ни в правительственных кругах, ни на военных заводах, которые были жизненной необходимостью. Нужен был удар катастрофы и приближение опасности, чтобы дремящие силы английского народа пробудились».

Как видите, Черчилль в данном случае не стал «пудрить мозги» читателям «войной моторов» или пресловутыми «танковыми клиньями» танковых дивизий совершенной организации, которых, правда, в Норвегии просто не было.

Итак, займемся рассмотрением составляющих сил государства.

Глава 2

МОРАЛЬНАЯ СИЛА

Моральная сила и деморализация противника

Если армией считать весь народ, все государство (а именно так и надо считать), то тогда, с точки зрения принципов победы, архаические войны (одними армиями) можно считать моделями современных войн. И вот к чему в этом плане пришел уже помянутый мною К. Клаузевиц.

Он писал, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут вне зависимости от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора — моральная стойкость и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку для того, чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким — смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы — бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть шире, и цель боя может быть достигнута без боя, к примеру, самой угрозой нанести морально нестойкому противнику поражение (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.»

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны».

Моральные силы противника — это такая же сила, как и его материальная сила, и уже во времена архаичных войн нужно было быть не государственным деятелем, а дебилом или предателем, чтобы не принимать мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. И вот почему.

«Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, — мы это настойчиво подчеркиваем, — нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил являются его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути».

Здесь Клаузевиц затронул вопрос разрушающего влияния на мораль первого поражения своей армии. Обычно ветераны не распространяются о своей деморализации, я могу привести только одно воспоминание солдата, кстати, писавшего во время самой войны и погибшего в ней. Участник трагической для Франции войны 1940 года, летчик-разведчик, Антуан де Сент-Экзюпери, пусть и несколько художественно, но достаточно полно выразил, что происходит в душе солдата при поражении:

«...когда начинается разгром, всякая работа прекращается. На первый взгляд может показаться, что побежденного захлестывает поток возникающих проблем, что, сиюсь разрешить их, он не щадит ни своей пехоты, ни артиллерии, ни танков, ни самолетов... Но поражение прежде всего начисто снимает все проблемы. Все карты смешиваются. Непонятно, что делать с самолетами, с танками...

Царит не подъем, а растерянность. Подъем сопутствует только победе. Победа цементирует, победа строит. И каждый, не щадя сил, носит камни для ее здания. А поражение погружает людей в атмосферу растерянности, уныния, а главное — бессмыслицы.

Потому что прежде всего они просто бессмысленны, эти наши задания. С каждым днем все более бессмысленны. Все более губительны и все более бессмысленны. У тех, кто отдает приказы, нет иного средства задержать лавину, как только бросить на стол свои последние козыри.

Но меня поражает как раз обратное. Меня поражает та безграничная готовность, с которой мы зажмуриваем глаза и затыкаем уши. Поражает наша безнадежная борьба против очевидности. Все уже потеряло смысл — а мы упрямо взрываем мосты, чтобы продолжать игру. Мы сжигаем настоящие деревни, чтобы продолжать игру. И, чтобы продолжать игру, умирают наши солдаты.

Разумеется, кое-что и забывают! Забывают взорвать мост, забывают поджечь деревню, порою щадят жизнь солдат. Но трагизм этого разгрома в том, что он лишает действия всякого смысла. Солдат, взрывающий мост, не может не испытывать отвращения. Этот солдат не задерживает врага: он превращает мост в груды развалин, и

только. Он калечит свою родину, лишь бы получилась удачная карикатура на войну!

Действовать с воодушевлением можно только тогда, когда действия имеют очевидный смысл. Не жаль спалить урожай, если под его пеплом будет погребен враг. Но врагу, который опирается на свои сто шестьдесят дивизий, плевать на наши пожары и на гибель наших солдат.

Нужно, чтобы то, ради чего сжигают деревню, стоило самой деревни. Но теперь значение сожженной деревни стало лишь карикатурой на значение.

Нужно, чтобы то, ради чего умираешь, стоило самой смерти...

Объединяет одна лишь победа. Поражение не только разобщает людей, но и приводит человека в разлад с самим собою. Если беглецы не оплакивают гибнущую Францию, то именно потому, что они побеждены. Потому, что Франция побеждена не вокруг них, а в них самих.

Поражение раскалывает. Поражение разрушает построенное единство».

Возвращаясь к мысли, что хотя победа в битве так дорога и так желательна, Клаузевиц указывает: *«Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.*

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны», — пишет Клаузевиц, склоня читателя к мысли о выгоде уничтожения не физических, а моральных сил противника. Это гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение победы в войне единственным имеющимся у войны средством — боем. Деморализация противника — вот ключ к успеху!

(Я понимаю, что у читателей при выводе об уничтожении государства без войны сразу же приходит на ум СССР. И правильно приходит — это классический при-

мер победы в войне. Болтовня о «демократических преобразованиях» в СССР — это болтовня «в пользу бедных». Умом. Был враг — НАТО, этот враг теперь хвастается своей победой, а на территории бывшего СССР установлены выгодные этому врагу порядки, кстати, те порядки, которые и хотел установить на территории СССР Гитлер, пытавшийся это сделать в ходе Второй мировой войны.)

И несмотря на эту очевидность главенствования моральных сил и по сей день, описывая войны и видя, что в ходе этих войн вооруженные силы противников практически не участвовали, аналитики жуют и жуют вопрос только соотношения материальных сил. Вспомните освещение побед США в последних войнах всеми комментаторами — и проамериканскими, и антиамериканскими. Как только на такого аналитика наведут объектив телекамеры или пообещают место на страницах печатных СМИ, он немедленно начинает выдавать «важные» подробности, якобы «определившие» победу США. А именно: численность войск и союзников, численность и качество оружия и т. д. и т. п. — все то, что, возможно, и определило бы победу войск США, если бы они действительно воевали силами армии, авиации и флота. Но ведь одержав военные победы над Сербией, Афганистаном и Ираком, США не воевали! Некую боевую активность проявляла авиация, да и то, если была гарантия проведения боевого вылета без боя, т. е. в условиях подавленной ПВО противника. Не воевали, но военные победы одержали! Что именно уничтожили США у своих жертв в этих войнах, чтобы одержать победу в войне? Методом исключения остаются моральные силы.

И вот тут возникают два вопроса: чем уничтожили и было ли что уничтожать? Начнем с первого.

Гитлер как ученик англосаксов

А. Гитлер, глава Германии тех времен, убийственную роль подрыва моральных сил народа пропагандой испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны. А после войны, в 1924 г., он говорил,

что не только ему, но и тем, кто пытался понять суть происходящего, только во время Второй мировой войны стало понятно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Причем в качестве примера Гитлер брал не немецкую пропаганду, которую ругал за глупость, а пропаганду противников Германии — Великобритании и США.

Гитлер сделал пропаганду мощнейшим родом войск. К сожалению, его труды в СССР были под запретом, под запретом они и сегодня, и поэтому неудивительно, что и историки, чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т.д. А в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощность этого рода войск Германии настолько была в глаза, что рассмотрению немецкой пропаганды место уделяли все — от публициста Андре Моруа до помянутого английского военного теоретика Д. Фуллера.

Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе: «К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 г. подпала под влияние человека с весьма определенными политикой и планами, человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других самим богом.

«Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, — кричал Гитлер. — Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они слепы к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидающий гений всегда выше круга специалистов».

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том «Mein Kampf», он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне «моторизация» будет «преобладать и сыграет решающую роль». Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его полити-

ческая цель «заключалась в захвате *Lebensraum* (жизненного пространства) для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подорвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия — война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями».

Из приводимой ниже цитаты из книги Раушнингера видна суть теории Гитлера: «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем пойдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника — вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня».

Как видите, Гитлер действовал так, как и предлагал Клаузевиц, — он сначала добивался паники у противни-

ка и, подчеркну, добивался ее еще в МИРНОЕ время, а уж потом наносил удар.

Но Фуллер считает, что Гитлер базировал свои идеи на доктрине абсолютной войны Клаузевица, а я в этом сильно сомневаюсь. Сомневаюсь, что собрался бы выиграть за 8 недель войну с СССР тот, кто понял в первой главе книги Клаузевица раздел 8 *«Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени»*. А в этом разделе, в частности, Клаузевиц предупреждает стратегов: *«В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил»*. А Гитлер собирался войну с СССР выиграть быстро, игнорируя то, что СССР приведет в действие те силы, которые не смог задействовать с начала войны.

Правда, дело не только в том, что Гитлер невнимательно читал Клаузевица, но об этом в свое время.

Способы уничтожения моральных сил противника

Тем не менее, как видите, немцы прекрасно понимали, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, в связи с чем сделали пропаганду главным родом войск. А поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то коварство и ложь для немцев были естественны и в военной пропаганде, хотя в данном случае это не столь важно, поскольку, повторю, естественно.

Что имеется в виду под моральными силами и деморализацией?

Принятое определение морали — добровольно принятые в обществе традиции норм поведения, защищающие представления общества о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле. Конкретных норм поведения может быть много, и они для разных обществ могут быть разными, но если общество существует, то в нем в основе морали обязательно лежит долг перед обществом — обязанность защищать его. В основе долга лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу — это, по сути, долг потомкам. В основе долга лежат требования морали быть честным и совестливым. Интересно, что у древних персов главным качеством воина была не сила или храбрость, а честность. Честность не даст отказаться от долга, а при отказе от долга сила и храбрость воина становятся бесполезными.

Это мораль взрослых людей, детям она не присуща, и ее у них нужно воспитывать, а у животных если и есть зачатки морали, то основаны они на инстинктах, а не на интеллектуальном осознании необходимости морали. Соответственно, в сильном обществе считаются злом подлость и трусость, бессовестность и уклонение от исполнения долга.

Но, подчеркну, долг — это **ДОБРОВОЛЬНО** принятая норма поведения, как и все нормы морали. Соответственно, человек может и отказаться от долга. Вот этот отказ от исполнения долга и есть **ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ** противника.

Что еще требуется уточнить. В основе долга обществу лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу — это, по сути, долг потомкам. Долг **ПОТОМКАМ!** Общим потомкам — потомкам всех граждан общества. Только им и никому иному. Поскольку в данном случае легко делается подмена и долг обществу подменяется долгом правительству, долгом партии, долгом мировому коммунистическому движению, долгом демократии или идеалам свободы. Внушите хотя бы части граждан данной страны, что в этом заключается их долг, и вы граждан страны разделите сами или с «доброжела-

тельской иностранной помощью» — вы сами создадите (или вам создадут) «пятую колонну».

Ведь в истории даже нашего народа все это было. Были люди, считавшие своим долгом служить Мировой революции, и эти троцкисты были самые яростные враги СССР. В то же время нацисты были морально необычайно сильны именно потому, что практически весь немецкий народ считал своим долгом службу нации, немцы ведь и пошли войной на СССР, яростно и до конца сражаясь за «жизненное пространство» для немецкой нации — для своих потомков.

Если вот это понять, то снимаются недоуменные вопросы типа — а если правительство государства — это воры и они не служат потомкам, то как быть? Тогда ваш долг обществу — заменить это правительство, поскольку, безусловно, чтобы сплотить общество, члены правительства должны первыми служить обществу, служить потомкам.

Разумеется, все не просто и требует размышлений в каждом случае, недаром англичане говорят, что очень трудно понять, в чем заключается твой долг, а исполнить его гораздо легче. Ведь помимо ясного понимания того, что служить нужно будущим поколениям своего народа, есть еще и понимание путей того, как эту службу исполнить. Скажем, Гитлер, безусловно, самоотверженно служил немецкому народу (или своей славе, но славу свою он видел именно в этом служении). Однако путь служения — ограбить СССР — был выбран явно не лучший. Немцы с этим путем согласились, понеся бессмысленно огромные потери, в которых они, безусловно, сами виноваты. А надо бы им было хорошо подумать, в чем их долг, надо было десять раз отмерить, прежде чем перепосявывать чресла мечом.

В отличие от людей, имеющих долг перед обществом, людям, имеющим долг только перед правительством или перед всем остальным набором долгов, думать не надо — начальство (прямое или идейное) решит, что делать или когда на митинги выходить. Кроме того, такой набор долгов позволяет в критический момент отказаться ис-

полнять долг перед обществом, как это сделали генералитет и кадровое офицерство Советской Армии, у которых в 1991 году в момент не осталось никакого долга перед обществом СССР, зато появился долг свято служить начальству.

Следует сказать и о вождях, хотя это к теме войны прямо не относится. Люди неправильно понимают суть власти — они видят ее корни в начальниках. На самом деле основа власти — в подчиненном, и возникает то, что мы называем властью, только тогда, когда подчиненный начинает исполнять команды начальника. В 1917 году большевики и левые эсеры, заняв министерские кресла России, стали отдавать приказы. Но от этого у них реальной власти не появилось. Власть возникла только тогда, когда подавляющее большинство граждан России сочло полезным и нужным подчиниться большевикам и силой заставить подчиниться им и оставшихся граждан.

Надо понять, что пока вы не подчиняетесь никому, никто не имеет над вами власти, власть отсутствует, ее нет. Она возникает только тогда, когда вы начали подчиняться. В создании власти главное лицо — подчиненный. Каким образом руководящий орган заставит подчиниться — это второй вопрос, но для власти главная составляющая — воля подчиненного. Соответственно, не требуется никаких государственных должностей для наличия власти, не требуется никаких мер насилия над подчиненными, скажем, таких, какие имеет господь бог, чтобы люди ему подчинялись.

Образный пример. Вы, в группе туристов, заблудились в тайге, и речь пошла о вашей жизни, но вот на вас наткнулся местный охотник, который не имеет над вами никакой официальной власти и даже не пробует применить к вам насилие. Но он скамандует: «Идите за мной!» — и все в вашей группе эту команду выполняют. Одни потому, что понимают, что раз охотник местный, то и дорогу знает, другие просто поверят, что он ее знает. Вот этот охотник и есть модель вождя.

Таким вождем был Сталин, который до мая 1941 года не занимал никаких государственных долж-

ностей, в партии был одним из пяти равных ему секретарей, и даже в Политбюро председательствовал В. Молотов. То есть Сталин не имел в своем распоряжении никаких мер насилия, чтобы подчинить людей себе. Вспомните, в момент, когда Сталин стал оформляться как вождь, органы насилия — госбезопасность — возглавлялись и были засорены тайными врагами Сталина. Причем Сталина тошнило от своего возвеличивания, он никогда не требовал, чтобы его величали вождем, не требовал, чтобы ему подчинялись. Но народ СССР в своей массе считал полезным подчиняться именно Сталину, при этом одни понимали, почему это полезно, а другие — веря в это.

Гитлер был иным, он, во-первых, не видел себя вождем без занятия высшей государственной должности, то есть без получения прав насилия над теми, кто ему не подчинялся, посему сразу же стал канцлером Германии. Во-вторых, Гитлер и требовал, чтобы его считали единовластным вождем. По своей сути Гитлер был не вождем, а скорее диктатором, опирающимся не только на свои идеи и свой ум, а на насилие над не согласными с ним. Хотя его искренние сторонники, безусловно, верили в гений Гитлера и считали полезным подчиняться ему именно по этой причине, а не из страха перед ним.

Со времен архаичных войн способы деморализации противника известны, просты и понятны:

— внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору. Поскольку этот способ воздействует на инстинкт самосохранения человека, то он действенен во все времена, причем чем более инфантильны люди, чем менее они охвачены человеческой моралью, чем больше они дети и животные, тем способ более действенен;

— разделить общество на части и эти части, если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным — это известнейший принцип «разделяй и властвуй!»;

— склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посолом материальных благ — игрой на алчности;

— подменой долга обществу долгом начальникам и различным идеям.

Гитлер, как увидели выше, открыто стремился опереться на «пятую колонну» в странах, намеченных в жертвы агрессии (думаю, что Гитлер был горд собой и был уверен, что превзошел в этом вопросе и Клаузевица, и своих учителей — англосаксов). Однако в действиях Гитлера по уничтожению моральных сил будущей жертвы не видно ничего, что можно было бы считать оригинальным, — все его действия в этом плане или известны, или очевидны. Единственно, он открыто заявил, что начинать борьбу за деморализацию будущего противника нужно задолго до войны, и это действительно так.

«Пятая колонна»

Немного о «пятой колонне». Я уже не раз писал, что раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» — пустой звук. Этому термину дала жизнь гражданская война в Испании в 1936—1939 годах. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности аграрную реформу. Капиталистическому (самоназвание — «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в испанском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих

предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до испанских событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда «пятую колонну» называют «квислингами» по имени предателя норвежского народа, сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно.)

Разумеется, Гитлер использовал для «пятой колонны» этнических немцев, живущих в других странах, в этом, надо сказать, абсолютно не было ничего нового — немцы использовали этнических немцев России еще в Первую мировую войну.

А затем Гитлером в государстве-жертве использовались все, кто был недоволен существующей организацией общества, — тоже ничего нового. Если исключить из числа «пятой колонны» идейных революционеров, для которых неприемлем грабеж собственного народа, который они собираются осчастливить, то в ней останется ленивая и глупая часть населения. Та часть общества, у которой не хватает ни ума, ни работоспособности, чтобы достичь в обществе того материального положения, которое эта часть алчет. Та часть общества, которая достаточно подла, чтобы пренебречь интересами всего общества и попытаться достичь желаемого при оккупантах. Эта часть может действовать как самостоятельно, так и в составе различных революционных течений, поскольку открыто показать свою подлость и служить оккупантам только ради денег, не просто.

«Пятой колонной» вполне могут быть национальные и меньшинство, и большинство, алчущие денег и славы под соусом национального освобождения или освобождения от обузы «кормить чучмеков». И могут быть идейные сторонники политических режимов агрессора, которые алчут тех же денег и власти, но под политическим соусом. В Испании как раз из таких и состояла та часть предателей республики, которая дала название самому

термину «пятая колонна», такими же были сторонники нацистов в Великобритании, Голландии или Норвегии.

Обычно вред от «пятой колонны» видят в силовом предательском воздействии внутри страны в пользу агрессора — в «ударе ножом в спину», и во времена Второй мировой войны чаще всего именно так и было. Вот, скажем, в Норвегии был деятель, майор норвежской армии Видкун Квислинг, с 1931 по 1933 год он был даже министром обороны. Но в том же 1933 году при помощи немецких нацистов Квислинг основал партию «Национальное единение», в которую со временем вступило около 50 тысяч человек. Когда в день начала немецкого нападения на Норвегию норвежское правительство эвакуировалось из Осло, Квислинг организовал мятеж и по радио объявил о государственном перевороте и создании правительства под своим руководством. Соответственно, он призвал норвежцев подчиниться немцам и прекратить сопротивление. Это дезорганизовало Норвегию и ее армию и помогло немцам, в конце концов, захватить Норвегию без больших потерь.

Деморализующее влияние «пятой колонны»

Но удар в спину — это далеко не все и, возможно, не самое главное. Страшен в «пятой колонне» пример отказа от исполнения долга перед обществом. Подчеркну, не ее собственный отказ от долга перед Родиной — это само собой разумеется, а то, что она является примером подражания для других.

Вот такой, вроде бы не имеющий отношения к делу взгляд на «пятую колонну».

Корреспондент РИА «Новые регионы» 6 декабря 2007 года передал из Тель-Авива сообщение под заголовком «Премьер Израиля поблагодарил советских евреев за развал СССР», в котором, в частности, говорится: *«Выступая в среду вечером на торжественной церемонии, посвященной 40-летию начала борьбы проживавших на территории СССР евреев за право выезда в Израиль, премьер-министр этой страны Эхуд Ольмерт заявил, что по-*

беда, одержанная ими в этой борьбе, стала одной из причин распада Советского Союза». А экс-министр Натан Щеранский заявил: «...победа, одержанная советскими евреями в борьбе за право на выезд, «существенно подтолкнула Советский Союз к распаду и тем самым изменила мировой порядок». Как видите, руководители Израиля хвастаются, что 40 лет назад выезд евреев из СССР привел к уничтожению общества СССР. Но как и чем этот простой выезд евреев из страны связан с уничтожением СССР?

Вообще-то нет уверенности, что эти руководители Израиля действительно понимали, что именно они сказали, и совершенно понятно, что они не читали Гитлера. Иначе остереглись бы заявлять подобное. Ведь Гитлер за 90 лет до этого праздника определил евреев как фермент дезорганизации, распада любого общества, а конкретно Гитлер писал о дезорганизации евреями как раз СССР — о том, что они являются ферментом его распада. И надо ли было этим деятелям Израиля подтверждать правоту Гитлера?

Правда, есть евреи и евреи. Есть граждане данной страны еврейского происхождения, которые, соответственно, чувствуют свой долг перед Родиной и исполняют его подчас лучше, нежели коренные граждане. И есть лица, которые в любой стране остаются только евреями, образуя как бы отдельную политическую организацию. Вторые как раз и выезжали, что само по себе было благом для СССР, если бы сам их отказ от долга обществу, в котором они выросли, которое их защищало и обучало, сопровождался хотя бы презрением этого общества. Но этого не было, эти лица оставались как бы нормальными людьми, хотя не скрывали, что подавляющая их масса едет не за пресловутой свободой, а «за длинной колбасой», и даже не в Израиль, а в США. Мало этого, вместо того, чтобы провести публичное «аутодафе» предателям СССР, сам этот факт замалчивали, а мелкими придирами из этих в массе своей бессовестных людей делали «узников совести».

Повторю, мораль — это нормы поведения, принимаемые человеком на себя добровольно, и в случае,

если и окружающие руководствуются этими же нормами. Если же окружающие не руководствуются моралью, то моральный человек выглядит в собственных глазах каким-то дурачком, который ограничивает себя в том, в чем другие себя не ограничивают. И безнаказанный отказ кого-то по соседству от соблюдения моральных норм — это зараза, которая быстро распространяется и на окружающих. Почему в любой армии мира самым жестоким способом расправляются с дезертирами. Напомню, что офицеров всех армий исстари вооружали пистолетами — короткоствольным и маломощным оружием, малоприспособленным для боя с противником на обычных расстояниях огневого воздействия, причем большинство офицеров батальона в бою шли за боевым строем батальона, имея задачей пристрелить из пистолетов любого, кто попытается из строя выйти по причине отказа от исполнения долга.

В этом же случае отказ подобных евреев от гражданства на глазах у советской интеллигенции (две трети выезжающих евреев имели высшее образование) и отсутствие их осуждения асфальтовым катком прокатывались по такому хрупкому чувству, как долг. Я помню в перестройку разговор с седовласым казаком — аксакалом. Надо сказать, что у казахов, как и других азиатских народов, аксакалы (старики) пользуются исключительным уважением и авторитетом, но пользуются потому, что свято исполняют свой долг — живут не для себя, а для потомков и думают только об их благополучии. А тут этот аксакал цинично высказывался за то, чтобы передать недра Казахстана иностранцам и лично получить за это хорошие деньги. Но ведь эти недра принадлежат и нашим потомкам! — возмущался я. Это не действовало, в ответ этот аксакал талдычил про Саудовскую Аравию, которая свои недра продает и «хорошо живет».

Разумеется, в таком повороте мозгов, при котором даже старики, носители традиций, отказываются от заботы о будущих поколениях, виноваты не только евреи и не столько евреи, к примеру, отказ руководителей СССР от исполнения долга имел гораздо большее значение, од-

нако, понимали ли Ольмерт и Щеранский, о чем они говорили, или нет, но по сути ими сказанного они были правы.

И «пятая колонна» в первую очередь страшна этим — если ее члены имеют доступ к общению с большим количеством сограждан, то их идеи отказа от исполнения долга перед обществом разлагают народ данной страны — деморализуют его перед лицом иностранной угрозы.

И еще следует обратить внимание на то, почему уничтожать моральную силу противника выгодно заблаговременно, когда с противником еще мирные отношения. Ведь если бы евреи попробовали уезжать во время войны, то их бы расстреливали как дезертиров, а в мирное время на это никто не решился бы, поскольку в мирное время всевозможные «пятые колонны» имеют вид мирных диссидентов.

Волонтеры «пятой колонны»

Следует остановиться и на волонтерах «пятой колонны» — лицах, недовольных своим материальным или властным положением. Спросим себя — а кто им доволен в любом обществе в любых странах? Однако обычные люди, недовольные своим материальным положением, решают эту проблему за счет прилежного труда, рационализации, изобретательства, освоения искусства управления людьми и хозяйством. Им для повышения своего материального благосостояния не требуется разрушать общество, в котором они живут и которое их защищает, тем более не требуется это делать с помощью иностранной агрессии. Следовательно, на риск разрушения общества пойдут только те, кто по жизни улучшить свое положение обычным, честным путем не способен — только глупые и ленивые. Но и такие люди в любом обществе не в диковинку, однако просто глупые и ленивые видят свои способности и довольствуются тем, что имеют. Следовательно, для отказа от долга и для предательства общества лени и тупости, как тако-

вых, мало, нужны еще и несоразмерные способностям амбиции — нужны претензии на иной статус в обществе без оснований его занимать. Откуда берутся такие амбиции?

Я вспоминаю одну из своих командировок в ЮАР в конце 80-х, когда там шли процессы по ликвидации сегрегации. Поскольку я ездил по заводам, то эта сегрегация была видна на глаз — все рабочие были черные, все руководители, инженеры и конторские служащие — белые. Основное число тех белых, с кем приходилось говорить на эту тему, в принципе видели необходимость этих процессов, но не представляли, как они будут жить с черными. Я же, со своей стороны, плохо представляя, что именно происходит, полез с советом, казавшимся мне естественным, — принять меры к быстрому повышению образовательного уровня чернокожего населения. Собеседник грустно пожал плечами и сообщил, что на территории ЮАР работают несколько университетов для чернокожего населения Африки, но эти заведения практически не готовят специалистов: негры, получившие дипломы, в своей массе становятся революционерами — людьми, стремящимися удовлетворить свои амбиции путем разрушения имеющихся обществ.

Надо сказать, что до этого разговора я гордился полученным образованием, гордился тем вузом, в котором я его получил, гордился тем, что в СССР людей с высшим образованием было больше, чем где-либо в мире, и что каждый четвертый ученый мира — это советский ученый. Взгляд на образование как рассадник заразы общества мне был внове.

Правда, я уже столкнулся с бросающейся в глаза ненормальностью. Днепропетровский металлургический институт (ДМетИ), который я окончил, готовил кадры по специальности «электрометаллургия» для примерно двух десятков соответствующих заводов и производств СССР. Такие же кадры готовили еще четыре вуза, включая Московский институт стали и сплавов (МИСиС). Таким образом, только технологов готовилось более ста человек в год. Но уже из моей группы в

23 человека выпуска 1972 года вообще по специальности работало всего 5. На моем заводе в Казахстане — крупнейшем в своей отрасли — я был единственным выпускником-технологом своего института, а за всю историю завода на нем никогда не работал (даже временно) выпускник МИСиСа никакой специальности. В середине 80-х я ездил в родной институт для разговора с пятикурсниками с целью убедить их приезжать на наш завод работать — не приехал ни один. А мой старый преподаватель, видевший мои пропагандистские труды, с грустью предрек, что из этих студентов не то что ни один не приедет на наш завод, но и ни один не будет работать по специальности. У нас на заводе было около 600 должностей, требующих высшего образования, в цехах на должностях цеховых инженеров работало около 100 человек без высшего образования. Одновременно около 300 человек работало на рабочих должностях — в конторе мест для них не было, а в цехах они работать не хотели — не могли и боялись ответственности. Тогда для кого и для чего готовились эти «специалисты» с «верхним» образованием? И где гарантия, что они осознают никчемность своего образования и у них исчезли амбиции?

Потом прочел в книге француза Г. Лебона «Психология народов и масс», впервые изданной в России в 1898 г., критику латинской системы образования, ныне властвующей во всем мире (выделено мною. — Ю.М.):

«...Главная опасность этой воспитательной системы, вполне справедливо именуемой латинской системой, заключается в том, что она опирается на то основное психологическое заблуждение, будто заучиванием наизусть учебников развивается ум. Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Все учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться».

Прерву Лебона вопросом: а насколько это тяжело — заучить то, что преподают в вузе? Вот выводы современных психиатров, изучающих умственные отклонения людей и выделяющих группу «конституционно глупых» — глупых от природы:

«Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе: когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными».

Как видите, для глупцов от природы (или от лени) нет проблем в заучивании слов в учебном заведении с последующим воспроизведением их на экзамене, нет у них проблем и в обществе, особенно в обществе себе подобных. Психиатры фиксируют:

«Они умеют себя «держат» в обществе, говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение «Salon blödsinn» — салонное слабоумие)...

Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия.

С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации.

Одной из отличительных черт конституционально-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, «общественному мнению»».

Становятся понятными подконтрольные правительствам «институты изучения общественного мнения» и навязчивое сообщение ими «мнения избирателей» о «рейтинге кандидатов» накануне выборов.

«К конституционно-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжествен-

ным видом изрекают общие мысли или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец, — правда, в шаржированном, карикатурном виде — изречения Козьмы Прутков).

Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований.

Нелишне подчеркнуть, что по отношению ко многим видам конституционной глупости подтверждается изречение знаменитого немецкого психиатра, что они могут, умеют больше, чем знают... в результате чего в грубо элементарной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди».

Но верну слово Лебону, продолжающему сообщать о дефектах латинской системы образования:

«...Если бы такое воспитание было только бесполезно, то можно было бы ограничиться сожалением о несчастных детях, которым предпочитают преподавать генеалогию сыновей Клотария или историю борьбы Невстрии и Австрозии, или зоологические классификации вместо того, чтобы обучить их в первоначальной школе чему-нибудь полезному. Но такая система воспитания представляет собой гораздо более серьезную опасность: она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения, так что крестьянин уже не желает более оставаться крестьянином, и самый последний из буржуа не видит для своего сына другой карьеры, кроме той, которую представляют должности, оплачиваемые государством.

Государство, производящее всех этих дипломированных господ, может использовать из них лишь очень небольшое число, оставляя всех прочих без всякого дела, и таким образом оно питает одних, а в других создает себе врагов. Огромная масса дипломированных осаждают в настоящее время все официальные посты, и на каждую, даже самую скромную, официальную должность кандидаты считаются

тысячами, между тем как какому-нибудь негодянцу, например, очень трудно найти агента, который мог бы быть его представителем в колониях. В одном только департаменте Сены насчитывается 20 000 учителей и учительниц без всяких занятий, которые, презирая ремесла и полевые работы, обращаются к государству за средствами к жизни. Так как число избранных ограничено, то неизбежно возрастает число недовольных, и эти последние готовы принять участие во всякого рода возмущениях, каковы бы ни были их цели и каковы бы ни были их вожди. Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в человеке недовольство.

Это явление свойственно не только латинским странам; мы можем наблюдать то же самое в Китае — стране, также управляемой солидной иерархией мандаринов, где звание мандарина, так же как у нас, достигается путем конкурса, причем все испытание заключается в безошибочном цитировании наизусть толстых руководств. Армия ученых, не имеющих никаких занятий, считается в настоящее время в Китае истинным национальным бедствием. То же самое стало наблюдаться и в Индии после того, как англичане открыли там школы не для воспитания, как это делается в Англии, а для того только, чтобы обучать туземцев. Вследствие этого в Индии и образовался специальный класс ученых, бабу, которые, не получая занятий, становятся непримиримыми врагами английского владычества. У всех бабу — имеющих занятия или нет — первым результатом полученного ими образования было понижение уровня нравственности. Этот факт, о котором я много говорил..., констатируется всеми авторами, посещавшими Индию».

При формировании «пятой колонны» имеется в виду активность агрессора, имеется в виду, что это агрессор сформирует «пятую колонну» в стране-жертве, однако, как вы видите, несчастная жертва сама может из своих «бабу» сформировать свою «пятую колонну» всего лишь глупостью своей системы образования, — жертва сама может подготовить себе собственную гибель.

Завышение оценки моральных сил жертвы агрессии

Закончу исследование моральных сил государства.

Мораль — это традиции общества иметь определенные моралью нормы поведения. Но традиции изменяются вместе с условиями жизни, мало этого, в разных условиях или племенах они могут быть разными. Кроме того, если такие нормы поведения, как честность или совестьливость в массе общества, иностранец еще так-сяк сможет оценить в мирное время, то чувство долга в мирное время оценить невозможно, поскольку в мирное время долг не востребуется, посему все имеют возможность заявлять, что готовы исполнить долг и даже клятву дать. И как оценить, как эти люди поведут себя тогда, когда долг потребуется отдать, — при угрозе войны и в условиях войны? Ошибки в оценке степени деморализации общества могут быть велики, причем как в плюс, так и в минус.

Мы видим, что все заинтересованные правительства грубейшим образом ошиблись в оценке моральных сил Польши. Надо думать, что в основу неправильной оценки лег формальный подсчет вооруженных сил Польши и тот факт, что в 1920 году Польша выиграла войну у только зарождавшегося тогда и раздираемого Гражданской войной будущего СССР. Эту победу поляков определила глупость и трусость командовавшего Западным фронтом РККА М. Тухачевского, а отнесли ее в заслугу Пилсудскому и польской шляхте. Интересно, что сам Пилсудский, надо отдать ему должное, назвал свою победу «комедией ошибок», хотя он, действительно, как настоящий великий полководец, приложил все силы, чтобы эта польская победа состоялась. Но она никак не изменила гнусную сущность польской шляхты, которая хороша только для внезапного мятежа и которая быстро удирает за границу, как только возникает угроза собственной жизни. Никто как-то не оценил, что у польской шляхты нет традиции исполнять свой воинский долг перед Польшей с риском для жизни.

Можно представить, какой неожиданностью для немцев была деморализация польской армии, ведь до весны 1939 года немцы и поляки были фактическими союзниками — еще в 1938 году они вместе напали на Чехословакию и заставили ее капитулировать, причем Польше досталась Тешинская область Чехословакии. Немцы даже наметок военных планов против Польши до весны 1939 года не имели, не вели они и никакой подрывной работы против Польши. Когда стало понятно, что с Польшей придется воевать, немцы наверняка начали работу по формированию в Польше «пятой колонны», пытаясь возбудить для этого западноукраинских националистов, но ничего не успели сделать, и эти националисты никак в последовавшей германо-польской войне себя не проявили.

Да, успехи поляков в войне 1920 года внесли капитальную ошибку в оценку шляхты. Слова же самого маршала Пилсудского о том, что это он заставил поляков победить (*«Я победил вопреки полякам... Победы одерживались с помощью моего кнута»*), и его характеристику полякам как идиотам Сталин и Гитлер, видимо, считали простым хвастовством и последствиями старческого маразма и тяжелой болезни Пилсудского. Между тем свою книгу «1920 год» Пилсудский написал еще в 1924 году, когда не был ни стариком, ни диктатором Польши, а события войны 1920 года еще у всех были свежи в памяти. А в этой книге он характеризовал польскую элиту как *«мудрствующее бессилие и умничающую трусость»*. Когда Пилсудский метался со своего Южного фронта, где пытался остановить Буденного, на Северный фронт, где пытался остановить удирающие толпы польской армии, эта элита за его спиной послала к Советскому правительству делегацию, как он пишет, *«с мольбой о мире»*. Он и тех, кто был правителем Польши в 1939-м и в последующих годах, уже в 1924 году описывает как откровенных трусов. Пилсудский пишет, что затратил огромные силы в войне 1920 года, планируя операцию в расчете на заверения генерала Сикорского, что тот удержит Брест 10 дней, но Сикорский удрал из Бреста уже на следующий день после

того как дал обещание маршалу. В 1920 году еще генералу Рыдз-Смиглы Пилсудский дал приказ нанести «удар по главным силам Буденного около Житомира». Однако трусливый Рыдз-Смиглы «отвел свои войска в северо-западном направлении... как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного».

Сталину и Гитлеру для оценки предстоящего поведения Польши надо было брать иные исторические аналогии. Сталину надо было вспомнить Польшу Станислава Лещинского, когда основной боевой тактикой польской армии было бряцание оружием и обещание разорвать противника в клочья с последующим драпом с поля боя после первого же выстрела этого противника. А Гитлеру надо было вспомнить, что эту излюбленную тактику поляки применяли и против Фридриха Вильгельма — прадеда любимого Гитлером короля Фридриха II. Герцог бранденбургский Фридрих Вильгельм совместно со шведским королем Карлом X пришел под Варшаву в июле 1656 года, чтобы отстоять свое суверенное право на Восточную Пруссию. Их встретила вчетверо превосходящая по силам польско-литовская армия Яна Казимира. Шведы и бранденбуржцы разогнали поляков, лишив их артиллерии. По этому поводу польский писатель Генрик Сенкевич в романе «Потоп» пишет: *«На Варшавском мосту, который рухнул, были утрачены только пушки, но дух армии был переправлен через Вислу»*. Само собой. Как же это можно — польская армия, да без духа? Наверное, когда 30 июля бранденбуржцы со шведами входили в Варшаву, они от этого духа сильно морщились.

При этом Лещинский, заваривший всю эту кашу в XVIII веке, когда дошло дело до личного участия в бою, бросил Польшу, бросил свою шляхту, бросил 2000 человек присланного Францией войска и удрал за границу. Ян Казимир, который вызвал войну со Швецией и Бранденбургом в XVII веке тем, что потребовал себе шведскую корону, когда дошло дело до личного участия в отстаивании этих претензий, бросил Польшу на разграбление шведам и удрал за границу. Какие были основа-

ния считать, что польская элита образца 1939 г. поступит как-то по-иному?

Сталин и Гитлер ошиблись, равняя поляков по себе. Каким бы ни был Гитлер, но у него и мысли не было бросить немцев и удрать из Берлина в апреле 1945 года. А когда немцы в октябре 1941 г. вплотную подошли к Москве, то в запасную столицу Куйбышев были эвакуированы посольства, министерства, институты, но Сталин и не подумал уезжать из Москвы. Командование оборонявшего Москву Западного фронта тогда запросило у Сталина разрешение отвести штаб фронта на восток за Москву, в Арзамас, а командный пункт фронта отвести в саму Москву — в здание Белорусского вокзала. По свидетельству маршала Голованова, Сталин предупредил командование Западного фронта, что если оно вздумает еще отступить, то Сталин его расстреляет и в командование фронтом вступит сам. Немцы уже бомбили Кремль, в охранявшем Кремль полку были убитые и раненые, но Сталин Кремль не покидал.

Занижение оценки моральных сил жертвы агрессии

Оценка Польши была грубейшей ошибкой всех правительств, которая привела к неоправданной переоценке моральных сил этого государства. Но мы видели, что и в оценке моральных сил СССР правительства всех государств кардинально ошиблись, но теперь уже в обратную сторону — очень сильно недооценили моральные силы СССР.

Посмотрите по итоговым числам Второй мировой войны. Известные своей храбростью (по кинофильмам) отчаянные поляки на третий день боев начали удирать от немцев во все стороны и страны, потеряв за три недели войны примерно одного убитого солдата на 400 человек населения. Бывшие храбрые французы при таких же потерях сдались. Немцы, храбрые, умелые, азартные солдаты, безусловно преданные Германии, потеряли в ту войну за будущее государство для своих детей около 7 миллио-

нов населения, или каждого десятого. И сдались! Советские люди, разбившие 7 из каждых восьми немецких дивизий, потеряли за будущее государство для своих детей каждого седьмого (!) гражданина.

Но не сдались и отстаивали свое государство! Почему?

Причем то, что в данном случае в Первую явно недооценивались именно моральные силы, а не военные, хорошо видно на примере Советско-финской войны.

Когда я сообщаю читателям, что в 1939 году Финляндия желала и хотела войны с СССР с целью захвата у Советского Союза территорий, и даже первый выстрел сделала Финляндия, то читатели возмущаются — как это возможно?! Сегодня это действительно уму непостижимо: как могла Финляндия со своими 3,5 миллиона населения иметь планы по захвату территории СССР с его 170 млн?!

Тем не менее работа комиссии российско-финских историков в финских архивах приводит именно к такому выводу. Ни о каком отстаивании свободы и суверенитета «бедненькой Финляндии» в правительственных и военных кругах Финляндии и речи не шло. Из оперативных планов финской армии, сохранившихся в Военном архиве Финляндии, следует, что *«предполагалось сразу после нападения СССР перейти в наступление и занять ряд территорий, прежде всего в Советской Карелии... командование финляндской армии окончательно отказалось от этих планов лишь через неделю после начала «зимней войны», поскольку группировка Красной Армии на этом направлении оказалась неожиданно мощной»*. Финляндия собиралась установить новую границу с СССР по *«Неве, южному берегу Ладожского озера, Свири, Онежскому озеру и далее к Белому морю и Ледовитому океану (с включением Кольского полуострова)»*. Вот так!

В войне 1939—1940 годов Финляндия отказалась от этих планов только через неделю после начала войны, когда реально попробовала наступать и у нее это плохо получилось. По этим планам, укрепления «линии Маннергейма» отражали удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Граница

новой Финляндии должна была быть отодвинута и проходить, как вы прочли выше, по линии Нева — южный берег Ладожского — восточный берег Онежского озер — Белое море.

Разгром финской армии в 1940 году финнов ничуть не успокоил, эти планы оставались в действии и тогда, когда Финляндия примкнула к нацистской Германии в ее агрессии против СССР в 1941 году. Тогда правительство СССР начало энергично пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939—1940 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, сами угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: *«Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действительности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны»*. Об этом интересующиеся могут сами прочесть в подборке документов журнала «Родина». Документы тем более убедительны, что весь журнал издается администрацией президента России и выдержан в сугубо антисоветском духе.

Надо понять, что со стороны Финляндии цели войны выглядели очень соблазнительными и с экономической, и с военной точек зрения: площадь Финляндии увеличивалась вдвое, а сухопутная граница с СССР сокращалась более чем вдвое. Граница проходила бы сплошь по глубоким рекам и мореподобным озерам. Надо сказать, что цель войны, поставленная перед собою финнами, если бы она была достижима, не вызывает сомнений в своей формальной разумности.

Даже если бы не было финских документов по этому поводу, то об этих сугубо агрессивных планах можно было бы догадаться. Посмотрите на карту тех времен. Финны укрепили «линией Маннергейма» маленький ку-

сочек (около 100 км) границы с СССР на Карельском перешейке — именно в том месте, где по планам и должна была проходить их постоянная граница. А тысяча километров остальной границы СССР? Ее финны почему не укрепляли? Ведь если бы СССР хотел захватить Финляндию в ходе войны 1939—1940 годов, то Красная Армия прошла бы туда с востока, из Карелии. «Линия Маннергейма» просто бессмысленна, если Финляндия действительно собиралась обороняться, а не наступать. Но, в свою очередь, при наступательных планах Финляндии строительство оборонительных линий на границе с Карелией становилось бессмысленным — зачем на это тратить деньги, если Карелия отойдет к Финляндии и укрепления надо будет построить, вернее — достроить к «линии Маннергейма», на новой границе! На границе, которую предстояло завоевать в 1939 году!

Соблазн соблазном, но ведь финны не полные же идиоты: как они могли на это решиться — с 3,5 миллиона выступить против 170?

Разумеется, правительственные и военные круги Финляндии надеялись на то, что к ним примкнут великие державы и тоже объявят войну СССР, благо, Англия и Франция бездействовали в войне с Германией, а СССР заключил договор о дружбе с ней. И судя по событиям, какие-то устные обещания финны от великих держав получили. Но главное не в этом. Дело в нас — мы почти всегда допускаем ошибку — мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы знаем, чем был СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда — в 1939 году?

Давайте вернемся в то время и посмотрим на Россию глазами тех людей. К началу Второй мировой Россия более 100 лет неспособна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна была вой-

на Японии, маленькой стране. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать! В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после боев белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. Ведь гитлеровское определение СССР как «колосса на глиняных ногах» не из вакуума взялось.

И добавьте к этому советских диссидентов. Ведь вся разведка как Финляндии, так и всех стран либо прямо велась через них, либо велась с их помощью, и наверняка штабами всех стран не принималась во внимание заинтересованность диссидентов в соответствующем искажении действительности. К примеру, финская тайная полиция докладывала правительству накануне войны, что в СССР 75% населения «ненавидят режим». А ведь это означало, что нужно только войти в СССР, и население само уничтожит большевиков, встретит «армию-освободительницу» хлебом-солью и уж в любом случае воевать за большевиков не будет. Генштаб Финляндии, базируясь на анализе предательских действий советского маршала Блюхера в боях с японцами на озере Хасан летом 1938 года, докладывал, что Красная Армия не способна не только наступать, но и обороняться. Учитывая такую слабость противника, грех было не воспользоваться ею, посему финское правительство и не сомневалось, что один на один Финляндия способна вести войну с СССР не менее шести месяцев и победить. И оно, повторяю, было уверено, что за такой огромный срок сумеет привлечь на свою сторону какую-либо из великих держав в союзники.

Как вы поняли из приведенной выше цитаты из Дейтона, в оценке моральных сил СССР финское правительство выглядит не более глупо, чем правительства Англии

или США и тем более, чем Гитлер. В 1941 году Гитлер boldly атакует СССР, а уже 12 апреля 1942 года, чтобы объяснить провал блицкрига, выдает идиотскую тираду: *«Вся война с Финляндией в 1940 году — равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами — это не что иное, как грандиозная кампания по дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой»*. По Гитлеру получается, что Сталин специально прикидывался слабым, чтобы не перепугать Гитлера перед нападением на СССР. То есть в 1941 году и Гитлер грубейшим образом и для Германии фатально ошибся в оценке моральных сил СССР.

Выводы

Поскольку рассматривается вопрос молниеносной войны, то есть мы смотрим на проблему со стороны агрессора, то можно сделать вывод, что уничтожение моральных сил противника путем деморализации его народа (и армии) — наиболее экономичный и наименее рискованный способ победы в войне. Это же и наиболее надежный путь (если придется) провести «горячую» фазу войны молниеносно. Способы деморализации можно свести к трем принципиальным:

— внушить народу-жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

— «разделяй и властвуй!» — разделить общество на части, а эти части, если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным — то, что и требуется;

— склонить влиятельную часть общества к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ или власти в завоеванном государстве — играть на алчности, глупости, трусости и подлости отдельных страт и личностей.

Разумеется, все это надо делать заблаговременно, поскольку подрыв моральных сил — это процесс не быстрый, и надо максимально использовать мирный период с его открытостью и возможностью относительно легко вести вербовку и пропаганду.

Замечу, не принято относить к «пятой колонне» генеральско-офицерский состав армии — его считают просто предателями, что, в общем-то, так и есть. Однако надо понимать, что если генеральско-офицерский состав армии в мирное время формируется не из людей высоких моральных качеств, а из людей, которые идут в армию всего лишь для того, чтобы иметь высокий статус и хорошее материальное положение, то эти люди на самом деле и не умеют воевать, и сами знают это. То есть они заведомо запуганы собственным непрофессионализмом, собственным неумением воевать. Посему при угрозе войны и возрастающем риске гибели вообще и, в частности, от собственного непрофессионализма эти люди также могут стать аналогом «пятой колонны». Стать сознательно еще до войны или по чистой трусости уже с началом войны.

Облегчает создание «пятой колонны» наличие в стране-жертве большого количества «бабу» — глупцов, сумевших получить образование, а вместе с ним и амбиции, несоразмерные способностям.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИЛА

О руководстве экономикой

Экономическая сила — она и в Африке сила. Но в экономических силах государства невозможно найти ничего, что было бы присуще молниеносности войны. Поэтому, я полагаю, в порядке, так сказать, общего развития рассмотреть вопрос руководства этими экономическими силами. Сегодня в России в кругу интеллектуалов этот вопрос звучит дико — как это руководить народным хозяйством? Ведь каждый настоящий интеллигент знает, что руководит экономикой только рынок!

К сожалению для двух десятков миллионов советских людей, погибших в Великую Отечественную войну, Гитлер этого не знал, и, к счастью для победивших советских людей, Сталин тоже этого не знал. Не были они такими мудрыми экономистами, как нынешние президенты, уверенные, что от них требуется только щук ловить да за амфорами нырять, а цены на нефть как-нибудь сами обогатят население, на шее которого эти президенты сидят. Сталин и Гитлер были людьми «экономически малограмотными», наивно считавшими, что раз благосостояние народа и сила государства зависят от развития экономики, то, следовательно, они обязаны руководить экономикой. И они руководили.

А вот теперь поговорим об интеллектуальной составляющей любой работы по исполнению дела. С этой точки зрения работа нашего мозга идет в три следующих одна за другой стадии: оценка обстановки, принятие ре-

шения и действие. Не уверен, но, возможно, болтовня ради болтовни идет как-то по-другому, но мыслительная работа человека при любой его осмысленной деятельности протекает именно так. Индивидуальная работа человека после первых двух стадий заканчивается каким-либо его индивидуальным действием: он либо делает руками то, что решил, или идет, куда решил, или говорит то, что решил сказать, или пишет то, что придумал на основе своего анализа. А вот у руководителя (командира) оценка обстановки и принятие решения заканчивается его приказом или иным распорядительным действием. Итак.

Оценка обстановки. Анализ поставленного или вставшего перед руководителем дела — его сложности и особенностей, анализ сил, вверенных руководителю подчиненных, подсчет наличных средств и резервов.

Принятие решения. Разделение дела на дела своих подчиненных и поиск ресурсов для обеспечения выполнения подчиненными указанных им дел.

Действие. Оформление своего решения в приказную форму и доведение приказа до подчиненных.

Конечно, если бы все было так просто, то на работу надо бы было ходить один раз в год.

На самом деле обстоятельства меняются непрерывно: непрерывно меняются собственные силы — они то слабеют, то усиливаются; по каким-то делам у подчиненных то возникают провалы, то появляются резервы; ресурсов где-то не хватает, а где-то появляется их избыток; собственные задачи то оказывается сложнее, чем ранее виделись, то по ним находятся эффективные решения и т. д. и т. п. Поэтому и начальник работает непрерывно, и чем тяжелее дела, тем больше приходится работать — все глубже оценивать по встающим задачам обстановку, все чаще принимать корректирующие решения. Чем лучше начальник понимает стоящие перед ним задачи, тем точнее он оценивает обстановку, тем точнее его первоначальные и последующие решения, тем, строго говоря, меньше их надо и тем они эффективнее. И соответственно, тем полезнее такой начальник для организации, тем эффективнее такой руководитель для государства.

Как называется работа по оценке обстановки и принятию решения? Молодые уже могут этого и не знать, но люди в годах еще помнят — в Советском Союзе это называлось простым словом «планирование». Работа начальника заключается в разделении труда между подчиненными, а это и есть планирование: если начальник планированием занимается, значит, он начальник, если не занимается, значит, в лучшем случае, паразит, а в худшем — вредитель.

Вот, к примеру, один из директоров завода, на котором мне пришлось работать, руководитель «от бога», мог простить очень многое, но не прощал опозданий на плановые встречи. И дело было не в какой-то его придури, а в точном взгляде на то, кто такой руководитель. Как-то раз он вполне резонно объяснил, что вся работа руководителя — это планирование, и если руководитель не способен на элементарное — на то, чтобы спланировать свое рабочее время так, чтобы не опаздывать на плановые встречи, — то тогда какой он, к черту, руководитель?!

Так что пора поговорить о планировании.

Планирование

В СССР мы имели мощную экономику — именно такую, которая могла справиться с задачей экономики государства — обеспечением всего народа максимумом товаров и услуг. Даже парализованная в те годы бюрократизмом, экономика была настолько сильна, что с ней не могла сравниться ни одна экономика даже самых развитых стран.

Рассмотрим, в чем была ее сила, а для этого смоделируем нашу страну, мысленно уменьшая ее размеры до тех пор, пока она не достигнет величины крестьянского хозяйства. В этой модели главой страны, ее правительством, окажется хозяин этого двора — сам крестьянин.

Представим себе конец зимы, долгий вечер, он сидит и думает: «Детей у меня пока четверо, жена да я сам — шестой. Чтобы не голодать, надо в год 20 пудов хлеба на рот, итого 120 пудов. Да на одежду, инвентарь, то-другое

потребуется рублей 60. Если Бог даст, то цена на хлеб не упадет ниже 1,5 рубля за пуд, а значит, чтобы выручить 60 рублей, надо еще 40 пудов, да на еду 120, итого 160 пудов. Если Бог дождичка пошлет (а судя по зиме, то может и послать, наверное, пошлет), то урожай надо ожидать, пожалуй, сам-десять, то есть по 60 пудов с десятины. На семена 6 пудов, тогда на еду и товарного зерна с десятины останется 54 пуда, а мне надо 160. Это значит, что три десятины под хлебом надо иметь. Да, пожалуй, хоть половину десятины, а овсом надо засеять. Будет овес, следующей зимой схожу с лошадьё в извоз, все лишняя копейка... Зима снежная, пожалуй, луга хорошо зальет, сена пудов 300 возьму, да солома будет, телку, видимо, резать не придется, пусть на следующий год простоит, корова старая, менять надо... Три с половиной десятины я и сам вспашу и засею за две недели, старшему 12, пособит. Так что людей в помощь нанимать не придется...». И так далее, и тому подобное.

Как назвать то, чем занимается этот крестьянин? Что он делает? Думает? Мечтает? Фантазирует? Нет. Он планирует! Правда, в русском языке использовалось слово «задум». И никакое хозяйство невозможно без планирования, если во главе его не стоит идиот. И сила экономики СССР была в системе планирования своего народного хозяйства, своей экономики.

Тогда в чем же был смысл тех «рыночных отношений», которые были внедрены Западом и их пособниками в уничтоженном СССР? В учреждении безмозглости в СНГ — в ликвидации планирования! В тупой, административной, насильственной ликвидации системы планирования в стране — в тупой, административной, насильственной ликвидации осмысленности народного хозяйства! Если перенести цели победившего Запада и его нынешних холуев на нашу модель с крестьянином, то они хотели иметь такой вид народного хозяйства СССР.

Жена крестьянина сварила себе порцию щей и сидит ожидает «спроса на рынке». Прибегает один ребенок: «Мама, кушать хочу». «Ага, — размышляет жена крестьянина, — появился спрос на рынке. Надо еще порцию ва-

речь». А потом следующий ребенок бежит, потом еще один. Жена каждый раз радуется: спрос на «свободном рынке растет»! Естественен вопрос: что, у этой хозяйки «крыша поехала»? Почему она не пересчитает свою семью и сразу не сварит шесть порций? Кому в данном случае нужны этот «спрос на рынке» и эти «свободные рыночные отношения»? Ведь никакое хозяйство — малое или большое, никакая экономика не может развиваться без планирования.

Думаю, мало кто слышал в нынешней России имя Ли Якокки: у нас сейчас совсем другие герои. А между тем в 1986 году этот человек, по опросам общественного мнения, занимал в США второе место по популярности после президента Рональда Рейгана и был его яростным критиком, что никак не помешало Якокке и в 1987 году опять войти вместе с Папой Римским в десятку самых почитаемых в Америке людей. Ли Якокка — был реальным командиром реальной экономики, как сейчас говорят, «кризисным» руководителем промышленных предприятий. Сначала он возглавлял «Форд Мотор Компани», а затем поставил на ноги обанкротившуюся корпорацию «Крайслер». Его репутация руководителя и экономиста столь велика, что существовало мощное движение по выдвижению Якокки на пост президента США. Это человек, который не учил других, как управлять экономикой, а сам успешно управлял промышленными империями, от благосостояния которых зависела жизнь нескольких миллионов граждан США.

Сам себя он считал и считает убежденным капиталистом и принципиальным поборником свободного предпринимательства. *«И я вовсе не хочу, чтобы правительство вмешивалось в деятельность моей компании, а если на то пошло, и всякой другой компании, — писал он. Но тут же добавлял: «Почти все восхищаются японцами, их ясным видением будущего, налаженным у них сотрудничеством между правительством, банками и профсоюзами, их способностью использовать свои преимущества для неуклонного движения вперед. Но как только кто-нибудь пред-*

лагает следовать их примеру, в воображении возникает образ Советского Союза с его пятилетними планами.

Между тем государственное планирование отнюдь не должно означать социализм. Оно означает лишь наличие продуманной стратегии, сформулированных целей. Оно означает согласование всех аспектов экономической политики вместо разрозненного их выдвигания по частям, вместо негласной разработки их людьми, преследующими лишь свои узкогрупповые интересы.

Можно ли считать планирование антиамериканским понятием? Мы у себя в корпорации «Крайслер» ведем большую плановую работу. И так же действует любая другая преуспевающая корпорация. Футбольные команды планируют. Университеты планируют. Банки планируют. Правительства во всем мире планируют. Исключение составляет лишь правительство США.

У нас не будет прогресса, если мы не откажемся от нелепой идеи, будто всякое планирование в масштабе страны представляет собой наступление на капиталистическую систему. Эта идея внушает нам такой страх, что мы остаемся единственной развитой страной в мире, не имеющей своей промышленной политики».

Наиболее известным лауреатом Нобелевской премии по экономике является В.В. Леонтьев — американский экономист русского происхождения. Эту премию он получил за разработку способов планирования капиталистической экономики.

В начале перестройки он приезжал в СССР, просил, убеждал, уговаривал: «Не трогайте Госплан и Госснаб, не разрушайте то, что кормит и содержит страну!» Но кто мог его слушать? Секретари обкомов, уже обзаведшиеся счетами в западных банках и «хатынками в Канаде»? Разве он был нужен дорвавшемуся до власти тупому и продажному бюрократическому аппарату СССР? Все разгромили, все уничтожили — могучую страну, мощную экономику. Теперь слушаем и читаем в очередной раз о том, что «темпы падения производства стабилизировались», то есть падаем в яму с той же скоростью. Уже радость! Поскольку можем и быстрее. И даже если

где-то что-то вдруг обнаруживает тенденцию к росту, то при чем тут правительство, если оно народным хозяйством принципиально не управляет?

Ни одно предприятие никогда не действует без плана, и это везде, — в любой стране, на любой фирме. У американцев даже поговорка есть: «If you fail to plan you plan to fail» — «Если у вас провал с планированием, то вы планируете провал».

Нужно различать такие понятия, как «планирование» и «форма собственности» предприятий.

Система планирования в государстве никак не связана с формой собственности. Если капиталист согласен стать в плановую схему, то этому ничего не препятствует и, кстати, официально частные и самостоятельные предприятия очень часто включены в плановые схемы промышленных концернов и работают на план этих концернов.

Так вот, не только СССР имел плановую экономику, управлявшуюся правительством и его директивным органом Госпланом, но и экономика нацистской Германии была плановой, и под руководством второго человека в партии и Германии Германа Геринга она каждые плановые 4 года увеличивала годовой валовой национальный продукт вдвое. А с началом захвата и подчинения себе европейских государств Геринг объединил единым планом почти все их предприятия, и на воюющую Германию работала вся покоренная ею Европа.

Эффективность плановой экономики

Ведь это не так давно было — советские гастрономы, забитые товарами, и списки обязательного ассортимента на их стенах, и продавцы, как каторжные, бросающие очереди покупателей тонны отечественных продуктов: круп, колбас, консервов и много того, от чего ломились полки магазинов. Промтоварные магазины были забиты советскими холодильниками, телевизорами, радиоприемниками, часами, костюмами, рубашками, тканями, и все это по вполне доступным почти для каждого

ценам. И главное здесь не то, что цены были невысокими, это вторично, главное, что экономика производила почти все виды товаров, рассчитанных (спланированных) на покупку абсолютно всеми гражданами СССР, а не в расчете только на людей с деньгами, как на Западе и в СНГ сегодня.

Я люблю цифры из-за их жесткости и конкретности, и пусть простят меня читатели, которым они не по душе. СССР обладал 30% мировых запасов угля, 40% нефти, 45% газа, 50% сланцев, 44% мировых запасов железных руд, 30% хромовых руд, 74% марганцевых руд, 40% редкоземельных и т.д. и т.п. В стране было сосредоточено 28% мировой добычи алмазов и 30% — драгоценных камней... Да, было что грабить!

СССР производил 17,9% мировой машиностроительной продукции, из них 22% мирового производства металлорежущих станков, 46% комбайнов, 11,3% оборудования для пищевой промышленности, 63,2% энергетического оборудования, 27% самолетов, до 50% военной техники, 21% грузовых автомобилей и только 4,8% легковых.

Советский Союз являлся одним из крупнейших мировых поставщиков машиностроительной продукции. И хотя он производил лишь 17,9% машиностроительной продукции, а капстраны — 73,1% (без КНР), о чрезвычайно высоком качестве советского оборудования свидетельствует то, что на нем работало 35% базовых отраслей промышленности КНДР, 36% — Индии, 45% — Ирана, 65% — Пакистана, 20% — Турции, 50% — Алжира, 25% — Египта, 50% — Ливии. А это отнюдь не отстающие страны... СССР производил в 1990–1991 гг. (в год) 13,2 млрд квадратных метров ткани, или 37,8 кв. м. на человека (для сравнения: ФРГ — 32 кв. м. на человека). В том числе 75% мирового производства льняных тканей, шелка 12%, хлопчатобумажных тканей 13%, шерстяных — 19% — 2,6 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ — 2,4 кв. м, США — 0,7 кв. м).

Трикотажных изделий в СССР было произведено 22% мирового уровня, т.е. в 2,5 раза больше Японии,

производилось 27% мирового производства кожаной обуви, в 4 раза больше, чем тогда в КНР, в 6 раз больше, чем в США, в 3 раза больше, чем в Японии.

СССР производил 10 млн телевизоров (10,9% мирового производства, ФРГ — 5 млн., Япония — 12 млн.); электропылесосов — 6 млн шт. (12,4% мирового производства), Япония — 6,6 млн., ФРГ — 4,6 млн.; утюгов мы производим 16 млн шт. (15% мирового производства); холодильников — 6,5 млн шт. (17,4% мирового производства, Япония — 5 млн.); стиральных машин — 6 млн (12,6% мирового производства), Япония — 4 млн., ФРГ — 2 млн.; фотоаппаратов — 3 млн шт. (4,4% мирового производства); часов — 72 млн шт. (17,1% мирового производства). И все это производство конкурировало с Западом как на своем, так и на мировом рынке. Было что уничтожать!

Но вот Запад победил, как он называет, в «холодной войне», к власти в СССР и к управлению его народным хозяйством пришли его туземные холоуи. И уже через три года, к 1995 году, как свидетельствует «Российский статистический ежегодник», по сравнению с 1990 годом от производства турбин остался 51%, генераторов — 21%, крупных электромашин — 23%, металлорежущих станков — 27%, кузнечно-прессовых машин — 11%, тракторов — 13%, комбайнов — 18%, мостовых кранов — 14%, башенных строительных кранов — 6% и т. д. и т. п. От производства тканей, обуви и товаров длительного пользования осталось: тканей — 26%, (в том числе льняных — 27%, шелка — 23%, шерстяных — 19%, хлопчатобумажных — 27%), обуви — 20%, стиральных машин — 39%, магнитофонов — 21%, пылесосов — 35%, швейных машин — 23%, телевизоров — 47%, утюгов — 31%, холодильников — 71%, фотоаппаратов — 24%, часов — 43%. Сейчас и того нет...

Такой вот пример, заодно показывающий и мощь экономики нацистской Германии. Союзники СССР, Великобритания и США, всю войну хотели бомбардировками подорвать промышленность гитлеровской Германии. Поскольку разрушить все заводы, выпускающие танки,

самолеты, автомобили и прочую технику, было невозможно, то союзники поставили себе целью разбомбить только заводы по производству шарикоподшипников, так как без шарикоподшипников производить никакую технику невозможно. Благо в Германии было всего два центра производства подшипников — в Швайнфурте и Регенсбурге. И союзникам ценой больших потерь (треть самолетов была сбита немцами) даже удалось однажды эти заводы разбомбить. Но, как вспоминал Шпеер, у союзников не хватило настойчивости для повторных бомбардировок, и немцы эти заводы в течение месяца восстановили. В результате немцы в 1944 году выпустили оружия не только больше, чем в 1942 году, когда их еще бомбили слабо, но в четвертом квартале 1944 года произвели техники и оружия больше, чем в первом!

Так вот, в этом конкретном деле уничтожения промышленности туземные холуи Запада в России достигли гораздо более выдающихся успехов, нежели тогдашние руководители Великобритании и США, Черчилль и Рузвельт, причем без потерь со стороны Запада. Если взять те же шарикоподшипники, то дело здесь обстоит так.

В СССР производилось на 1990 год 1 миллиард 100 миллионов шарикоподшипников, из них в России — 784 миллиона. К моменту замены Западом Ельцина на Путина производство шарикоподшипников уже упало втрое — до 257 миллионов, Путин же сумел снизить их производство еще впятеро — до жалких 49 миллионов в 2009 году. Как видите, успехи, достигнутые Ельциным и Путиным в разрушении промышленности СССР, Черчиллю и Рузвельту и не снились.

Сельское хозяйство

Из-за сурового климата и больших расстояний хлеб в России всегда получался с большими затратами труда и был очень ценен, зерном скот кормили только богатые люди, крестьянину это и в голову бы не пришло. Ведь для получения килограмма мяса необходимо почти 10 килограммов зерна, в целом это потеря калорийности почти в

двадцать раз. Слишком мало производилось тогда зерна в России, чтобы перейти на такой способ производства мяса. Даже в 1913 году, самом урожайном за историю империи, было произведено зерна в границах СССР всего 98 млн тонн. В 1989 году, в год прихода к власти будущих туземных холуев Запада, производство зерна составило 211 млн тонн, а бывало и 240 млн тонн.

Да, из полученных 98 млн тонн в 1913 году Россия экспортировала 9 млн тонн, и нынче туземные подпевалы Запада по этому поводу заявляют, что Россия кормила хлебом всю Европу. Это не так: в России душевое потребление зерна было вдвое ниже, чем в Европе. Россия своим зерном кормила скот в Европе, она кормила Европу мясом и молоком, хотя только половина своих детей доживала до 10 лет, в том числе и из-за отсутствия мяса и молока.

Князь Багратион, полковник генштаба русской армии, в 1911 году писал: *«С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40% новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».*

Между тем относительная цена на мясо в России тех времен нам должна казаться не очень высокой. Вспомним, что в начале 80-х годов белый хлеб стоил 25 копеек за килограмм. Мясо по 2 рубля в магазинах бывало редко, но на рынке его можно было купить за 3–4 рубля. Соотношение между ценой килограмма хлеба и килограмма мяса было примерно 1:16. А в 1914 году в Москве, относительно дешевом в смысле продовольствия городе, белый хлеб стоил 5 копеек фунт, а говядина — 22 копейки. Соотношение 1:4,5. То есть относительно хлеба мясо в 1914 году было почти вчетверо дешевле, чем через 70 лет. И тем не менее 40% новобранцев впервые пробовали его в армии!

Эти цифры и цены показывают состояние сельского хозяйства России, доставшейся большевикам. Несмотря на то что Россия кормилась и объективно, и субъективно практически одним хлебом (о зерне для производства

молока и мяса и говорить не приходилось), то есть кормилась самым экономичным путем, производительность труда в этой отрасли была столь низка и товарность ее столь невелика, что в сельском хозяйстве работало почти 85% населения страны.

Перед тем как Запад победил в войне и уничтожил СССР, в нем жило едва 5,5% населения мира, а в сельском хозяйстве работало только около 15% трудоспособного населения. И сельское хозяйство СССР (напомню, при крайне неблагоприятном климате) в 1989 году произвело 11% мирового производства зерна, то есть вдвое больше среднемирового показателя в расчете на душу населения. Производство хлопка составило 15% — почти в три раза больше, картофеля 27% — почти в пять раз больше, сахарной свеклы — 36%.

По производству продуктов питания на душу населения СССР прочно вошел в пятерку самых высокоразвитых стран мира, несмотря на то, что климат в СССР для сельскохозяйственного производства во много раз хуже, чем в любой из этих четырех стран — США, Великобритании, ФРГ и Японии.

Посмотрите на карту: Великобританию омывает теплый Гольфстрим, там на открытом воздухе растут пальмы, северная граница Германии находится на широте Смоленска и Рязани, все земли Германии расположены на широтах Украины, север Японии южнее Астрахани, юг Японии — это широты Египта, но с мягким морским климатом, северная граница США на 150 км южнее широты Киева; сама территория США — это настолько благодатная для сельского хозяйства земля по климатическим условиям, что наши крестьяне о такой и мечтать не могут. Что делать, СССР с географическим положением не повезло очень крупно: ни морей на границах, ни дождичка в мае.

Тем не менее колхозное сельское хозяйство СССР со своих скудных земель обеспечивало граждан СССР лучше, чем США, Германия, Великобритания и Япония в среднем обеспечивали своих граждан. Только по мясу было отставание, но правительство СССР не собиралось

останавливаться на достигнутом. Это западные страны считали, что у них уже все хорошо с питанием, а в СССР так не считали.

По производству зерна СССР уступал немного США, но зерно не характерно: для хлеба его давно хватало и оно в своей массе было кормом скота — основой производства мяса и молока. По производству мяса СССР тоже уступал США и Германии, но по сумме мясо + рыба — только США и Японии.

По молоку только Германия несколько опережала СССР, зато остальные страны отставали чуть ли не вдвое. По сахару мы уступали только Германии, все остальные страны опережали, и значительно. По производству животного масла СССР в мире не было равных...

В 1989 году уже не Россия отрывала от себя зерно, чтобы в других странах у детей были молоко и мясо, теперь уже она сама покупала зерно и мясо, чтобы у советских детей все это было. И тратила на это всего лишь 1 % доходов своего экспорта.

Сельское хозяйство СССР производило продукты питания на 2200 миллионов калорий в год на душу населения. Это на треть больше того, что имело в среднем вместе взятое население указанных четырех западных стран (1600 миллионов калорий), а по белкам на четверть больше (67,8 килограмма в год против 54,9 в среднем по США, Великобритании, Германии и Японии).

Некоторые читатели заметят, что у этих стран пусть земли и хорошие, но их мало, не на чем выращивать. Ничего подобного! В США платятся огромные деньги фермерам, чтобы они не засеивали свои земли и этим не сбивали высокие цены на продовольствие.

Причина в экономике. В СССР плановая экономика имела цель обеспечить питанием каждого, повторяю, каждого гражданина. А на Западе — только людей с достаточным количеством денег.

Но вот республики СССР стали колониями Запада, как говорится, горе побежденным! Возьмем для сравнения Россию, Украину и Белоруссию. В России и на Украине режим откровенно колониальный, в Белорус-

сии Батка хоть как-то пытается удержаться в откровенной блокаде Запада.

Воспользуюсь официальными данными (хотя веры этим данным по России и Украине нет никакой), для чего возьму их из источника http://www.xliby.ru/istorija/kuda_idem_belarus_rossija_ukraina/p7.php, в котором делается сравнение 2008 года с 1980-м, то есть за период почти в 30 лет.

За эти 30 лет произошел огромный скачок в технике и технологии. К примеру, в 1980 году домашние стационарные телефоны мало у кого были, созвониться с другим городом было весьма хлопотно, пользовались в основном почтой и ныне забытым телеграфом. О сотовых телефонах, об электронной почте и фантасты еще не писали ни в каких странах. Достижением счетной техники являлись первые электронные калькуляторы, весившие 5–6 кг, очень редкие даже на предприятиях и умеющие выполнять только простейшие арифметические операции. Помню, как-то летел в самолете с соседом по креслам, который возвращался из заграничной командировки и вез с собою японскую видеокамеру. Этакую диковинку он собирался в Москве обменять на автомобиль «Жигули». А кого сегодня удивишь видеокамерой?

Возможно, и не такой огромный, как в этих отраслях, но, тем не менее, существенный скачок в мире произошел и в области сельского хозяйства. Но что в итоге в странах СНГ?

Объем сельскохозяйственного производства составлял в 2008 году по сравнению с 1980 в России менее 90%, на Украине — менее 70%, хотя в 1990 году эти республики уже производили сельхозпродукции на 25% больше, чем в 1980-м. И только в Белоруссии в 2008 году по отношению к 1980 году этот объем увеличился на 25%. То есть весь прогресс в сельском хозяйстве обошел наши суверенные государства стороной.

Введение мировых цен на сельхозпродукцию является убийством для сельского хозяйства наших стран, в том числе и Белоруссии, и, разумеется, доходы работников сельского хозяйства резко упали везде. Средняя зар-

плата в сельском хозяйстве, в процентах от средней зарплаты по всем отраслям экономики, в России составила около 55%, 45% на Украине и 62% в Белоруссии от того уровня, что был в СССР.

Падение сельскохозяйственного производства наших стран конкретно выражается в следующих числах, повторю, наверняка приглашенных в России и на Украине. Сбор зерновых со средних 98 млн тонн в год в 1981–1990 годах упал до 72 млн тонн в год в 1996–2005 годах в России (на 27%), со средних 43 млн тонн в год до 31 млн тонн на Украине (на 28%) и со средних 6,5 млн тонн в год до 5,6 млн тонн в год в Белоруссии (на 14%).

Численность поголовья крупного рогатого скота по сравнению с 1980 годом в Белоруссии упала к 2000 году до 60% и с тех пор стоит на этом уровне, в России к 2008 году упала до 35%, на Украине — до 22% и продолжала падать.

Численность поголовья свиней по сравнению с 1980 годом в Белоруссии упала к 2008 году до 80%, в России — до 42%, на Украине — до 33%.

Как результат производство мяса по сравнению с 1980 годом в Белоруссии упало к 2008 году до 95%, в России — до 70%, на Украине — до 55%.

Что касается России, то приведенный источник сообщает, что в феврале 2005 г. на Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук и директор Института экономики сельского хозяйства И. Ушачев сказал: *«В среднем объемы потребления продовольствия на душу населения с 1990 года сократились на 22%, а по отдельным видам продуктов, таких, как мясо, — в 1,4 раза, молоко — в 1,7 раза и рыбопродукты — в 1,8 раза... Значительная часть населения страны не может позволить себе питаться даже на уровне минимальной потребности, а средние рациональные нормы питания доступны лишь 10–20% россиян»*. Что уж тут поделывать — колонии не полагается питаться так, как свободной стране.

Военное производство

Давайте проведем сравнение военного производства СССР во Второй мировой войне с военным производством Российской империи в Первой мировой, ведь между войнами прошло чуть более 20 лет, а СССР по площади был даже меньше, чем царская Россия. В Первой мировой войне Серединные империи — Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и примкнувшая к ним Болгария — имели общую численность населения на начало века примерно 120 миллионов человек, то есть меньше, чем имела одна только Российская империя. Против них в Европе воевали страны Антанты: кроме России, воевали Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Румыния, Сербия и Черногория, Греция, Португалия, в конце войны и США. Их общую численность населения на начало века можно оценить в 360 миллионов человек. Кроме этого, Франция имела в колониях 80 миллионов человек, а Великобритания — 400 миллионов. На Дальнем Востоке еще была и активно участвовавшая в войне Япония. Перевес Антанты был оглушительный. Тем не менее до конца войны ни один иностранный солдат не ступил на землю Германии, а Российская империя показала исключительную беспомощность именно в военном отношении, в том числе с экономической точки зрения.

А ведь в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. СССР воевал не с 120 млн тогдашних немцев и их официальных союзников — он воевал практически со всей Европой, численность которой (за исключением союзной нам Англии и не сдающей немцам партизанской Сербии) была около 400 млн человек.

В связи с этим в ходе Великой Отечественной войны шинели в СССР надели 34 476,7 тыс. человек, то есть 17,8% населения. А Германия мобилизовала в свои вооруженные силы аж 21% от численности населения. Казалось бы, немцы в своих военных усилиях напряглись больше, нежели СССР. Но в Красной Армии в большом

количестве служили женщины, как добровольно, так и по призыву. Почему так?

Для того, чтобы сражаться, нужны не только солдаты, но и оружие с продовольствием. А для их производства тоже нужны мужчины, которых женщинами или подростками заменить нельзя. Поэтому и вынужден был СССР посылать на фронт женщин вместо мужчин. У немцев такой проблемы не было: их обеспечивала оружием и продовольствием вся Европа. Французы не только передали немцам все свои танки, но и произвели для них огромное количество боевой техники — от автомобилей до оптических дальномеров. Чехи построили весь парк немецких бронетранспортеров, большое количество танков, самолетов, стрелкового оружия, артиллерии и боеприпасов. Поляки строили самолеты, польские евреи производили для немцев взрывчатку, синтетический бензин и каучук, шведы добывали железную руду и поставляли немцам комплектующие для боевой техники (к примеру, подшипники), норвежцы снабжали гитлеровцев морепродуктами, датчане — маслом... Короче, вся Европа старалась, как могла. В итоге.

У Николая II автотракторного и танкового вооружения не было, а авиация была скорее символической, так что тратиться на эти рода войск царю не приходилось. Основные его затраты были на холодное и стрелковое оружие пехоты и кавалерии, немного трат на саперов, связь, и основные затраты падали на артиллерию.

До конца войны царской элитой проблема со стрелковым оружием так и не была решена. К 1917 году русская армия (вместе с 700 тысячами трофейных и 2434 тысячами закупленных за границей) получила всего 11 365 тысяч винтовок всех видов (дивизии, вооруженные японскими винтовками, имели кличку «японские»). А по расчетам российского Генштаба нужно было 17 700 тысяч! К 1 января 1917 г. русская армия имела всего 16 300 пулеметов — аж 12% потребности, рассчитанной ее же Генштабом!

В СССР за производство стрелкового оружия отвечал Л. П. Берия, и с производством оружия в царской

России результаты просто несравнимы. Лучше сравним объемы производства стрелкового оружия для Красной Армии в 1941—1945 гг. с производством этого оружия заводами всей Европы для фашистской армии за всю войну. Европа произвела 1048,5 тыс. пулеметов, а СССР — 1515,9 тыс. Винтовок и карабинов Европа осилила 7845,7 тыс., а СССР — 12 139,3 тыс. Пистолет-пулеметов фашистские войска получили 935,4 тыс. штук, а РККА — 6173,9 тыс. И это не значит, что у нас был постоянный недостаток стрелкового оружия, а у немцев избыток. К концу войны немцы начали клепать эрзац-винтовки и, скопировав советский пистолет-пулемет ППС, в 1945 г. пытались поставить его на производство под маркой МП 709.

Армия царской России израсходовала 9 миллиардов патронов при страшной их нехватке в первой половине войны. СССР за время войны, несмотря на тяжелейшие потери промышленности на оккупированных фашистами территориях, изготовил и поставил в войска 22,7 миллиарда штук патронов.

С закупкой материальной части артиллерии положение было таково. Царь влез в войну, имея 7088 орудий, противостоящие ему Германия и Австро-Венгрия — 12 015. К концу войны положение улучшилось, но не намного: у русской армии было 12 299 стволов, у Германии и Австро-Венгрии — 18 019.

Сталин оттягивал войну, как мог, поскольку против советских 34 695 орудий у немцев было 47 260 стволов. Тем не менее уже на 1 ноября 1942 г., то есть спустя чуть больше года после начала войны, 70 080 немецких орудий встречали 72 505 советских. А на 1 января 1945 г. у немцев осталось 28 500 стволов, а их громили 91 400 советских орудий (вместе с минометами калибром выше 50-мм — 239,6 тыс. стволов). Соотнесите эти цифры: при примерно одинаковой численности населения у царя с его капитализмом и рыночными отношениями 12,3 тысячи орудий, а у большевиков с их социализмом и плановым производством — 239,6 тысячи! И орудия были куда более сложные и более дорогие, чем у царя.

В самые обеспеченные годы Первой мировой войны русская армия расходовала 2 миллиона снарядов в месяц, Красная Армия за годы войны без предвоенных запасов получила снарядов 1 миллиард штук, то есть расходовала примерно 21 миллион снарядов в месяц.

Но у царя эти две позиции (стрелковое оружие и артиллерия) составляли основные затраты на закупку оружия, а у большевиков — меньше половины. (На закупку артиллерии было потрачено 43% от всей суммы, пошедшей на оружие, а стрелковое оружие и имущество сапёров и связистов — 5,1%). Поскольку 30% всех денег пошло на закупку самолетов и 21,9% на закупку танков и автотракторное имущество.

Военные расходы царской России (на февраль 1917 г.) составили всего 29,6 млрд рублей, и уже эти траты вызвали бунт, свержение царя и его правительства. Которое, кстати, уже в декабре 1916 г. постановило забирать у крестьян хлеб принудительно, поскольку при обвальном обесценивании рубля крестьянин даже родному царю продавать его не хотел.

А военные расходы СССР составили 582 млрд рублей! И несмотря на то, что эти расходы были в 20 раз больше, то есть на каждого среднего советского гражданина ложились тяготами почти в 20 раз большими, чем на среднего подданного царской России, СССР во главе с большевиками войну выиграл, а Россия во главе с царем войну проиграла.

Восстановление разрушенного хозяйства

Советский Союз в те годы служил примером для всего мира, причем даже Запад попытался тем или иным путем повторить советские методы хозяйствования. Но ведь нельзя слепо копировать, нужно понимать смысл того, что ты делаешь. Скажем, после войны изрядно обнищавшая Великобритания стала по примеру СССР национализировать целые отрасли экономики, не понимая, что в экономике СССР главное не то, что она государственная, а то, что плановая. А для создания плановой экономи-

ки, повторяю, не имеет значения, какое это предприятие, государственное или частное. Главное, чтобы все предприятия действовали по единому плану, а не в слепой анархии рынка. В результате у англичан ничего толком не получилось, и гораздо более разрушенный Советский Союз отказался от карточек в 1947 году, а Великобритания — лишь в начале 50-х.

С 5 по 14 ноября 1952 года в Москве проходил XIX съезд КПСС, в своей открытой части достаточно парадное мероприятие, на которое была приглашена масса иностранных гостей и журналистов. Выступающие, естественно, говорили о достижениях плановой советской экономики, благо было о чем говорить. Скажем, украинский драматург А. Корнейчук делился с делегатами такими своими впечатлениями: *«В Киеве недавно гостил крупный итальянский ученый. Когда он увидел великолепное здание с ажурной мачтой телецентра, он сказал: «Италия до сих пор не имеет телецентра. Правда, нашему народу не до телевидения».*

А министр торговли СССР А. Микоян говорил о «прозе» жизни. Он сначала напомнил, что в декабре 1947 года в СССР были отменены карточки, после чего каждый год снижались цены на товары массового спроса, и к 1952 году результат этого снижения был таким. В СССР в 1952 году хлеб стоил 39% от цен конца 1947 года, молоко — 72%, мясо — 42%, сахар — 49%, сливочное масло — 37%. За эти же пять лет в США цены на хлеб выросли на 28%, в Англии — на 90%, во Франции — более чем вдвое. Цены на мясо в США увеличились на 26%, в Англии — на 35%, во Франции — на 88%. Похожая картина была и по другим сопоставимым продуктам питания. Между прочим, Микоян доложил и о том, что в СССР только по одному товару производство *«теперь находится на уровне несколько меньшем, чем до войны».* Это была водка.

Ведь и после Сталина, если кто-то из вас еще помнит, настроенная им экономика развивалась всем на зависть. К 1990 году Советский Союз по темпам экономического роста опережала только Япония. И даже по данным современного, уже «демократического» официального

«Российского статистического ежегодника», в 1990 г. в Советской России проживало 148 млн человек, а ее валовой внутренний продукт составлял 1102 млрд долларов США (число занижено, но возьмем его — официальное!). В том году на душу населения Советской России приходилось 7446 долларов. А в Южной Корее в том же 1990 г. — 5917 долларов. То есть средний гражданин РСФСР был богаче среднего южнокорейца на 26%.

А в 1993 г. средний душевой валовой продукт находящейся под управлением Запада России составил 1243 доллара — в шесть раз ниже, чем в 1990 г., и уже в шесть раз ниже, чем в Южной Корее в 1993 г.!

По данным ЦРУ (теперь уже завышенным), в 1999 г. душевой валовой продукт России — 4200 долларов, но у Южной Кореи — 13 300!

Если бы Россия оставалась советской и независимой, а ее народное хозяйство не грабили так нагло, то соотношение 1990 г. сильно бы изменилось не в пользу СССР. То есть сегодня у среднего российского гражданина душевой валовой внутренний продукт был бы на четверть выше, чем у Южной Кореи, или в пределах 16 000 долларов, а это в четыре раза выше, чем мы имеем в качестве колонии.

Журнал Счетной палаты РФ «Финансовый контроль» за июль 2007 года сообщает:

«Национальный доход России в 1991–1993 гг. уменьшился на 40% (а в военные 1941–1945 гг. лишь на 23%). По оценке Минэкономразвития, за годы ельцинских реформ из России было вывезено свыше 210 млрд долларов. По некоторым же другим данным, 700 млрд долларов, то есть десять годовых бюджетов ельцинской России. Производство сократилось вдвое, а численность россиян, выброшенных за черту выживания, увеличилась более чем в два с половиной раза.

По прогнозам демографов, к концу XXI века население Земли увеличится вдвое. А в России через 70 лет останется в лучшем случае 100 млн человек. При этом русские уже не будут составлять большинство населения страны. Смерт-

ность здоровых мужчин сопоставима с потерями СССР в Отечественной войне.

Список утрат можно продолжить, но и без того ясно, что в мирное время (в отличие от военного) они были неоправданными, а значит, и более глубокими и невосполними.

В первые послевоенные годы промышленность и благосостояние населения благодаря ненавистной нашим либералам плановой экономике стали быстро расти, прилавки магазинов наполнялись и цены снижались, но после шоковой терапии страна не может оправиться до сих пор».

* * *

Сделаем выводы по главе.

Собственно на молниеносность войны экономика прямо не влияет, но умные и ответственные руководители будут руководить экономикой, добиваясь от нее высочайших результатов. А само наличие умного стратега безусловно скажется и на результатах войны.

Глава 4

ВОЕННАЯ СИЛА. ОПЕРАТИВНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Военная теория молниеносной войны

Однако немцы во Второй мировой войне не только громили государства-жертвы всеми имевшимися в распоряжении Третьего рейха силами, не только «пятыми колоннами», но и немецкая армия выигрывала у противников сражение за сражением. Немецкая армия действительно была чрезвычайно сильна, причем не только с моральной точки зрения, но и по всем чисто военным аспектам. Невозможно оспорить тот факт, что военный гений и талант немецких генералов внесли в молниеносную войну свой вклад по максимуму.

С первого взгляда рассмотрение военной силы немцев как бы упрощается тем, что редкий историк связывает молниеносность войны еще с чем-нибудь, кроме собственно военных действий, то есть вопрос, казалось бы, донельзя изучен вдоль и поперек. В результате и энциклопедии подают молниеносную войну как чисто военное мероприятие. Скажем, русский вариант Википедии дает о ней такую краткую справку: *«Блицкриг (нем. Blitzkrieg, от Blitz — «молния» и Krieg — «война») — теория ведения скоротечной войны, согласно которой победа достигается в сроки, исчисляемые днями, неделями или месяцами, до того, как противник сумеет мобилизовать и развернуть свои основные военные силы. Создана в начале XX века Альфредом фон Шлиффеном. Суть современной стратегии блицкриг-*

га заключается в автономных действиях крупных танковых соединений (танковых групп) при активной поддержке авиации. Танковые подразделения прорываются в тылы противника на большую глубину, не вступая в бой за сильно укрепленные позиции. Целью прорыва является захват центров управления и нарушение линий снабжения противника. Основные силы противника, оказавшиеся без управления и снабжения, быстро теряют боеспособность».

Хотя это и не имеет значения, но «теория» Шлиффена имела вид не теории молниеносной войны, а была всего лишь конкретным планом войны с Францией, молниеносность которого благополучно провалилась при попытке реализовать этот план на практике. Правда, в статье о Шлиффене Википедия пишет: *«при подготовке Второй мировой войны Гитлер, уверенный (на основании срыва Великобританией и Францией Московских переговоров 1939 г., на которых так и не было подписано соглашение о союзе против агрессии гитлеровской Германии) в полном исключении опасности войны на два фронта, решил воспользоваться разработками Шлиффена, и основные положения плана (марш через Бельгию) были оставлены в силе».* Опять не то, поскольку на самом деле, как пишет Кейтель, идея нового плана разгрома Франции с самого начала была оригинальным планом Гитлера, а не Шлиффена.

Еще в октябре 1939 г., когда рассматривался самый первый вариант плана войны во Франции, разработанный немецким Генштабом, то, по утверждению Кейтеля, произошло следующее: *«Несколько дней спустя — это было, верно, в середине октября — генерала Гальдера вызвали к фюреру для доклада оперативного плана «Запад». Присутствовали Йодль и я. Хотя Гитлер и перебивал докладчика различными репликами, но в заключение сказал: от высказывания своей позиции он воздержится до тех пор, пока Гальдер не вручит ему карту с планом операции. Когда Гальдер удался, Гитлер заявил нам примерно следующее: ведь это же старый план Шлиффена с сильным правым крылом на Атлантическом побережье; такие операции дважды безнаказанно не проходят! Я же придерживаюсь совсем иного взгляда и в ближайшие дни скажу вам (Йодлю и мне) об этом, а потом сам поговорю с ОКХ».*

Из-за нехватки времени не хочу здесь рассматривать вытекавшие отсюда оперативные вопросы, а ограничусь констатацией: именно лично Гитлер требовал прорыва танковых групп через Седан к побережью Атлантики у Абвилля с тем, чтобы охватить с тыла и отрезать пробивающуюся сюда, как можно было предвидеть, франко-английскую моторизованную армию».

Немецкий Генштаб против этого плана Гитлера встал на дыбы, но Гитлер настоял на своем: *«Мы выиграем эту войну, даже если она стократно противоречит доктрине Генштаба»*. И немцы выиграли войну против Франции и ее союзника Великобритании молниеносно. Но это к слову не о молниеносной войне, а об ее историках.

Главная же идея молниеносной войны по Википедии — прорыв фронта и *«захват центров управления и нарушение линий снабжения противника»*. А кому и когда это было неизвестно, и когда и кто не пытался это сделать? К примеру, до начала XVIII века воюющие армии не отходили от баз снабжения далее, чем позволял это сделать запас сухарей в ранце, и все оперативное искусство генералов и состояло в том, чтобы перерезать противнику пути снабжения. А в XX веке это стало диковинкой?

Английский вариант Википедии, написанный англоговорящими историками, добавляет к русскому варианту не много: *«Метод ведения войны, согласно которому атакующая сторона концентрирует на острие удара бронетанковые и моторизованные или механизированные пехотные соединения и при сильной поддержке авиации прорывается в тыл противника с помощью серии глубоких продвижений; оказавшись в тылу противника, сбивает его части с подготовленных позиций, используя скорость и внезапность, с последующим окружением. Путем комбинированного использования различных родов войск в маневренной войне блицкриг ставит целью вывести противника из устойчивого боевого состояния, затрудняя эффективный ответ противника на постоянно меняющуюся конфигурацию фронта, и победить путем нанесения решающего поражения»*. Как видите, сюда добавлено окружение, но это не метод выиграть войну — это метод выиграть сражение,

и потом — кто и когда об этом не знал? Еще в III веке до нашей эры Ганнибал окружил под Каннами и уничтожил римскую армию. А в XX веке окружение противника стало военной находкой?

Единственная оригинальная идея Шлиффена — это то, что быстрота войны является ее главным методом — главным «инструментом». Главным потому, что при быстрой войне враг не успевает подготовить адекватный ответ ни в политическом, ни в организационном, ни в тактическом отношениях. И вот эта идея — быстрота, действительно использовавшаяся Гитлером, остается незамеченной аналитиками и историками в пользу нескончаемых размышлений о превосходстве в воздухе и танковых клиньях.

Между тем эта древность, известность и понятность всех способов боев и операций молниеносной войны привели к тому, что ряд немецких генералов (скажем, Ф. Гальдер, К. Штудент) и после окончания Второй мировой прямо утверждали, что у немецкого командования НИКОГДА НЕ БЫЛО ни концепции, ни теории молниеносной войны. С военной точки зрения такой войны нет, а немецкие генералы просто *«использовали нужные части в нужном месте и в нужное время»*, как они это делали при любом развитии событий на фронте — хоть молниеносном, хоть позиционном.

Для дальнейшего рассмотрения принципиальных положений военного искусства сначала рассмотрим общие принципы военной победы над противником на поле боя, но для себя отметим, что в конфликте мало-мальски равных по силе стран единственная осмысленная попытка провести войну быстро за счет только военного искусства (немцами в августе 1914 года) завершилась провалом.

Факторы тактического преимущества

Военное дело включает в себя:

- стратегию — способы выиграть войну;
- оперативное искусство — способы победить в операции по уничтожению крупных сил противника или по захвату вражеских областей;

— и тактику — способы победить противостоящего противника боем.

Стратегия — это профессиональное дело руководителей государств, а генералы хотя и мнят себя стратегами по старинке, но не могут ими быть уже потому, что им не принадлежит руководство ни моральными, ни экономическими силами государства.

Генералам остаются тактика и оперативное искусство. Начнем с тактики и с эпохи архаических войн, поскольку время меняло оружие и способы его применения, но не меняло принципы победы в бою (тактику самого боя), посему и аналогии тут уместны.

Мы пропустим период, когда бои велись только врукопашную, и возьмем для модели период, когда на поле боя стал властвовать ружейный и артиллерийский огонь. Но с самого начала нужно упомянуть о том, что с развитием огнестрельного оружия незаметно, но неуклонно стало терять боевой смысл такое понятие, как атака. Имеется в виду ускоренное движение своих войск, подбадривающих себя боевыми кличами, на войска противника. Когда уничтожение солдат противника велось только за счет мускульной силы (копьем или мечом), атака добавляла этой силе энергию движения атакующих и смущала противника.

Но когда уничтожать противника стали пуля и снаряд, причем скорострельность оружия непрерывно возрастала, а строй солдат все время разрежался, превращаясь в цепь, даже такое холодное оружие, как винтовочный штык, потеряло значение и по сути стало архаикой еще в конце XIX века. А немецкий фельдмаршал А. Шлиффен в начале прошлого века в своей работе «Современная война» подборкой фактов уже ставил крест на холодном оружии:

«Винтовки и орудия легки и удобны для манипулирования, они просто заряжаются, быстро стреляют, обладают большой дальностью, надежно поражают цель, господствуют над большим пространством. Новый порох, не давая видимого издали дыма, не позволяет обнаружить ни артиллериста, ни орудия. Пули минимального

диаметра и веса позволяют производить подвоз больших количеств боевых припасов и дают возможность использовать скорострельность винтовок. Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверенна, а глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью.

...Никакая войсковая часть в сомкнутом строю, никакой отдельный и во весь рост стоящий человек не может устоять под дождем пуль. Уже при Марс-ля-Туре, где применялось оружие, с нашей точки зрения несовершенное и теперь уже устаревшее, один прусский полк, шедший в атаку сомкнутым строем, потерял в течение менее чем получаса 68% своего состава. Три года назад японская бригада Намбу оплатила свою смелость в гораздо более краткий срок потерями в 90% своего состава. В Южной Африке расположенный в укрытии одиночный стрелок легко выводил из строя 14 атаковавших его бойцов».

Какой уж тут штык! Но об этом позже и специально.

А я начну с важнейшего момента, еще в XVII веке удачно сформулированного французским маршалом де Эстамп дела Ферте: «Бог всегда на стороне больших батальонов».

Вот давайте гармонию этой мысли проверим алгеброй, вернее, арифметикой.

Предположим, у нас 100 солдат-роботов с одной и другой сторон, они стоят строем друг против друга (как реально и было в тех войнах) и стреляют друг в друга, делая один выстрел в минуту (скорострельность ружей два века назад). Предположим также, что вероятность попадания с обеих сторон одинакова и равна 10%. Посмотрим теперь, каковы будут потери сторон после 4 минут боя — после 5 залпов? (Одна пуля уже была в стволе.) После 1-го залпа в строю каждой стороны останется по 90 солдат, после 2-го — по 81, после 3-го — по 73, после

4-го — по 66, после 5-го — меньше 60. То есть потери будут около 41 солдата.

А теперь представим, что одна из сторон имеет не 100, а 200 солдат. Тогда после 1-го залпа у этой стороны в строю останется 190 солдат, а у противника — 80. После 2-го — 182 и 61, после 3-го — 176 и 43, после 4-го — 172 и 26, после 5-го — 169 и 9. Потери «большого батальона» — 31 солдат, «малого» — 91 солдат. Не только слабые потеряли более чем в два раза больше, но и сильные потеряли существенно меньше, чем в случае сражения равными силами.

При этом не имеет никакого принципиального значения, как именно вы организовали на поле боя свой «большой батальон». Могли, как в модели, — подвести больше солдат к боевым порядкам противника. А могли отсечь часть его войск и расправиться сначала с нею, или напасть на слабо вооруженных, или могли маневрировать так, чтобы не все солдаты противника во время боя могли действовать оружием. Принцип «большого батальона» — принцип резкого увеличения потерь противника и сокращения своих потерь — остается.

А теперь представим, что наших солдат-роботов по-прежнему одинаковое количество, но один противник стреляет в два раза чаще, то есть в 4 минуты сделает не 5 выстрелов, а 9. Не буду перегружать текст числами, но через 5 минут боя у быстро стреляющих в строю останется 67 солдат, а у медленно стреляющих — 26. Опять не только медленные потеряли больше, но и скорострельные потеряли меньше.

А теперь представим при тех же условиях по 100 солдат-роботов в строю и стреляющих с одинаковой скорострельностью, но одна команда стреляет в 2 раза точнее, то есть с каждым залпом в ней попадает не один из десяти солдат, а один из пяти. Опять не буду перегружать текст числами, но через 5 залпов у метко стреляющих в строю останется 69 солдат, а у посредственно-стреляющих — 17. Опять не только промахивающиеся потеряли больше, но и меткие потеряли меньше.

Не будем загружать себя расчетами ввиду их очевидности, но такой же эффект будет иметь защита одной стороны от огня другой. В древние времена это была индивидуальная защита (щиты, латы, кирасы) или коллективная защита — крепости и их полевые аналоги. С середины XIX века — с увеличением мощности поражающих снарядов — в практику вошла защита себя землей — вошло окапывание обороняющихся. Уже в ходе Гражданской войны в США (1861—1865) выяснилось, что войска, находящиеся в окопах, несут потерь в три раза меньше, чем атакующие их войска. С Первой мировой появился еще один вид защиты — броня танков и боевых машин.

Но это не все виды защиты. Защитой может быть и возможность открывать огонь по противнику с расстояния, с которого он не может тебя поразить. Скажем, поражение русских войск в Крымской войне во многом определило то, что англо-французская пехота была вооружена более дальнобойными нарезными ружьями. В результате она наносила русским войскам урон с расстояния, на которое русские гладкоствольные ружья просто не добивали.

Защитой может быть незаметность для противника. Тут важна и маскировка, и нахождение за складками местности, за деревьями и т. д., — все, что делает тебя менее заметным по сравнению с твоим открытым стоянием на чистом месте во весь рост. Защитой может быть и быстрота передвижения в зоне воздействия огня противника, ведь противнику для подготовки выстрела и тем более такого огня, как артиллерийский, требуется время, кроме этого, для полета пули и снаряда тоже требуется время. При собственной быстроте маневра в зоне досягаемости оружия противника его снаряды будут падать уже на пустое место. Наконец, можно добиться, чтобы противник или вообще не стрелял, или стрелял неприцельно, что тоже является собственной защитой. Для этого противника можно ослепить, к примеру, дымом, а можно вести по нему настолько плотный огонь, что он не сможет не только прицельно стрелять, но и головы поднять.

Забегая вперед, отмечу, что такие виды защиты, как броня боевой техники или бронежилеты, это, конечно, следствие ответственной работы правительства и возможностей экономики государства. Но вот все остальные способы доступны любому офицеру и генералу, и если войска гибнут из-за того, что командиры не использовали на поле боя имеющиеся средства защиты — местность, маневр, маскировку, то это вина генералов и офицеров, вина их неграмотности и безответственности.

Оба первых фактора тактики — количество войск и скорострельность — можно объединить в один — мощьность огня.

Меткость огня надо осовременить и добавить эффективность снарядов у цели. В XIX веке артиллерийская граната полупудового единорога, весившая более 8 кг, при разрыве давала до 15 осколков, а в XX осколочно-фугасный снаряд 76-мм орудия, весивший 6,2 кг, давал 600–800 убойных осколков. Это надо учесть и ввести меткость в суммирующий фактор — эффективность огня.

Теперь пару слов об оперативном искусстве. Это понятие возникло сравнительно недавно и не всеми признается. Дело в том, что это только в настоящее время тактикой считается искусство выиграть бой, но в старом, исконном значении этого слова — это искусство использовать местность для победы. То есть использовать ее для придания дополнительной силы своим войскам или, иными словами, для придания дополнительной поражающей силы имеющемуся у твоих войск оружию. Кредо Наполеона: *«Военное искусство — это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*.

Но во времена Наполеона это нужное место располагалось на (от силы) паре сотен квадратных километров, а маневрировавшие войска редко превышали сотню тысяч человек, причем практически все необходимое для боя и жизни было при них. (Кстати, когда Наполеон вошел в Россию и трудности нахождения «нужного места» возросли на порядок, он уже не сумел быть сильнее в «нужное время» и потерпел поражение практически без

решающих боев со стороны русской армии). Сейчас же масштабы сражений увеличились многократно, потребности войск в сообщении с тылом на порядки возросли, соответственно, действительно имеет смысл эту часть тактики (использование местности в крупных операциях) выделить в отдельное искусство. Но принципы и тактического, и оперативного искусства остаются одинаковыми — *«это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*.

К этому следует добавить, что и раньше слабой частью любой армии были те, кто находится за боевыми линиями — в тылу. Это тыловые и специализированные войска. Они если и вооружены, то не комплексно, и не в состоянии равноценно противостоять боевым войскам противника, но без этих тыловых и специализированных войск и свои боевые войска много (долго) не наводят. Поэтому само собой разумеющимся является маневр прорыва боевых линий противника и выход ему в тыл с желательным окружением части его войск — тут и легкая добыча, и слабое сопротивление, и обессиливание боевых частей противника отсечением им путей снабжения и пополнения. Это настолько понятно не теоретическому болтуну, а настоящему военному, что немецкие генералы на вопрос о молниеносности войны при помощи их «танковых клиньев», как вы видите, чешут в затылке и сообщают, что не было у них никаких ни собственно военных концепций, ни собственно военных теорий молниеносности: Просто они *«использовали нужные части в нужном месте и в нужное время»*.

Итак, факторы тактического преимущества — факторы нанесения противнику максимальных потерь:

1. Больше, чем у противника, мощность огня.
2. Больше, чем у противника, эффективность огня.
3. Лучше, чем у противника, защищенность от его огня.

Что в данном случае очень важно. Перечислены принципы, ведущие к победе в боях, повторю, ПРИНЦИПЫ. То, чему должны соответствовать все остальные составляющие боя. Если какая-то деталь тактики или оружия, если какой-то метод боя этим принципам

не соответствуют, то они в лучшем случае лишние, если не просто вредны.

Как видите, ничего нового или заумного в этих принципах просто нет, почему Клаузевиц и писал, что военное дело доступно любому здравому уму. Но воевать трудно, поскольку вопрос, как этих преимуществ достичь и будут ли они достигнуты, зависит от генералов. И при рассмотрении военных сил государства все в конечном итоге и сведется к генералам. И, разумеется, к главам государств. В первую очередь к тем главам, идеи которых были внедрены в организацию и вооружение армии еще до войны, как это было в случае с А. Гитлером. Да, разумеется, когда война начинается, то главы государств по своему положению стратегов обязаны заниматься армией на всю им посильную глубину встающих перед армией проблем, но если генералы накуролесили до войны, то тут и главам государств можно посочувствовать.

Однако при рассмотрении военных сил государства о генералах разговор будет отдельно. И постоянно. Сейчас же просто пара примеров для затравки, чтобы убрать неясности в вопросе, что значит понимать принципы тактики.

Был в немецкой истории прусский король Фридрих II (1712–1786), весьма воинственный полководец. После двух мировых войн, в которых Россия и СССР воевали с немцами, об этом короле не принято вспоминать, тем более хорошо, но современные ему русские генералы, такие, как П. Румянцев или А. Суворов (кстати, сражавшиеся с его войсками), ставили себе его примером. (Как-то в ресторане разговорился с немцем и вспомнил об этом короле. Немец очень удивился, во-первых, тому, что я слышал о «старом Фрице», во-вторых, тому, что этот король терпел поражения от русских войск. В немецкой истории он остался непобедимым.)

Перед военным делом у Фридриха II действительно много заслуг. Он, к примеру, ввел в тактику «косую атаку» — удар по флангу, что при тогдашнем линейном построении войск было весьма эффективно. Он не сторонился рукопашной схватки — его «черные гусары» в

сабельной атаке обязаны были мчаться на противника в таком плотном строю, что живые лошади удерживали убитых и несли их на врага вместе со всадниками. Однако именно Фридрих II ввел усовершенствованные ружья для прусской пехоты.

Ружье тех времен заряжалось с дула, замок был кремневый. Чтобы зарядить ружье, нужно было открыть полку, в которую выходило запальное отверстие, откусить конец бумажного патрона, отсыпать из патрона немного пороха на полку, а поскольку полка относительно маленькая, то при этой операции нужна была особая тщательность, то есть потеря времени. Затем закрыть полку, всыпать остатки пороха в дуло, послать за порохом остаток бумаги патрона с пулей, вынуть шомпол, прибить пулю шомполом, вставить шомпол на место, взвести курок и начать целиться. Все это занимало около минуты, и, казалось бы, убыстрить процесс заряжания невозможно. Но при Фридрихе II ружья прусской пехоты усовершенствовались тем, что изнутри ствола запальное отверстие рассверливалось на конус и частицы падающего в ствол пороха, отскакивая от дна ствола, залетали через этот конус на полку. В результате сокращалась самая медленная операция — открывать полку и сыпать на нее порох, теперь солдат откусывал конец патрона и сразу сыпал весь порох в дуло. Думаю, что это усовершенствование имело недостатки, возможно, частые осечки, поскольку ни о чем подобном в других армиях я не слышал. Но в данном случае важно стремление короля увеличить скорострельность своей пехоты — увеличить мощность ее огня. Можно ли после этого упрекнуть «старого Фрица» в том, что он не понимал, что именно делает тактику твоих войск сильной?

А во второй половине XIX и начале XX века в русской армии служил генерал М. Драгомиров. С 1878 по 1889 год он был начальником Академии Генерального штаба, то есть учил офицеров русской армии воевать и даже написал для них «Учебник тактики». И этот учитель военного дела высшего русского офицерства был известен как ярый противник скорострельного оружия,

даже приему на вооружение простой магазинной винтовки сопротивлялся. А в 1887 году при испытании пулемета генерал Драгомиров выдал сентенцию о скорострельности оружия: *«излишняя быстрота стрельбы вовсе не нужна для того, чтобы расстреливать вдогонку человека, которого достаточно подстрелить один раз»*. Можно ли ввести в заслугу Драгомирову, что он понимал, что делает тактику сильной?

Вот и вопрос — да, военное дело доступно здравому уму, но доступно ли оно уму абсолютно всех генералов?

И если говорить не просто о тактике — о нанесении противнику максимальных потерь, — а о победе в бою, то никуда не деться и от главного принципа победы, на который все же снова придется отвлекаться.

Главный фактор боя

Итак, та противоборствующая сторона будет иметь тактическое преимущество, у которой командование организует на поле боя более мощный огонь, лучшую его эффективность и лучшую собственную защиту от огня противника. Это преимущество приведет к тому, что противник начнет нести бóльшие потери, чем ваши войска, в конце концов противник не выдержит и либо сдастся, либо побежит, но тогда его надо преследовать, а именно при преследовании противник и понесет максимальные потери, которые его окончательно обессилят. Но означают ли большие потери противника победу в бою?

Разумеется, нет. Как и в случае войны государств, на первом месте стоит моральная сила войск, и победу может одержать и та сторона, которая понесла большие потери, но оказалась морально сильнее. Чтобы не быть голословным, следует подтвердить тезис примерами, но примеров этому в истории настолько много, что трудно подобрать подходящие. Разумеется, нам более интересны примеры отечественной истории, а поскольку я только что упомянул о короле Пруссии и герцоге Брандербургском Фридрихе II, то в качестве первого примера приве-

ду битву у немецкой деревни Цорндорф, произошедшую более 250 лет назад. Дам ее описание из книги Ф. Ф. Нестерова «Связь времен», книги несколько сусальной и односторонней, но написанной ярко и на важную тему преемственности поколений.

«В августе 1758 года русская армия под командованием англичанина Фермора разбила свой лагерь рядом с деревней Цорндорф. Вся артиллерия была расположена на той его стороне, что выходила на реку Митцель и откуда ждали пруссаков. Русские батареи, заблаговременно сооруженные на высоком и обрывистом берегу, надежно господствовали над поймой.

Но Фридрих и не помышлял о том, чтобы форсировать реку под огнем русских. Совершив обходной маневр и не встретив на своем пути даже русских дозоров, он спокойно развернул свою армию в боевой порядок в совершенно незащищенном тылу русского лагеря и приказал своей артиллерии и пехоте открыть беглый огонь. «Ни одно ядро не пропадет у нас даром!» — весело воскликнул он.

Русский главнокомандующий Фермор после первых же прусских залпов понял, что все пропало; дал шпоры своему боевому коню и галопом покинул поле боя, бросив на ходу, что отправляется за помощью к корпусу Румянцева. Но не так думали солдаты и офицеры. Вместо того чтобы бросать оружие, размахивать белыми платками или прыгать с обрыва, они впрягаются в орудия, разворачивают их, перевозят на новые импровизированные огневые позиции. Эти варвары, как потом объясняли происшедшее свидетели-иностранцы, не знали различия между фронтом и тылом, не понимали, что их положение безвыходно, и считали фронтом просто-напросто то место, откуда атакует неприятель. Построившиеся было полки, едва придя в движение, напирают друг на друга, смешиваются, превращаются в бесформенную и сжатую человеческую массу, где действительно ни одно прусское ядро не пропадает даром. В одном из концов лагеря солдаты натываются на маркитантский склад, разбивают бочки с водкой и в несколько минут становятся пьяными тысячами. Фридрих, наблюдающий эту сцену сквозь подзорную трубу, бросает тогда на русский

лагерь своих «черных гусар», чтобы довершить истребление противника.

Король был уверен в полной победе — впрочем, чем дальше, тем менее. «Фермор сдастся... он сдался... впрочем, я еще не уверен в этом», — посылал он депеши своему брату, герцогу Брауншвейгскому. К счастью для русских, в эти критические часы их командующий был слишком далеко, чтобы вести переговоры о капитуляции. Между тем сумятица в лагере вопреки ожиданиям Фридриха совсем не привела к панике. Никто там не думал о бегстве или о сдаче. Отборная прусская кавалерия была встречена плотным огнем, ружейным и пушечным. Атака следовала за атакой, но все они разбивались как волны об утес. «Сами пруссаки говорят, что им представилось такое зрелище, какого они еще не видывали, — рассказывает участник битвы при Цорндорфе русский офицер Болотов. — Они видели везде россиян малыми и большими кучками и толпами, стоящих по расстрелянии всех патронов своих, как каменных, и обороняющихся до последней капли крови, и что им легче было их убивать, нежели обращать в бегство. Многие, будучи простреленными насквозь, не переставали держаться на ногах и до тех пор драться, покуда могли их держать на себе ноги; иные, потеряв руку и ногу, лежали уже на земле, а не переставали еще другою здоровою рукою обороняться и вредить своим неприятелям...». Французский дворянин на прусской службе де Катт в записках «Мои разговоры с Фридрихом» свидетельствует о том же: «Русские полегли рядами; но когда их рубили саблями, они целовали ствол ружья и не выпускали его из рук». Сам Фридрих позднее вспоминал этот день: «Они (русские) неповоротливы, но они держатся стойко, тогда как мои негодяи на левом фланге бросили меня, побежав...»

...Русская же армия при Цорндорфе как раз совершила это «невозможное», ибо сражалась в условиях невыносимых, не предусмотренных никакими уставами. Брошенная на произвол судьбы командующим, она все же под губительным огнем противника пытается перестроиться, что ей не удается сделать до генеральной атаки прусской кавалерии. Обычные узы дисциплины с нее в этот критический

момент спадают, как спали бы, наверное, и с любой другой армии, но это не приводит к ее распаду, как это случилось со шведами при Полтаве и случится с пруссаками при Кунерсдорфе. Несмотря на то что механизм субординации оказался парализованным и приводные ремни, идущие от верховного командования к рядовому солдату, безнадежно спутались, армия осталась армией. Офицеры в сумятице выпускают из-под контроля своих солдат, но отдают распоряжения первым попавшимся, и те выполняют их. Солдаты повинуются приказам незнакомых им офицеров не потому, что боятся дисциплинарных взысканий: теперь они ничего не боятся. А потому, что чувствуют к ним доверие, нуждаются в руководстве, в организации среди хаоса для того, чтобы лучше исполнить свой долг. Но вот противник отброшен (русские потеряли убитыми и ранеными 18 тысяч, пруссаки — 10 тысяч), и каждый спешит к знамени своего полка. Производится вечерняя перекличка, случится панихида — и вновь перед глазами Фридриха возникает стройная грозная боевая сила, непоколебимо стоящая на прежнем месте, как будто не было его, Фридриха, искусного маневра, не было сокрушительных залпов всей его артиллерии, не было стремительного удара его конницы и размеренно-методического натиска его пехоты. Он застал русских врасплох, он нанес им огромный урон, он сосредоточил свои силы так и ввел их в действие с такой последовательностью, которая всегда вела к победе над любым из его неприятелей. Но победы не было. Когда русские вышли из своего лагеря и направились на соединение с корпусом Румянцева, пруссаки уклонились от нового столкновения и уступили дорогу...»

(Википедия дает потери русских войск убитыми 16 тысяч и 87 орудий, прусских войск — 11 тысяч и 26 орудий.)

Как я понял из разговора с помянутым немцем, Фридрих II записал себе и битву при Цорндорфе в «победу по очкам», что, впрочем, не спасло его от взятия русскими войсками Берлина и разорения берлинских укреплений и военной промышленности. И последовавшее разжалования «старого Фрица» из королей Пруссии

в простые герцоги Бранденбургские, поскольку русские войска в ходе Семилетней войны отняли у Фридриха II собственно Пруссию и присоединили ее к России. (Через несколько лет русский император Петр III из любви к Фридриху подарил ему Пруссию обратно, чтобы по сумме подобных деяний быть свергнутым русской гвардией и скоропостижно помереть.)

И, казалось бы, нужно ли после Цорндорфа удивляться, что СССР, потерпев в 1941–1942 годах от немцев целую серию разгромных поражений своей армии, в конце концов выиграл войну и снова взял Берлин, чтобы в нем заставить немцев подписать капитуляцию.

Казалось бы, уместны слова Суворова: «Мы — русские, какой восторг!» К сожалению, этот восторг сильно портят другие факты истории — те, которые и приводят иностранцев к мысли, что Россия — это колосс на глиняных ногах.

Вот, к примеру, из старины глубокой — из времен Ивана Грозного — доносит ливонский летописец Рюсов: *«Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские — работающий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость»*. Казалось бы — такая высокая оценка русской моральной силы, уж крепости-то русские не сдают! К сожалению, сдают, да еще и как!

Всего пять месяцев в 1904 году сотысячная (с резервами до 200 тысяч) японская армия осаждала русскую крепость и базу российского Тихоокеанского флота Порт-Артур. Гарнизон крепости — 50 тысяч человек, 650 орудий, полсотни пулеметов, запасов на год. Вопреки прямому приказу командования комендант крепости генерал-адъютант Стессель крепость японцам сдал, и это при том, что защитники, потеряв при штурмах до 15 тысяч человек убитыми и ранеными, уже нанесли японцам потери в 110 тысяч человек. Существует мнение, что Стессель действовал не только вопреки приказу, но и вопреки офицерам крепости, однако эта версия опровергается — не сумел бы он сдать крепость, если бы остальные офицеры были против.

А вот русская Новогеоргиевская крепость, которая считалась одной из самых сильных в Европе, — 45 километров укреплений, почти 100-тысячный гарнизон при более чем тысяче орудий. Ею гордились в России и считали неприступной, а крепость в 1915 году продержалась... десять дней. Командующий гарнизоном генерал Бобырь ускакал к немцам и уже от них распорядился капитулировать. 23 генерала и 2100 человек офицеров сдались без возражений. В целостности сдали немцам и 1096 стволов тяжелых и крепостных орудий — львиную долю тяжелого вооружения всей русской армии, а также 108 полевых пушек. Немцы этой русской артиллерией вооружили свой Эльзасо-Лотарингский фронт против тогдашних союзников России.

Конечно, можно сказать, что во всех приведенных случаях «рыба гнила с головы» — с генералов. Но ведь и в битве при Цорндорфе командующий предал и сбежал, а войска продолжали драться. Так что чисто военные методы победы в бою — это очень много, но моральная сила войск стоит все же на первом месте. Нет этой силы — и бесполезны самые современные крепости и самое мощное оружие, то есть бесполезны и превосходящая мощьность своего огня, и лучшая защищенность от огня противника.

Но вернемся к вопросу, который меня больше всего волнует, — почему СССР понес такие тяжелые потери в Великой Отечественной и как их избежать в будущей войне? Вернемся к чисто военным методам победы в бою, и чем в той войне эти методы у немцев отличались от аналогичных методов у Красной Армии.

Победа в бою

Что это?

Вопрос, казалось бы, донельзя понятный, тем не менее в этом вопросе надо подняться до вершины, поскольку именно это тот водораздел, который отличал немецкую армию во Второй мировой войне практически от всех армий мира. Цель боя понятна — победа, а вот в чем цель победы? Обычно это исход боя, когда противник уничтожен и занята местность, которую он раньше занимал, если речь идет о наступательном бое, или, наоборот, противнику не дали уничтожить свои войска и занять местность, которую он стремился занять, если речь идет об обороне. В эпоху архаичных войн, в случае спорности этого вопроса, вообще принято было считать, что тот, за кем осталось поле боя, тот и победил.

Итак, у победы два параметра — уничтожение врага и местность. Что из них главное? Трудно сказать вообще и на все случаи конкретных боев, и вот эта трудность является незамечаемым камнем преткновения для многих, кто занимается военным делом или исследует его. Оба параметра главные или все же какой-то параметр имеет преимущество? Это аналогично браку между мужчиной и женщиной (при существующем в мире идиотизме я уже вынужден уточнять, что имею в виду брак именно между мужчиной и женщиной). В их женитьбе тоже два параметра — удовольствие от секса и дети. Что главнее? Оба главные? Но мы же знаем, что это когда-то брак без детей был трагедией и законной причиной развода, а сегодня такой брак чуть ли не признак большого ума и культуры супругов. Хотя, если посмотреть на эти параметры, то зачем вообще жениться для секса? Для него нужно,

от силы, отдельное помещение, а все эти брачные обязательства супругов совершенно ни к чему. И, может, я и старомоден, но брак без детей — это не брак, как и победа без уничтожения противника — это не победа, хотя я понимаю, что не все разделяют мое мнение.

Я не сказал ничего нового — эта мысль стара, поскольку естественна, — прекрасный инженер и артиллерист своего времени французский маршал Вобан, построивший 33 крепости и осаждавший 53 вражеских, 400 лет назад выразил эту мысль так: *«Преступно и ошибочно делать задачей войны овладение каким-то объектом, пока не разбита армия врага»*. Мысль эта проста и понятна, но не входит в плоть и кровь военного сословия многих стран и тем более в основу тактики боя. Мне могут возразить, что бой есть бой, и занимается после боя местность или нет, это второй вопрос. Отнюдь, на самом деле для тактики это первейший вопрос.

В чем видят генералы главную цель победы — в уничтожении врага с последующим занятием местности, как видели эту цель немецкие генералы, или в занятии местности с как бы само собой разумеющимся уничтожением на ней врага, как видели цель боя советские генералы? Если только в уничтожении врага, то будет одна тактика, полностью соответствующая главным факторам тактики, а если в занятии местности, то другая, имеющая вопиюще лишний, но становящийся главным элемент.

Повторюсь, это тонкость, которую трудно заметить при формальном подходе к исследованию вопроса. В уставах и боевых документах любых армий эти две задачи присутствуют — и в немецких может упоминаться объект или местность (рубеж), которые надо захватить или удержать, и в советских, кроме местности или рубежа, может упоминаться уничтожение противника. Здесь разница на уровне мировоззрения генералов и военных теоретиков, и эту разницу не найти, если не понимать, что именно ты ищешь.

Есть два основных вида боя — наступление и оборона (встречный бой опустим). И если для генерала главным в наступлении является занятие местности — выход на ру-

беж, если он в этом видит цель победы, то генерал будет использовать тактику и оружие для того, чтобы занять эту местность и выйти на заданный рубеж живой силой своих войск. Посему для него **ОБЯЗАТЕЛЬНА АТАКА ЖИВОЙ СИЛОЙ** на войска противника, чтобы выйти своими войсками на рубеж, ограничивающий занимаемую местность, поскольку без живой силы выйти на рубеж нельзя. Можно, конечно, обстрелять этот рубеж из всех видов оружия, но что толку, если он не будет занят живой силой? И такому генералу для такой победы нужна подавляющая масса живой силы своих войск — в полном смысле слова «большие батальоны».

Но если для генерала в наступлении занятие местности не главное, а главным является уничтожение врага, то для него атака **ЖИВОЙ СИЛОЙ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНА** даже в наступлении — враг уничтожается мощностью и эффективностью огня. такому генералу не нужны большие массы живой силы, ему нужна мощность и эффективность огня.

Первый генерал посылает для контакта с противником солдат, второй — пули и снаряды.

Оговорюсь, ситуация может быть такой, что и второй генерал (в данном случае — немецкий) прикажет какой-то своей части взять или удержать местность, но он это будет делать с целью эффективного уничтожения врага всеми остальными вверенными ему силами, а не для отчета о победе путем захвата местности. И у русского (советского) генерала в приказе будет упоминаться уничтожение противника, но для него это всего лишь способ занять или удержать местность.

С середины XIX века занятие местности или поля боя уже можно было бы считать ошибкой русских и советских генералов, можно было бы считать атавизмом старины глубокой, оставшимся с тех времен, когда победу отдавали тому, за кем оставалось поле боя. Можно было бы, если бы не внятно видимый генеральский интерес в именно таком подходе к оценке победы в бою.

Начнем с того, что для русского генерала резко упрощается работа по подготовке войск — всего-то надо их

учить бежать на врага, в расчете на то, что кто-то из них все же до врага добежит. Надо солдат учить бить прикладом и колоть штыком — учить занимать местность, занятую врагом. Это становится главным.

Вот смотрите. Сохранился проект приказа от сентября 1939 года наркома обороны Ворошилова по итогам боев на Халхин-Голе. Судя по пометам на окончательном варианте, приказ долго переделывался и правился лучшими умами военной науки СССР, тем не менее Ворошилов его почему-то не подписал. И уже в первом пункте собственно приказа в этом проекте: *«В ПЕХОТЕ. 1. Самостоятельные действия бойца и младшего командира в условиях ближнего боя.... Постоянным настойчивым обучением и тренировкой в искусстве владения штыком воспитать у бойцов и всего личного состава порыв и стремление во что бы то ни стало завершить бой уничтожением врага в умелой рукопашной схватке»*. Нет, в этом приказе есть и про огонь, и, как видите, и про уничтожение врага, но советские военные теоретики никак не видели победу в бою без штыка.

А немецким генералам было сложнее — им надо было учить солдат и офицеров скрытно приближаться к выгодной позиции для открытия огня, учить уметь подбирать такие позиции, учить метко стрелять, учить быстро сосредотачивать на противнике огонь всего имеющегося оружия, учить уметь переносить этот огонь на вновь обнаруженного противника, учить уметь заходить к противнику в тыл и бить его с наименее защищенных сторон, учить уходить из-под огня противника и многому другому.

А как в реальном бою?

И во время реального боя работа русского (советского) генерала резко упрощалась — ему надо всего-то было подписать приказ на атаку (начальник штаба подготавливает). Войска пошли в атаку, а что ему делать? Не бежать же вместе с ними! Сидит такой генерал на командном пункте, пялится в карту и ждет, когда ему донесут, что войска заняли первую траншею. Тогда дает приказ резервам атаковать вторую траншею. Или ему сообщат,

что своя артиллерия огонь противника не подавила и посланные в атаку войска лежат перед первой траншеей противника, ночью отползут и тогда подсчитают, сколько из них осталось в живых. Ну, если так, то тогда генералу надо послать в повторную атаку на первую траншею и оставшиеся резервы. Вот и вся работа и, главное, ничего особо и знать не надо.

Начну подтверждать этот вывод несколько издалека. Один из моих двоюродных дедов, старший лейтенант, в 1937 году служил командиром батальона связи стрелковой дивизии, у него в батальоне командиром взвода конной разведки служил старшина, отличившийся, но не отмеченный ранее ветеран Гражданской войны. А в 1937 году, в юбилей революции, награждали участников Гражданской войны и этого старшину наградили орденом Красного Знамени, мало этого, еще и присвоили ему звание «капитан». Поскольку для капитана-кавалериста должности в дивизии не было, то его направили в Харьков, в штаб округа для получения новой должности. Здесь ему предложили должность командира кавалерийского дивизиона в кавалерийском полку. Эта должность соответствовала должности командира батальона в пехоте, то есть занимать ее мог подполковник, и получить ее капитану уже было почетно и перспективно. Но новоиспеченный капитан отказался командовать дивизионом и потребовал себе должность командира кавалерийского корпуса, то есть генерал-лейтенантскую должность! Правда, потребовал, пояснив, что он неграмотен, а командир дивизиона должен командовать самостоятельно, посему старшина на этой должности командовать не сумеет. А в корпусе есть штаб, штаб приказ напишет, а бывший старшина распишется. Вот и вся работа. С такой работой неграмотный бывший старшина безусловно справится. Этот рассказ бывшего старшины вполне мог быть и байкой, но вот вполне серьезный рассказ из мемуаров Г. К. Жукова.

Начало рассказа таково: *«Мы с Шапошниковым, — позвонил Жукову Сталин, — считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими*

контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву». То есть Сталин ставил командующему Западным фронтом Жукову задачу УНИЧТОЖИТЬ ПРОТИВНИКА. Но Жуков ему отвечает:

«— Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны». Как видите, Жуков отвечает, что у него нет сил УДЕРЖАТЬ МЕСТНОСТЬ. Сталин поясняет:

«— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта».

Но Сталин настоял на исполнении своего замысла, а вот далее Жуков пишет:

«Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы и доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел». Все, никаких иных своих телодвижений по командованию этой провалившейся операцией вверенного ему фронта Жуков не вспомнил.

Так почему упомянутый выше старшина, так самокритично оценивший свою неспособность командовать дивизионом, не мог бы командовать Западным фронтом? Расписываться он умел, правая рука у него не отсохла, так что приказ, сочиненный начальником штаба Жукова генерал-лейтенантом В.Д. Соколовским, старшина мог бы подписать без проблем. Конечно, может, у этого старшины потом бы хватило совести не обвинять в провале этой операции Генштаб и Сталина, но со всем тем, что описал Жуков, старшина бы справился. Кстати, дед встретил его после войны уже майором, и старшина помимо приведенного рассказа сообщил, что всю войну провел в Монголии, принимая от Монголии лошадей, в которых бывший старшина-кавалерист, безусловно, разбирался. И, на мой взгляд, если бы Жуков служил у этого бывшего старшины помощником, то, возможно, это и не улучшило бы качество конского состава, получаемого из Монголии, но интеллектуальный уровень командования Красной Армии повысился бы безусловно.

Но продолжим.

Местность есть местность — она никуда за время исполнения приказа, данного генералом, не девается. А вот противник может за это время подтянуть резервы, или, наоборот, отойти, или тебе ударить во фланг — противник непрерывно изменчив, и за ним надо постоянно следить, и менять свой приказ, и давать дополнительные распоряжения согласно изменяющейся обстановке. И поэтому немецкому генералу было сложнее — ему нужно было непрерывно наблюдать за боем, все время перенаправлять войска, переносить огонь, искать слабые места в обороне противника, вызывать в помощь иные рода войск — непрерывно думать и решать, как нанести противнику максимальные потери. Ему надо было знать боевые свойства и способности каждого своего подразделения, свойства и способности каждого вида оружия, каждого рода войск, знать, где и как каждое оружие и род войск будут особенно эффективны, уметь организовать защиту вверенных ему войск от огня противника.

Согласитесь, руководить уничтожением противника огнем гораздо сложнее, чем просто послать войска в атаку.

Зато насчет отчетов о победах и испрашивания награды русскому генералу было гораздо проще. К примеру, взял деревню — уже герой! И не надо отчитываться, сколько же ты уничтожил солдат противника в расчете на тех своих солдат, которых положил под этой деревней. Главное — победил! А у нас народ такой, простой — ему главное победа, он за ценой не постоит! Или противник сам покинул город, а наш генерал ввел в него войска. В результате — салют в Москве, благодарность Верховного Главнокомандующего, орден на грудь — герой, город взял!

А немецкому что толку от взятия такого города — противника-то он не уничтожил!

Вот такие примеры. С весны по осень 1939 года шла необъявленная война между СССР и Японией у реки Халхин-Гол на территории Монголии. Официально она завершилась тем, что, начав наступление 20 августа, *«бронетанковые и механизированные войска Южной и Северной групп советско-монгольских войск к исходу 26 августа соединились и завершили полное окружение 6-й японской армии. После этого началось ее дробление отсекающими ударами и уничтожение по частям....После боев 24–26 августа командование Квантунской армии до самого конца операции на Халхин-Голе не пыталось больше деблокировать свои окруженные войска, смирившись с неизбежностью их гибели»*.

Но комкор Г. Жуков, командовавший советскими войсками в этих боях, 28 августа направил Наркому Обороны такую победную телеграмму: *«Москва. Тов. Ворошилову. Японо-маньчжурские войска, нарушившие границу МНР, частями 1-й армейской группы и МНР полностью окружены и уничтожены. В 22.30 28.8 ликвидирован последний центр сопротивления — Ремизовская высота, где уничтожено до трех батальонов пехоты. Остатки — 100–200 человек, бежавшие в барханы, уничтожаются в ночном бою. Граница МНР полностью восстановлена. Подробности особым донесением»*.

Как видите, о полном окружении 6-й японской армии Жуков деликатно умолчал. А Ворошилов, пересылая эту телеграмму Сталину для ознакомления, добавил свое видение событий: *«Тов. Сталину. Направляю только что полученное донесение тт. Жукова и Калугина. Как и следовало ожидать, никаких дивизий в окружении не оказалось, противник или успел отвести главные силы, или, что вернее, больших сил в этом районе уже давно нет, а сидел специально подготовленный гарнизон, который теперь полностью уничтожен»*. Ворошилов оказался прав, как выяснилось в дальнейшем, японцы еще 22 августа начали выводить свои войска из окружения, пользуясь большими разрывами в боевых порядках окружавших их советских войск. Однако Жуков местность занял? Занял. Соответственно стал Героем Советского Союза и генералом армии.

А вот, скажем, лето 1942 года. Немцы окружили наши войска под Харьковом и теперь быстро продвигаются к Волге и Кавказу, захватывая огромные территории. Казалось бы, немцам нужно радоваться, и действительно, немецкие пропагандисты трубили в фанфары. Но в Генштабе Германии были недовольны — нет пленных и трофеев. Вот начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер утром 6 июля 1942-го записывает в своем дневнике: *«Учитывая сообщения из-за рубежа, фюрер, видимо, склоняется к той точке зрения, что Тимошенко ведет «эластичную» оборону. Я в этом пока сомневаюсь. Не имея серьезных причин, он вряд ли отдаст излучину Дона и находящийся здесь индустриальный район. Без основательной встряски он не может «эластично» оттянуть фронт с тех сильно укрепленных позиций, которые он создал перед фронтом группы армий «А». Значит, нужно еще подождать и посмотреть, как развернутся дальнейшие события»*. Но ждать не пришлось, фюрер оказался прав. В тот же день вечером Гальдер записывает: *«Дело идет о нескольких часах. Тимошенко уходит из-под удара. Бросить за ним моторизованные соединения!»*. Как видите, у немцев были совсем иные критерии победы: кому нужны эти территории, если через несколько месяцев эти от-

веденные Тимошенко войска ударят по немцам под Сталинградом?

Согласитесь — войти на оставленную противником территорию и уничтожить противника — это разные вещи. Это разные победы.

Советская атака

Почему я акцентирую внимание на том, что вижу генеральский интерес в объявлении победой занятие местности? Потому, что советский генералитет еще до войны прекрасно знал, что у немцев тактика иная и имеет целью исключительно уничтожение врага ОГНЕМ, а не атакой с рукопашным боем. Знал, тем не менее никаких мер к совершенствованию тактики РККА не принимал, и тактику Красной Армии советский генералитет строил и строил только на занятии местности и, как следствие такого подхода к бою, на штыковой атаке живой силой. Вот такой пример.

В декабре 1940 года прошло Совещание высшего руководящего состава РККА, доклад о тактике боя стрелковой дивизии в наступлении и обороне делал генерал-инспектор пехоты (шеф пехоты Красной Армии, ответственный за разработку ее тактики) генерал-лейтенант А. К. Смирнов. (С началом войны командовал 18-й армией, при попытке прорваться из окружения погиб в октябре 1941 года.)

«Докладывая о наступательном бое стрелковой дивизии, я беру только один вопрос — прорыв, так как это считается и по нашим и по иностранным уставам наиболее трудной частью наступательного боя. Генерал армии Жуков в своем докладе указал нормы плотности насыщения ударной дивизии артиллерийскими и танковыми средствами. У меня нет никаких расхождений от этих норм». А вот теперь обратите внимание не на числа, а на принцип расчета количества норм артиллерии и времени ее работы по этим нормам: «Боевой устав артиллерии 1937 г., исходя из огневой производительности одного артиллерийского дивизиона на участке 5 гектар, примерно определяет так: что противник, за-

нимающий оборону на фронте 2 км (по фронту и в глубину), если сосчитать все его средства — противотанковые, пулеметные, живую силу, занимающие 70—80 гектар, — потребует на 35 гектар 7—8 дивизионов на один километр фронта при часовой [артиллерийской] подготовке; для подавления [его] артиллерии и резервов [потребуется] не менее 20 орудий на 1 км фронта». Вы видите, как ясно ставится задача артиллерии советскими генералами, — не уничтожение противника, а артиллерийская обработка гектаров той местности, которую предстоит занять пехоте. Вы скажете, что ведь после такой артиллерийской подготовки противник на этих гектарах будет уничтожен. Как вы увидите ниже, по представлениям советских генералов, кстати, трезво смотрящих на такую артподготовку, будет уничтожено 30% огневых средств противника, остальные 70% встретят атаку пехоты своим огнем.

Разумеется, ни о каком уничтожении противника, как цели тактики советской пехоты, в докладе и речи не было — только захват местности атакой: *«Оценивая важность тех или других объектов, батальон ставит ротам задачу прямым направлением ворваться в оборонительную полосу, не обращая внимания [на то], что у него там осталось в тылу, что у него осталось на фланге. Первому батальону на таком широком фронте ставится задача — ворваться и овладеть какими-то пунктами в обороне». При такой тактике какое-либо творческое участие в бою командира полка — маневр с целью создания превосходства в мощности огня на слабозащищенном участке или маневр увода своих войск от огня противника — начисто исключалось: «В такой насыщенной огнем глубине, как эта, маневр батальоном, ротой исключен. Здесь маневр может осуществляться только взводами и отделениями. Командир полка в зависимости от обстановки может только усиливать тот или другой участок батальонами. Основное назначение батальонов — ворваться». То есть уже у командира полка задача была упрощена до минимума — послать батальоны в атаку и ждать. Если атака неудачна и батальон не ворвался на местность, то послать в атаку оставшиеся батальоны.*

Однако на совещании предшествовавшие Смирнову докладчики и выступающие критиковали и уставную тактику советской пехоты. В частности, за то, что из стрелковой дивизии в 17 тысяч человек послать в атаку можно только 640 бойцов, в результате плотность атакующих пехотных цепей очень мала. Смирнов опроверг эту критику: *«Я написал: фронт наступления взвода до 150 м. Надо сказать, что к этому выводу мы пришли общими силами на занятиях, которыми руководил Маршал Советского Союза т. Буденный. И что получается? Как только мы ставили бойцов на фронте [с интервалами] 2—3—5 метров и заставляли их подняться в атаку, то исчезали всякие разговоры о том, что при атаке нет плотности, нет пехоты. Пехота, поднявшись на фронте 150 м, имея интервалы до трех метров, представляет из себя внушительную силу».*

И вот об этих интервалах в три метра между атакующими пехотинцами заговорил выступивший в прениях по докладу Смирнова генерал-майор С. С. Бирюзов, на тот момент командир 132-й стрелковой дивизии. Он обрисовал проблему с совершенно иной стороны: *«О боевом порядке наступления. Наша штатная дивизия имеет 81 стрелковый взвод. При организации боевого порядка в наступлении получается, что мы рвем главную полосу обороны в лучшем случае 24 стрелковыми взводами, а все остальные, примерно 67 взводов, эшелонированы в глубине. Создается наращенный удар. Это хорошо, но давайте посмотрим огневые средства. Станковые пулеметы не стреляют, и мы себя обманываем, когда говорим, что наши пулеметы стреляют. Роты при наступлении обычно идут примкнутыми флангами, и станковые пулеметы стрелять не могут: ни в интервалы между ротами, ни в интервалы между взводами. Все закрыто пехотой и свободного пространства для ведения пулеметного огня нет. Станковые пулеметы не стреляют, и огневая сила удара получается только в лице 24 стрелковых взводов. К нашему сожалению, мы не научились еще стрелять через голову, поэтому я и утверждаю, что огневая сила выражается только в 24 стрелковых взводах. И это, мне кажется, требует некоторой перестройки боевого порядка».*

То есть по довоенному боевому уставу РККА защищаемому Смирновым, плотность атакующей советской пехоты должна была быть такова, что даже такие огневые средства стрелкового полка, как станковые пулеметы, не в состоянии были вести огонь по тому противнику, которого атаквали пехотинцы! А артиллерия в момент атаки молчала, чтобы не задеть своих! Посему вести по противнику огонь имели возможность только сами атакующие пехотинцы из винтовок на ходу. И что же предлагал один из будущих начальников Генштаба Советской Армии?

«Рота наступает 2 эшелонами, и второй эшелон движется на расстоянии 250 м в глубине за первой линией взводов и огня дать не может, в то же время сам находится под действительным оружейным и пулеметным огнем (противника. — Ю.М.). Поэтому роте наступать в 2 эшелонах нецелесообразно. Эту роту нужно заставить наступать в одном эшелоне, чтобы третьи взводы могли принять участие в огневом бое в период наступления. Это несколько увеличивает огневую силу, и тогда будет не 24 взвода, а уже 32 взвода, и огневая мощь нарастает», — соблазнял Бирюзов начальство своим предложением.

То есть Бирюзов предложил еще больше уплотнить атакующие цепи солдатами, чтобы увеличить в них количество стреляющих на ходу винтовок. А пулеметы? А пулеметы по-прежнему оставлял в бездействии.

И это несмотря на то, что перед выступлением Бирюзова выступивший генерал-майор П.Г. Егоров (в августе 1941 года без вести пропавший начальник штаба 28-й армии) напомнил: *«У немцев не случайно записано в Полевом уставе: — «наступление это есть продвижение огня вперед».*

Оцените сначала советских генералов — ведь они, оказывается, и до войны знали, что немцы изменили и усовершенствовали тактику боя! Но все равно держались за свою — за штыковую! Оцените немецких генералов: не атака — не продвижение пехоты или танков вперед, — а ПРОДВИЖЕНИЕ ОГНЯ! Не люди, а огонь у немцев атаквал!

Штыковая атака была чем-то вроде мании или, грубо говоря, органической тупости советской военной науки. Уже шла война с немцами, а генерал-майор А.А. Тарасов пишет для советских солдат брошюру «Уничтожай врага в рукопашной схватке». И в ней:

«БОЕЦ!

Смертельный и коварный враг Вашей (почему «Вашей»?) Родины — германский фашизм — до зубов вооружен огневыми и техническими средствами войны», — сообщает генерал-майор. И что же боец должен противопоставить этим огневым средствам немцев? А вот что:

«Вместе с тем немецко-фашистские полчища избегают встречи с нами в рукопашных схватках, ибо наши бойцы показали, что не было и нет им равных по отваге и ловкости в рукопашном бою. Но с техникой и тактикой врага нам надо серьезно считаться. Надо в совершенстве овладеть искусством подхода к врагу, искусством сближения с ним на поле боя. Надо уметь передвигаться в бою так, чтобы вражеский огонь, какой бы силы он ни был, не мог задержать нашего маневра, нашего наступления и атаки. Поэтому в боях с лютым нашим врагом:

- передвигайся быстро и скрытно,*
- бросай гранату далеко и метко,*
- бей штыком и прикладом крепко!*

Учись скрытно и сноровисто передвигаться на поле боя. Чтобы быстро сблизиться с противником для уничтожения его гранатой и штыком, чтобы меньше нести потерь от огня противника, каждый боец должен уметь технически в тактически правильно передвигаться и сноровисто преодолевать любое искусственное и естественное препятствие. Обучение и тренировка способам передвижения и преодоления препятствий в бою являются одним из важнейших разделов боевой физической подготовки. Тактически правильное и сноровистое передвижение — важнейшее средство маскировки подхода к противнику и обеспечения внезапности атаки для уничтожения его в рукопашной схватке».

И далее весь текст брошюры — это обучение скрытному передвижению («С последним шагом перебежки сделай полный выпад правой ногой вперед и слегка вправо, од-

новременно поставь левую руку ладонью на землю пальцами к правой ноге и, опираясь последовательно на левую руку и бедро левой ноги, ложись на левый бок») и ни слова об огне по немцам, хотя бы из винтовки. Зато подробно описывается техника штыкового боя и даже: «В руках опытного бойца и малая лопата является грозным оружием. Научись приемам боя малой лопатой. Все отбивы и удары лопатой производи быстро, слитно и резко. Одновременно с захватом левой рукой винтовки противника быстро сближайся и бей лопатой по голове справа или слева».

Немецкая атака

Так что — немцы своей пехотой не атаковали? Атаковали, да только под атакой у них имелся в виду не бег с винтовками наперевес с целью добежать и заколоть противника штыком или ударить лопатой, а нечто другое (о чем чуть позже), а такие атаки, как планировали генералы РККА, у них остались в истории Первой мировой войны.

Для начала предлагаю просто вспомнить все документальные фильмы и фотографии Второй мировой. Советские «документальные» фильмы и фото, думаю, в 95% случаев снимались в тылу на учениях, но это в данном случае не имеет значения. Как выглядит наступление советских войск? Едут танки в атаку, а за ними цепями или толпой бежит советская пехота на стреляющего по ней противника. Или эта пехота бежит на противника в атаку самостоятельно. Но сейчас очень много фото- и кинокадров немецкой кинохроники, так вот, есть ли в ней подобные кадры наступления немецких войск? Начисто отсутствуют!

Интересно, но даже взгляд на пехотинца показывал разницу в тактике. В России и в СССР пехотинец всегда носил название «рядовой» — тот, кто идет в атаку в ряду других своих товарищей. То есть то, что он в строю, с позиции российских и советских генералов и есть в нем самое главное и ценное. А у немцев это был «шютце» — стрелок. То есть с позиции немецкой армии самое цен-

ное в пехотинце было то, что он стреляет. Немцы учили своих пехотинцев очень многому, но только не учили штыковому бою — умеющим стрелять это было без надобности.

Немного об этом. У нас теоретики военного дела из суворовского лозунга «Пуля — дура, штык молодец!» сделали фетиш, превратив этим и Суворова в кретина. Во-первых, во времена Суворова штык еще был реальным оружием, во-вторых, и Суворов настойчиво требовал от солдат учиться стрелять, даже уговаривал, уверяя, что свинец дешев и солдат в мирное время не понесет больших расходов на учебные стрельбы. Кроме этого, Суворов учил солдат точно стрелять и предупреждал, что хотя он и рассчитывает на бой по 100 патронов на солдата, но будет пороть того, кто эти патроны все расстреляет, поскольку такое количество патронов в реальном бою расстреливается только при неприцельной стрельбе.

Да, конечно, это неплохо, если солдат умеет действовать и штыком, но при скорострельности оружия XX века кто же его подпустит на расстояние удара штыком?

И у меня продолжает оставаться уверенность, что дело было, собственно, не в штыке, а в том, что штык был как бы смыслом и оправданием тактики атак живой силой на оборону противника. Тактике, резко упрощающей службу офицеров и генералов, тактике, не требующей от них обширных знаний и сводящей их работу к примитивным командам на уровне XVIII века.

Но вернемся к тому, что именно немцы считали атакой и наступлением.

Разведуправление 16-й немецкой армии в сентябре 1941 года перевело статью «Особенности наступательных действий немецкой пехоты в маневренной войне» из тома 1 «Запад» советского справочника о Вооруженных силах приграничных государств. Книга была захвачена в полосе немецкого 39-го армейского корпуса. Давайте эту статью прочтем, опустив идеологическое вступление.

«Опыт войны, которую Германия ведет в Европе и Африке, позволяет сделать некоторые выводы об особенностях наступательной тактики, в целом близкие к истине.

До сих пор немецко-фашистские войска имели дело с противником, который не мог им противостоять.

Боевые действия с польскими, французскими, а особенно с югославскими и греческими войсками привели к падению в Вермахте боевой дисциплины, невниманию к элементарным требованиям к маскировке и самоокапыванию. Самоуверенность же, как следствие «побед», имеет следствием невнимательность к происходящему на поле боя.

Факты свидетельствуют, что «победы» Вермахта достигнуты отнюдь не упорством пехоты при преодолении зоны заграждений или при прорыве укрепленных позиций того ли иного противника. Эти «победы» достигнуты в основном за счет преждевременного покидания укреплений защитниками вследствие массированного (в сравнении с отдельно взятыми польской, французской, югославской или греческой армией) применения артиллерии и авиации».

Отметим, что издевательским окавычиванием слова «победы» советские военные теоретики, написавшие эту статью, массированное действие немецкой артиллерии и авиации по противнику — главный принцип победы в бою — занесли в слабость немецкой пехоты, массированный огонь по противнику — в недостаток тактики!

«Немецкая пехота редко переходит в штыковые атаки. Во многих случаях она стремится избежать действий такого рода. В случае сильного сопротивления противника немецкая пехота, как правило, избегает атаковать такие позиции. В каждом таком случае командир любого немецкого подразделения или части (взвод, рота, батальон или полк) ищет решение в маневре. Нащупывание флангов и их обход являются обычной тактикой немецких командиров.

Позиция, которая стойко защищается, подвергается артиллерийскому обстрелу, бомбардировке и, в соответствии с обстановкой, ложным танковым атакам. В это же время пехота (подразделения и части), оставив минимальные силы для сковывания противника, основными силами и средствами усиления совершают маневр, имеющий целью удар во фланг противника».

Отметим описанную сложность работы немецкого офицера. Вместо того, чтобы с криком «За Рейх, за фю-

рера!» послать солдат в штыковую атаку, офицеру надо изучить местность и разведанные, самому уметь поменять и направление атаки, и боевое построение вверенных ему войск в случае, если противник оказывает более сильное сопротивление, чем предполагалось. Немецкому офицеру нужно организовать связь со всеми родами войск, знать, как и когда их нужно применить, уметь выдать целеуказание для артиллерии и авиации, уметь маневрировать своими подразделениями на поле боя.

«Опыт показывает, что такая немецкая тактика будет применяться и в будущем.

При тщательном наблюдении за полем боя такой маневр будет обнаружен и использован против немцев.

Если мы прочитаем вводную статью ПУ-36, то увидим, что она говорит: обходящий или окружающий противник сам подвергается опасности быть окруженным. Поэтому нужно стремиться противопоставить маневру противника свой контрманевр. Оставив на фронте взвода, роты или батальона такое количество огневых средств, которое минимально необходимо, главные силы атакуют во фланг обходящего противника.

Это действенный метод в борьбе с таким противником, как немецко-фашистские войска», — советский теоретик не упустил случай сказать умную банальность, особенно дико смотрящуюся на фоне трагедии Красной Армии в начале войны.

«Особенно следует упомянуть быстрый маневр в наступлении моторизованной артиллерии, как отдельных орудий, так и целых батарей. Бой, который ведут немцы, отличается грохотом, создаваемым огнем артиллерии, пулеметов, воем самолетов. Огненные струи огнеметов, клубы черного дыма создают впечатление все сметающей на своем пути атаки.

Несомненно, все это направлено на подрыв боевого духа противника. Мораль, воля к сопротивлению должны быть подавлены. Трусы и паникеры морально раздавлены.

Эта видимость явного превосходства создается, в первую очередь, огнем артиллерии (противотанковые пушки и зенитки), а также танками».

Почему «видимость»? Когда на тебя летят снаряды всех видов оружия, имевшегося у немцев, когда на тебя едут танки, которым ты не можешь своим оружием нанести никакого ущерб, это что — «видимость»?

«При занятии пехотой исходных позиций моторизованная артиллерия ведет огонь из орудий всех калибров по всем объектам на переднем крае. Поддержка пехоты осуществляется совместно с танками, зачастую огнем прямой наводкой, без организации надежной связи и корректировки, которая организуется только в случае расширения масштабов боя.

Путем массированного применения орудий всех калибров, включая 150-мм пушки, немцы стремятся уверить противника в численном превосходстве наступающих сил и подошедшей артиллерии.

Столь быстрое сосредоточение артиллерии, характерное для встречных сражений, немцы стараются использовать при наступлении в каждом случае.

Другой особенностью наступательных боев является применение короткой артиллерийской подготовки, в период которой пехота стремится сблизиться с противником. В ходе войны с Польшей, Францией, Югославией и Грецией такой метод повсеместно использовался при атаке полевых укрепленных позиций, а в исключительных случаях при наступлении на долговременные укрепленные рубежи.

В качестве примера приведем типовую атаку немецкой роты.

Стрелковая рота занимает исходные позиции от 800 до 900 метров, в зависимости от условий местности, после чего получает направление атаки (иногда — полосу наступления). Обычный боевой порядок — два взвода в первой линии, один взвод в резерве. В таком боевом порядке рота, сочетая огонь и маневр, двигается со скоростью 600—800 метров в час в район сосредоточения».

Итак, немецкая пехота выдвигалась к рубежу (с которого советская пехота обычно поднимается в штыковую атаку), маневрируя от укрытия к укрытию, и уже на этой дистанции ведя по противнику огонь из собственного тяжелого оружия. Но поскольку собственный огонь немцев

должен был быть точным, то требовалось и время на обнаружение цели, установки оружия (пулемета, миномета, пехотных или противотанковых орудий), пристрелки и уничтожения целей. В результате, как видите, выдвижение к рубежу собственно атаки шло со скоростью всего 600—800 метров в час (пехота в походной колонне ходит с темпом 110 шагов в минуту, то есть около 5 километров в час). Немцы, как видите, не спешили получить от обороняющегося противника пулю, они сначала делали все, чтобы его самого уничтожить издалека.

«С началом атаки (батальона, полка) артиллерия в течение 15 минут обстреливает передний край противника». Заметим, не час, как в погектарных расчетах советских генералов, а всего 15 минут.

«Рота, как правило, усиливается пулеметным взводом, а также взводом пехотных орудий (минометов). Последние применяются от начала атаки до штурма, при необходимости меняя позиции. Здесь речь не идет о прорыве долговременных укреплений, так как немцы в этих случаях создают штурмовые группы, состоящие из инженерных, пехотных и артиллерийских подразделений. Артиллерийская подготовка в данном случае проводится по особому плану. После 15-минутной артиллерийской подготовки огонь переносится на фланги прорыва и на тыловые объекты. Одновременно передний край бомбардируется авиацией и подвергается обстрелу пехотными орудиями и минометами».

От обороняющегося противника, по идее, уже не должно ничего остаться. И только после этого пехота начинает то, что у немцев называется штурмом.

«Атака продолжается перекатами по 15—20 метров». То есть и тут немцы не бежали на окопы врага, выставив вперед штыки, а передвигались в направлении противника от укрытия к укрытию, вернее, от одной позиции для ведения огня к следующей. И с этих позиций винтовками и ручными пулеметами непрерывно вели по противнику прицельный огонь, не давая тому высунуться из окопа для стрельбы по наступающим. И приближались так к позициям противника до тех пор, пока дистанция не сокращалась до броска ручной гранаты, которыми

и добивали противника в его укрытии, если противник не сдавался.

«Если исходные позиции достигнуты, то рота открывает огонь по переднему краю противника из всех наличных огневых средств. В этот момент, как правило, применяются огнеметы и ручные гранаты. Орудия ПТО получают особые задачи, а именно: обстрел смотровых щелей и амбразур укреплений, а также выявленных огневых позиций. Задача орудий сопровождения и штурмовых орудий — подавить пулеметные гнезда и минометы».

Вот чем была атака по-немецки.

Положение требовало от авторов советского Справочника дать и рекомендации, что же делать Красной Армии в войне с немцами? Нет, авторы не предлагали перенять у немцев их тактику. Они пишут:

«Прежде чем рота перейдет в атаку, для обороняющихся наступает решающий момент. К этому моменту нужно тщательно подготовиться, нужно обрушить на противника всю мощь огневой системы. Маневр огневыми средствами, использование кочующих орудий и кинжальных пулеметов (таких пулеметов, которые неожиданно открывают огонь в упор), могут переломить ситуацию в пользу обороняющихся».

Опыт показывает, что немецкая пехота под огнем пулеметов и минометов залегает и ждет поддержки артиллерии сопровождения. Этот благоприятный момент нужно использовать. После массированного применения огнеметов, минометов и ручных гранат следует перейти в неожиданную штыковую атаку во фланг атакующему противнику силами отделения, взвода или роты, атакуя отдельные группы противника, особенно в момент, когда артиллерия не обстреливает передний край. Это позволит уменьшить собственные потери».

Часто случается, что короткая штыковая атака, проведенная решительно, перерастает во всеобщее контрнаступление».

Пока немцы находятся на открытом пространстве, приближаясь к обороняющимся подразделениям противника, они очень уязвимы для огня всех видов артил-

лери. Общий разговор о моще «системы огня» есть, но когда доходит до уточнения, что же это за «система огня», то уточняется, что это огонь кочующих (отдельных и постоянно меняющих позиции) орудий и неизвестно как выдвинутых в упор к приближающимся немцам пулеметов. Нет требований разработать систему заградительного и сосредоточенного огня артиллерии, нет даже требований просто обработать артиллерией гектары. Где совет вызвать по атакующим и находящимся на открытом пространстве немцам огонь полковой, дивизионной и корпусной артиллерии? Ведь она была! Но нет, как видите, такой совет для советских генералов был запредельным по своей военной сложности, и любимая штыковая атака, хотя бы отделением, — вот их ответ! Не огонь, а штык — вот главное, что отразит немецкую атаку!

Немецкий генерал Э. Миддельдорф в написанной им после войны книге «Русская кампания: тактика и вооружение» приводит сравнение советской и немецкой пехоты:

«Не подлежит сомнению, что из двух крупнейших сухопутных держав периода минувшей войны — России и Германии — немецкая сухопутная армия, как в начале, так и в конце войны располагала наиболее боеспособной пехотой. Однако по ряду важных вопросов боевой подготовки и вооружения русская пехота, особенно на начальном этапе войны, превосходила немецкую. В частности, русские превосходили немцев в искусстве ведения ночного боя, боя в лесистой и болотистой местности и боя зимой, в подготовке снайперов и в инженерном оборудовании позиций, а также в оснащении пехоты автоматами и минометами. Однако немцы превосходили русских в организации наступления и взаимодействия между родами войск, в подготовке младшего командного состава и в оснащении пехоты пулеметами. В ходе войны противники учились друг у друга и сумели в некоторой степени устранить имевшиеся недостатки».

Заметим, что, по мнению этого генерала той войны, наша пехота была сильна там, где могла укрыться от немецкого огня. Даже похвалив оснащение нашей пехоты автоматами и минометами, он не похвалил за то, что

наша пехота пользовалась этим преимуществом. И ни единым похвальным словом не отозвался о нашей штыковой атаке как нашем преимуществе.

И раз уж Миддельдорф упомянул о снайперах, то еще немного отвлекусь на преимущества меткого огня и немецкой тактики.

Снайперы

Вот интересная докладная записка 1943 года заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-лейтенанта А.Н. Аполлонова народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берия:

«Войска НКВД по состоянию на 30 июня с. г. имеют по штату 25 410 снайперов при наличии 18 421 снайперской винтовки. Этим количеством снайперских винтовок в войсках подготовлено 27 604 снайпера, из которых 19 932 человека прошли боевую стажировку в частях действующей Красной Армии. За время стажировки снайперами войск НКВД уничтожено 216 640 солдат и офицеров противника. Наши потери составляют 1158 человек, из них: 375 человек убитыми, 770 ранеными и 13 человек без вести пропавшими. В проекте постановления о развитии снайперского дела в Красной Армии, предложенном тов. ЩАДЕНКО, предусмотрено выделение из войск НКВД 15 000 снайперов для укомплектования снайперских подразделений, формируемых в частях и соединениях действующей Красной Армии. Выделение из войск НКВД 15 000 снайперов на укомплектование частей Красной Армии считаю невозможным, так как это в значительной степени ослабит боевую готовность войск вследствие того, что наши снайперы наравне со всеми бойцами несут службу по охране государственной границы, охраняют железнодорожные сооружения, предприятия промышленности, несут конвойную службу, участвуют в операциях, проводимых войсками. Кроме того, это увеличит общий некомплект личного состава в войсках, который по состоянию на 30 июня с. г. составляет 106 000 человек. Считаю целесообразным установившуюся в войсках НКВД практику отправки снайперов для стажировки на

фронт узаконить, обязав НКВД СССР постоянно иметь на фронтах не менее 1000 снайперов, производя их замену через каждые 15–20 дней. Такое мероприятие значительно поможет делу уничтожения вражеских солдат и офицеров на фронте и укрепит войска НКВД.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР генерал-лейтенант Аполлонов».

Числа убитых немцев в докладной записке, на мой взгляд, несколько фантастические, думаю, что снайперы приписывали много. Но ведь они и уничтожали много захватчиков. Вот пример из воспоминаний А. Шпеера, министра вооружений Германии:

«Мы медленно пробирались на лыжах, в сопровождении генерала Хенгля, на наши передовые позиции. Мне продемонстрировали стрельбу из нашей полковой 150-миллиметровой пушки по советскому блиндажу. Впервые в жизни я присутствовал на показательных стрельбах боевыми снарядами....А здесь же при прямом попадании в воздух взлетели бревна русского блиндажа. И почти мгновенно стоявший около меня ефрейтор рухнул замертво — советский снайпер попал ему в голову, точно в смотровую щель!»

Но в данном случае я приведу необычный пример работы снайперов — пример, когда они выступали как подразделение простой обороняющейся и атакующей пехоты, но без штыков и метко стреляющей. Правда, в этом примере бой никто специально не организовывал — бой «сам организовался».

Это пример из воспоминания А.В. Невского, командира батальона 2-й стрелковой дивизии, о результате придании их дивизии женской снайперской роты. События тоже 1943 года:

«3 сентября наш отдых закончился, и дивизия стала выдвигаться в направлении дороги Селищи — Спасская Полисть, где должна была сменить выводившуюся в резерв 65-ю стрелковую дивизию. Неожиданно противник, который внимательно отслеживал все наши перемещения, перешел в наступление, преодолел первую линию обороны и захватил 16 дотов. Сложилось угрожающее положение, фашисты теснили нас к реке Волхов.

По приказу командующего 59-й армией Коровников И.Т. к месту прорыва были переброшены два полка артиллерии РГК (резерва главного командования), на марше находились еще две резервные стрелковые дивизии, но они были еще далеко, в 40 км от линии фронта. Генерал Коровников лично прибыл в район сражения. Положение осложнялось тем, что артиллерия оказалась бесполезной, наши и вражеские силы были перемешаны, и сражение разворачивалось в окопах. В этих условиях командование бросило в бой все силы 2-й и 65-й стрелковых дивизий. За оружие взялись повара, кладовщики и писари, однако противник продолжал наращивать давление на наши позиции. В резерве нашей дивизии была снайперская рота в составе 99 человек, но в пылу боя комдив, видимо, просто забыл о ней.

...Командир дивизии и оперативный отдел наконец-то вспомнили о женской снайперской роте. Собственно из 99 человек личного состава роты лишь трое были зрелыми женщинами: командир, политрук и старшина, остальные — зеленые девчонки. Но эти девчонки представляли из себя отлично сколоченную боевую единицу. Они обладали исключительной выдержкой, хладнокровием, мужеством, великолепно владели оружием, были прекрасно физически подготовлены и хорошо обучены снайперскому делу. Роту выдвинули на участок, за который командование дивизии боялось больше всего. Этот участок благоприятствовал для наступления фашистов, но и для нас имел огромное значение, так как был весьма удобен для развития успеха.

Девушки скрытно заняли линию обороны, так что фашисты не заметили выдвижения роты. Едва снайперы успели замаскироваться в складках местности, как немцы бросили против них в психическую атаку батальон пьяных головорезов. С диким воем и криком, с гиканьем и беспорядочной стрельбой лавина фашистов неслась на наших маленьких женщин. Со стороны казалось, что этот смерч сметет все на своем пути. Но наши девчата не дрогнули и достойно встретили врага. Они подпустили фашистов на 50—100 метров и открыли огонь. Девушки расстреливали в упор зарвавшихся врагов, ни одна пуля не пропала даром. Наступающий батальон был остановлен и обращен в бег-

ство. Девчата бросились в контратаку, уничтожая находившихся во втором эшелоне минометчиков и пулеметчиков и на плечах фашистов ворвались в их окопы.

Этот успех дал возможность нашим бойцам переломить ход боя в свою пользу. Враг дрогнул и, боясь окружения, начал оставлять захваченные позиции, а в итоге отступил даже из своих окопов. Было взято много пленных и трофеев. Женская снайперская рота в этом бою не потеряла убитыми ни одного человека, четыре девушки были легко ранены. Командующий армией генерал-лейтенант Коровников И.Т. наградил всю роту в полном составе орденом Красной Звезды».

Чем этот бой снайперов, не имевших на своих винтовках штыков, не пример немецкой атаки, но в советском исполнении? И чем это не пример преимущества огня перед штыком?

Вопросы психологии

Несколько замечаний по немецкой тактике. Если в нее вдуматься, то у немцев исчезла разница между наступлением и обороной — в обоих случаях это было уничтожение противника огнем. Единственно, в обороне сам противник к тебе приближается, и огонь немцев продвигается из глубины расположения войск противника к позициям своих войск, а в наступлении немцам нужно было самим приближаться к позициям противника, и по мере его отступления огонь продвигался в глубину его расположения.

Мы видим, что по обороняющемуся противнику огонь ведут одновременно все виды оружия пехотной дивизии немцев — даже зенитные пушки. И есть у противника танки или нет, но противотанковая артиллерия находится тут же — в цепях наступающих стрелков, и вместе с ними ведет огонь по противнику. То есть тактика немцев полностью соответствовала принципам победной тактики — массированный эффективный огонь при максимально возможной защищенности пехотинца от огня противника.

Я не рассматривал встречный бой — ситуацию, когда колонны противников неожиданно натываются друг на друга. Тут преимущество получает тот, кто сумеет первым развернуться из колонны в боевую линию. Тогда он первым начнет бить по противнику не только головной частью своей колонны, но всеми своими силами. Таким образом, если речь идет о роте, наткнувшейся на противника, то команда командира роты во встречном бою: «Первый взвод — в цепь! Второй — направо, третий — налево!». Разумеется, это и команда немецкого командира роты, но вторая. Первая команда: «Пулеметы и тяжелое оружие — вперед!». Немцы и в этом случае считали, что прежде всего нужно организовать массированный огонь по противнику!

У русских и советских генералов для штыка всегда было психологическое обоснование. Они уверяли, что солдат, внутренне подготовившийся убить противника штыком, становится храбрым. Такая вот теория штыка. Но тут ведь есть такой аспект.

Кем видели себя советский и немецкий мужчины, призванные в армию? Немец видел себя охотником на очень опасного зверя, которого он будет добывать точным выстрелом либо из засады (в обороне), либо приблизившись к нему скрадыванием (в наступлении). Да, разумеется, зверь и сам может тебя убить — *a la guette comme a la guette* — на войне, как на войне. Но что делает охотник, чтобы уменьшить риск охоты? Совершенствует мастерство. Следовательно, если немецкий призванный добросовестно изучит военное дело — научится метко стрелять, маскироваться, будет четко исполнять приказы офицеров, — то риск его гибели в бою снижается, причем солдат сам видит, что его жизнь зависит от него самого — от его мастерства. У немецкого солдата появляется стимул к изучению военного дела во всех его тонкостях и стимул к дисциплине.

А кем видел себя в пехоте советский мужчина? Советский мужчина видел себя приговоренным к расстрелу из неподдавленного артиллерией вражеского пулемета в момент, когда он с винтовкой наперевес будет к нему

бежать, чтобы заколоть пулеметчика штыком. Ну, положим, будет советский солдат изучать военное дело, скажем, учиться метко стрелять, но как это ему в эдакой атаке пригодится? Учи — не учи, а бежать придется во весь рост, и каждый шаг в таком беге может стать последним. Как это придает храбрости? Обращением к Авось — любимому богу русских: «Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой!»?

И в этой разнице взглядов тоже была основа моральной силы немецких войск. Ведь и англичане учили пехоту действовать штыком и ходить в штыковые атаки, но никакой моральной силы этот штык английскому солдату не придал — в начальный период Второй мировой войны даже перед меньшими силами немцев англичане устоять не могли.

И наши и немецкие генералы под разработанную ими тактику заказывали оружие и организовывали боевые подразделения, части и соединения. Давайте рассмотрим разницу в этом вооружении и организации.

Немцы: все в бой!

Для уничтожения противника в бою немцам нужны были те, кто уничтожает, и чем больше в бою было таких, тем массированнее был огонь и тем быстрее достигалась победа в бою. Исходя из этого принципа, понятно, что немцы не только привлекали к бою все рода войск, но и сразу же бросали в бой все имеющиеся у них силы.

К примеру, на 22 июня 1941 года во 2-й танковой группе Гудериана из 12 дивизий и одного полка в первом эшелоне было 11 дивизий, 10-я танковая дивизия и полк «Великая Германия» — в резерве.

На 1 августа 1941 года при наступлении на Рославль из 10 имевшихся у Гудериана дивизий 9 наступали в первом эшелоне и 78-я пехотная — во втором.

На 18 ноября 1941 года при наступлении на Тулу из 12,5 дивизии Гудериана в первом эшелоне наступало 11,5 дивизии, а 25-я мотопехотная, которая в это время лик-

видировала в тылу у немцев окруженную группировку наших войск, считалась у него в резерве.

Для немцев построение наших войск эшелонами (о чем чуть позже) было настолько диким, что они почти все в воспоминаниях отмечали эту особенность блестящей советской военной теории — вводить войска в бой по частям, давая противнику возможность перебить их по отдельности.

Повторю, немецкие генералы исповедовали совершенно другой принцип — быстрого массированного удара. Не только вся пехота, а вообще все рода войск должны участвовать в бою. Если бой идет, то никто не должен отсиживаться, даже если по его боевой профессии вроде и нет сейчас работы. Скажем, саперный взвод пехотного батальона создавался, только если не было боя, а в бою его солдаты были в стрелковых цепях, вернее, — это стрелков дополнительно обучали саперному делу. У командира пехотной роты по штату было четыре курьера (связных). Поскольку они не все сразу бегают с приказами, то чтобы не сидели во время боя без дела, им дали снайперскую винтовку.

Наши саперы были истребителями танков по нужде. А у немцев истребление танков было одной из боевых задач полковых саперов, саперы были обязательны в группах истребителей танков — затягивали на шнурах противотанковые мины под гусеницы двигающегося танка, ослепляли танк дымовыми гранатами и шашками, подрывали поврежденный танк, если экипаж не сдавался. А дивизионный саперный батальон немцев, за исключением минометов, был вооружен точно так же, как и пехотные батальоны, кроме этого, он имел 9 огнеметов, так как обязан был штурмовать долговременные укрепления противника.

Еще пример. Предположим, идет бой, а у противника нет танков. Получается, что противотанковой артиллерии нечего делать. Нет, это не по-немецки. У Гудериана в воспоминаниях есть момент, когда он в бою в поисках своих частей подъехал к деревне, занятой нашими войсками, а деревню атаковала всего лишь «одна

37-мм противотанковая пушка». Это сразу не понять — как артиллеристы без пехоты могли атаковать? Но дело в том, что во всех противотанковых подразделениях немецкой пехотной дивизии были и стрелки. К каждой пушке придавались по 3 стрелка с ручным пулеметом. Вместе с 6 вооруженными винтовками артиллеристами они составляли что-то вроде пехотного отделения, усиленного пушкой. Поэтому артиллеристы наряду со стрелками и оборонялись, и атаковали, а когда у противника появлялись танки, то они занимались своими прямыми обязанностями.

По штатной численности в начале войны наш полк даже превосходил немецкий, но когда начинался бой, то в немецких полку и дивизии оружием действовало одновременно гораздо больше бойцов, чем в наших, даже если бы наша тактика и не предусматривала эшелонирования

Теперь об эшелонировании войск Красной Армии в наступлении, но начну вообще с принципов организации боя, властвовавших в Красной Армии, и с авторов этих принципов.

Таран войсковых масс им. Тухачевского

Организатором Красной Армии считается профессиональный революционер-марксист Л. Троцкий, он был наркомом (министром) большевистского правительства по военным и морским делам в момент организации Красной Армии и Гражданской войны, он же привлек на службу большевикам огромное количество царских генералов и офицеров. Оставив без обсуждения политические взгляды, военные таланты и организационные способности Троцкого, отдам должное его способностям к тому, что сегодня называется «пиаром», причем как себя, так и своих сторонников, которые его за это особенно ценили. Достаточно сказать, что когда в 1927 году на общепартийном референдуме рядовые большевики выбирали между ЦК и находившимся к ЦК в оппозиции Троцким, самое большое число его сторонников оказалось в

армии, особенно в штабах и учебных заведениях — в среде военных теоретиков.

До момента, пока Троцкий не начал терпеть очевидное политическое поражение, его сподвижником был чрезвычайно амбициозный молодой бывший царский офицер М. Тухачевский, которого Троцкий за преданность во время Гражданской войны очень быстро сделал командующим фронтом. На этой должности Тухачевский показал весь свой полководческий маразм в войне с Польшей в 1920 году, после разгромного поражения в которой фронта под командованием Тухачевского за Польшей остались обширные области с белорусским и украинским населением. Однако пиар сделал свое дело — Тухачевского даже после этого его поражения многочисленные троцкисты в Красной Армии рекламировали как величайшего стратега, полководца и военного таланта. И делали это даже после того, как самого Троцкого выслали за границу, а Тухачевский от Троцкого вовремя отсекся.

Поэтому собственно военные взгляды Тухачевского представляют определенный интерес, тем более что он в 1935 году стал одним из пяти первых маршалов СССР и очень плодовитым в плане военных трудов и теорий. Несмотря на то что в 1937 году Тухачевский был за предательство осужден к расстрелу военным трибуналом, состоявшим из остальных маршалов и ряда генералов, в своих мемуарах Г. Жуков говорит о военном гении Тухачевского в превосходной степени, а уже помянутый маршал Бирюзов даже написал предисловие к двухтомнику военных трудов Тухачевского, вышедшему из печати во времена Хрущева: *«Перу Тухачевского принадлежит более 120 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства, тактики, воспитания и обучения войск... он высказал ряд весьма важных теоретических положений».*

Давайте оценим эти важные теоретические положения Тухачевского, так поразившие Жукова с Бирюзовым, да и не только их.

В 1923 году Тухачевский прочел лекции на тему советско-польской войны в академии РККА и издал эти лек-

ции в том же году отдельной брошюрой под названием «Поход на Вислу». Брошюра своим наглым враньем вызвала возмущение среди участников советско-польской войны в СССР и, разумеется, большой интерес в Польше. Польские издатели попросили польского маршала Ю. Пилсудского прокомментировать эту работу Тухачевского, и Пилсудский в 1924 году написал свой развернутый комментарий, который назвал просто «1920 год». И хотя Пилсудский и написал в ответ на лекции Тухачевского по объему в 4 раза большую работу, произведавшись над военным гением Тухачевского «не по-детски», но Пилсудский извиняется перед читателями, что не способен разобрать всю «фальшь» Тухачевского, так как тогда книга возрастет до неприемлемых объемов: *«Когда читаешь этот роман, который происходит в воображении г-на Тухачевского, — поясняет Пилсудский, — ...бросаешь книгу с известным неприятным чувством. Зачем столько кривлянья в большой исторической работе войны?»*.

Что тут нужно понять. Было в истории три великих полководца: Наполеон, Фридрих II и Тухачевский. Наполеон изобрел атаку в колоннах, Фридрих II изобрел косую атаку, пришло время и Тухачевскому удивить военный и научный мир. И он изобрел *«таранный удар пехотными массами»*.

Тухачевский поясняет слушателям военной академии, что это такое:

«Польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно. Каждая дивизия их старалась выделить резерв, и армии, в свою очередь, делали то же самое. Таким образом, равномерно расположенные войска по фронту более или менее равномерно эшелонировались и в глубину. Эта кажущаяся устойчивость польского расположения несла в самом существе своем и опасное положение, а именно то, что никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов.

Эти ошибки польского расположения были нами учтены, и при организации наступления расчеты строились на том, чтобы сильным ударом превосходящих наших войск сразу же уничтожилась бы передовая польская линия. Для того, чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска в дело сразу, не оставляя никаких резервов. Наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны, и резервы последовательно подвергались участи своей передовой линии».

Давайте осознаем эту новинку. В прорыве фронта нет ничего нового, без этого не обойтись. Но дальше вместо банальных окружений Тухачевский предлагал двигать войска массой. Противник же должен был бросать под эту таранную массу свои слабые резервы, а масса бы их давила. И так бы давила, давила, давила, пока не была бы захвачена вся территория, в данном случае Польши, и наступила бы победа. При этом, как видите, не имело смысла особенно выбирать операционное направление и краткий путь к цели. Чем более длинным путем будет двигаться таранная масса, тем больше противник бросит под нее слабых резервов и тем большие потери понесет. Какая тонкая мысль! Какой гениальный замысел!

Но и на солнце бывают пятна, и в этом изобретении Тухачевского было одно маленькое, но неперемное условие — нужно было где-то отыскать такого противника, который бы согласился бросать слабые резервы под таранную массу им. Тухачевского, а не окружить ее, перерезав пути снабжения. Сам польских кровей, Тухачевский решил, что таким противником как раз и являются поляки.

При подготовке первого наступления Западного фронта РККА под командованием Тухачевского на польские войска в мае 1920 года Главнокомандующий Красной Армией, бывший царский полковник С. Каменев предлагал Тухачевскому нанести по полякам сильный удар, с целью окружения их войск совместно с Юго-

Западным фронтом. И в принципе такой таранный удар Тухачевский мог нанести вдоль северного края Припятских болот, как и предлагал Главком. Но тогда, надо думать, было бы непонятно, чей гениальный замысел привел к победе — Главкома или Тухачевского? Да и в случае окружения поляков было бы непонятно, за счет чего их победили — за счет окружения или за счет таранной пехотной массы? И 14 мая 1920 г. Тухачевский наносит свой таранный удар в самом северном углу своего фронта — как можно дальше от места, предложенного Главкомом.

«15-я армия (командарм Корк, наштарм Кук), — пишет Тухачевский, — как таран, обрушилась на слабые части Литовско-Белорусской дивизии, занимавшей примерно течение реки Улла. Части этой дивизии были разгромлены и рассеяны в первый же день» и т. д. и т. п. Все было хорошо. Есть основания даже поучить красных командиров, и Тухачевский не упускает эту возможность: *«Поэтому, если основная таранная группировка стоит на правильном направлении, правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной заветной мечтой. У наступающего победителя всякое активное проявление со стороны противника может вызвать только радость, ибо оно дает ему наконец возможность настигнуть главные поколебленные силы врага и нанести окончательный сокрушительный удар»*.

Надо сказать, что в это время Первая конная Буденного только шла к Юго-Западному фронту и у Пилсудского имелась возможность помочь земляку в осуществлении «заветной мечты» и доставить ему желанную «радость». Пилсудский снял со своего Южного фронта две дивизии и перебросил их на Северный фронт, и 2 июня, как сетует Тухачевский, *«решительный удар поляков на поставском направлении решил участь операции. Части 15-й армии были здесь прорваны, и вся армия была вынуждена к поспешному отступлению»*. Красной Армии эксперимент Тухачевского обошелся дорого. Когда поляки, тоже не сумев своими слабыми силами окружить

таран пехотных масс, перестали за ним гнаться, и таран подсчитал, во что ему обошлось эдакое наступление, то оказалось, к примеру, что в 18-й стрелковой дивизии 4-й армии из 5 тысяч штыков осталось 2 тысячи, а в 53-й дивизии таранной армии Корка и Кука из 3157 штыков осталось 1500.

Таран в мозгах генералов

Оставим в стороне идиотизм этой военной находки Тухачевского, вычленим только идею боевых порядков — «массы» и «таран». То есть войск должно быть очень много, что понятно, — ведь головные войска тарана должны погибнуть. А выстроены войска должны быть в затылок друг другу — эшелонами, иначе это будет не таран. С немецкой точки зрения это полный идиотизм, ведь войска последующих эшелонов не могут вести в этом бою огонь — не могут уничтожить противника. Но с точки зрения захвата рубежей живой силой в этом есть логика — последующие эшелоны могут и добраться до победных рубежей.

И вот этот таран пехотных масс вошел в боевые уставы Красной Армии, по меньшей мере, до Советско-финской войны. На упомянутом совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 года, как я уже писал, уставы подверглись критике теми, кто попытался применить их положения в той войне.

Командовавший в Советско-финской войне 7-й армией генерал армии К. А. Мерецков докладывал на этом совещании: *«Наш опыт войны на Карело-финском фронте говорит о том, что нам немедленно надо пересмотреть основы вождения войск в бою и операции. Опыт боев на Карело-финском театре показал, что наши уставы, дающие основные направления по вождению войск, не отвечают требованиям современной войны. В них много ошибочных утверждений, которые вводят в заблуждение командный состав. На войне не руководствовались основными положениями наших уставов потому, что они не отвечали требованиям войны.»*

Главный порок наших боевых порядков заключается в том, что две трети наших войск находится или в сковывающих группах, или разорваны.

...При наступлении, когда наша дивизия готовится к активным действиям в составе корпуса, ведущего бой на главном направлении, идут в атаку 16 взводов, причем из них только 8 ударных, а 8 имеют задачу сковывающей группы. Следовательно, в ударной группе имеется только 320 бойцов, не считая минометчиков. Если допустить, что и ударная, и сковывающая группы идут одновременно в атаку, то атакующих будет 640 бойцов. Надо признать, что для 17-тысячной дивизии такое количество атакующих бойцов слишком мало.

По нашим уставам часть подразделений, расположенных в глубине, предназначены для развития удара. Они распределяются так: вторые эшелоны стрелковых рот имеют 320 бойцов, вторые эшелоны стрелковых батальонов — 516 бойцов, вторые эшелоны стрелковых полков — 762 бойца и вторые эшелоны стрелковых дивизий — 1140 бойцов. В итоге получается, что в атаку на передний край выходят 640 бойцов и для развития успеха в тылу находятся 2740 бойцов...

...На войне на Карельском перешейке вначале командующие 7-й и 13-й армиями издавали свои инструкции, а когда появился командующий фронтом, он дал свои указания, как более правильно на основе опыта и прошлой войны, и текущей войны построить боевые порядки для того, чтобы повести их в атаку.

По нашим предварительным выводам, отмена по существу установленных нашими уставами боевых порядков во время атаки линии Маннергейма сразу же дала большие успехи и меньшие потери».

На этом же совещании выступил с большим теоретическим докладом «Характер современной наступательной операции» генерал армии Г. Жуков, в котором предложил организовывать наступление следующим образом.

В первом эшелоне ударной армии непосредственно прорывает оборону «ударная группа: состоит обычно из трех, реже — двух стрелковых корпусов, усиленных ар-

тиллерией, танками, инженерными и химическими средствами и средствами ПВО. Корпус может наступать одним и двумя эшелонами». То есть в первом эшелоне, по мнению Жукова, реально должно быть от 6 до 9 дивизий.

Далее — *«вспомогательная группа обычно состоит из одного корпуса»* — 3 дивизии.

Далее — *«в армии может быть две или одна сковывающие группы»*, — надо полагать, что это еще 3 дивизии.

Далее — *«резерв в составе 2–3 дивизий»*.

Далее — *«подвижная группа» с «двумя механизированными, одним-двумя кавалерийскими корпусами»* — до 12 дивизий.

Таким образом, Жуков учил, что полководец из имевшихся у него в распоряжении 30 дивизий удар должен наносить силою от 6 до 9 дивизий, а остальные в это время должны находиться во втором и остальных эшелонах. Опыта недавней финской войны для него как бы не существовало.

Выше я дал реальные прорывы советского фронта 2-й танковой группой (армии) Гудериана, в которых по советским войскам били практически сразу все имевшиеся у Гудериана дивизии, а Жуков, как видите, планирует прорыв меньше чем третью сил. Кроме этого, Жукову требуется несравнимо большая масса войск — почти втрое больше дивизий, чем реально было у Гудериана, прорывавшего фронт того же Жукова и уходившего на сотни километров в тылы советских войск.

И это требование массовости, требование от советского народа предоставить им массу солдат и техники, шло ото всех теоретиков военного дела СССР. Генералами в «штыковую атаку» посылались не только пехота, но и танки, «трезво» осознавая, что при такой их тактике большое количество танков сгорит, не доехав до противника. Посему нашим генералам требовалось и много-много танков.

В книге Т. Кузнецова «Тактика танковых войск» (М.: Воениздат НКО СССР, 1940) дается такой расчет их потребности:

«При фронтальном наступлении каждый общевойсковой командир в своих расчетах по распределению танков должен исходить из необходимости насыщения ими в первую очередь стрелковых батальонов первого эшелона ударной группы. При этом следует руководствоваться среднеориентировочной нормой усиления пехоты танками — одна рота легких танков на стрелковый батальон, наступающий на фронте 400—600 м в первом эшелоне ударной группы. При увеличении фронта наступления стрелкового батальона до 1000 м соответственно возрастет и потребное количество танков.

Указанная норма усиления пехоты танками исходит из следующего ориентировочного расчета: стрелковый батальон, наступающий на фронте 400—600 м, в ближайшей глубине встретит около одной обороняющейся роты противника, располагающей 21 огневой точкой (9 ручных пулеметов, 2 своих и 4 приданных станковых пулемета, 2 миномета и 4 противотанковых орудия). Эти огневые средства, надо полагать, будут нормально эшелонированы по всей глубине ротного оборонительного района, т. е. в первом эшелоне будут находиться 8 ручных пулеметов (два пехотных взвода), 2 станковых пулемета (кинжальные) и 2 противотанковых орудия, всего 8 пулеметов и 2 противотанковых орудия; во втором эшелоне — 9 пулеметов и 2 противотанковых орудия.

Считая, что в процессе артиллерийской подготовки будет уничтожено в первом эшелоне 30% огневых точек и что для уничтожения одного пулемета потребуется один танк, а одной противотанковой пушки — пять танков, устанавливаем: для уничтожения огневых средств первого эшелона противника потребуются (5+10) 15 легких танков, т. е. одна рота. В процессе уничтожения 1 танковой ротой огневых средств первого эшелона противника часть огневых средств второго эшелона будет подавлена огневым валом артиллерии наступающего, а уцелевшие будут уничтожены последующей атакой танков».

Сначала оцените нормативную эффективность артиллерийской подготовки перед атакой — 30%, и автор этого методического труда принял в своем расчете, что

ни одна противотанковая пушка не пострадает. И вот на эту неподавленную оборону танки пойдут в атаку... Каковы будут их потери? И вы видите, что автор опять-таки «трезво» закладывает в расчет 5 танков для уничтожения одной противотанковой пушки противника, закладывает, что 4 танка будут в этой атаке подбиты одной пушкой противника. Вот отсюда требование гениального Тухачевского и остальных советских полководцев иметь «массы» — бабы обязаны им нарожать много новых солдат, а советская экономика — построить много-много танков.

А вот глава ВВС РККА П. Рычагов на совещании докладывает: *«Из опыта современных прошедших и идущих войн авиационная плотность достигается до 25 самолетов на один километр фронта».*

Из опыта каких войн он это рассчитал?! Дело в том, что уже перед его докладом выступающие обсуждали, что немцы в мае 1940 года ударили по французам на фронте 1000 км силами авиации в 2,5 тыс. самолетов, т. е. плотность немецкой авиации была в 10 раз меньшей, чем берет за основу Рычагов. Далее.

«Необходимо сделать вывод, что в современной войне на главном, решающем направлении (примерно по фронту 100—150 км. — Ю.М.) в составе фронта будет действовать не менее 15—16 дивизий, т. е. 3500—4000 самолетов».

С Рычаговым не согласился, в частности, прославившийся громкими поражениями в последовавшей войне Ф. Кузнецов, генерал-лейтенант, на тот момент командующий войсками Северо-Кавказского военного округа: *«Я считаю, что эта цифра должна быть значительно больше».* С Кузнецовым солидаризировался Г. Жуков, который считал, что если *«общая ширина участков главного удара в предпринимаемой операции должна быть не менее 100—150 км»*, то для обеспечения операции потребуется *«30—35 авиационных дивизий»*, т. е. до 8000 самолетов.

А вот мысль из выступления Е. Птухина, генерал-лейтенанта, командующего ВВС Киевского особого военного округа: *«Для того, чтобы уничтожить материальную часть на аэродромах (противника. — Ю.М.), а мы считаем, в среднем на аэродроме будет стоять 25—30 самолетов,*

нужно подумать о мощном ударе на этот аэродром. Значит, группа должна быть не менее 100—150 самолетов».

Правда, это как-то не координировалось с тем, что немцы с 10 мая 1940 года в течение трех дней проводили налет на 100 французских аэродромов на глубину до 400 км *«мелкими группами без прикрытия истребителей»* (Я. Смушкевич) и *«было выведено из строя около 1000 самолетов»* (М. Попов, генерал-лейтенант, командующий 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта).

Давайте сравним цифры совещания с теми, которые через полгода показала война с немцами. Немцы завоевали господство в воздухе и наступали на РККА на фронте более чем в 3000 км. Исходя из «скромных цифр» П. Рычагова — 25 самолетов на 1 км фронта, — с которыми не согласны ни Кузнецов, ни Жуков, — немцы должны были бы иметь 75 000 самолетов. Но на 22 июня 1941 года они против 9917 наших самолетов в западных округах сосредоточили всего 2604 самолета (в три раза меньше, чем Жукову требовалось всего лишь для проведения фронтовой операции на фронте в 400 км). И завоевали господство в воздухе вплоть до 1943 года!

Очень щедро наши генералы относятся и к живой силе. В своем докладе Г. Жуков подсчитал, что для наступательной операции на фронте 400—450 км с главным ударом на фронте 100—150 км ему требуется *«стрелковых дивизий порядка 85—100, 4—5 механизированных корпуса, 2—3 кавалерийских корпуса»*. Это свыше 1,9 млн человек даже без артиллерийских, инженерных, транспортных, тыловых и прочих соединений и частей армейского и фронтового подчинения. Сравним: 22 июня 1941 года в сухопутные силы Германии на Восточном фронте протяженностью свыше 3000 км входило всего 85 пехотных дивизий, а все эти силы составляли 3,3 млн человек. Но немцы наступали до осени 1942 г. — до Кавказа! В ходе войны никогда ни один фронт, ни в одной операции не имел плотности войск, запрошенной Жуковым.

Еще. Из доклада Жукова следует, что ударная армия должна сосредоточить на *«участке главного удара ши-*

риною 25–30 км... около 200 000 людей, 1500–2000 орудий, массу танков». То есть 7 человек на погонный метр фронта. С такой плотностью, надо сказать, и затоптать противника несложно, но с такой тактикой и с такими взглядами на свою роль и службу у наших генералов это не получилось. Немудрено, что и после войны материалы этого совещания оставались секретными — слишком много вопросов они вызывают к нашим генералам.

Кризис военного искусства

Дальнейшее рассмотрение темы нужно предварить замечанием, что военное искусство невозможно без маневра войсками. Собственно, маневр с целью создания ситуации, когда у тебя по отношению к противнику будет «большой батальон», это и есть то, что называется военным искусством.

И Первая мировая война началась, казалось бы, как обычно. Полководцы начали энергично маневрировать войсками, стремясь завести их в слабые тылы противника, стремясь навалиться на его отдельные соединения мощными силами и уничтожить их. Однако не прошло и полугода, как армии всех стран зарылись в землю и какое-либо маневрирование войсками полностью прекратилось. Почему?

Тут вот в чем дело. Для победы надо атаковать противника, атаковать хотя бы для того, чтобы занять местность, на которой он находится. В атаке свои войска должны какое-то время бежать, ехать или скакать через пространство, которое противник простреливает. Но скорострельность оружия настолько возросла, что за те несколько минут, которые атакующие находились в полный рост на открытой местности, обороняющиеся, как бы мало их ни было, успевали нанести атакующим такой урон, что цель атаки уже никак не оправдывала потери в ходе ее.

7 августа 1914 года 21-й прусский драгунский полк перестраивался из походной колонны в боевой порядок, чтобы атаковать позиции 42-го полка французской ар-

мии. Командир 6-й батареи этого полка французов, капитан Ломбаль, обнаружив немцев на удалении 5000 метров от позиций батареи, приказал открыть огонь из 75-мм орудий шрапнельными снарядами, и его 4 орудия сделали всего по 4 выстрела каждое. В результате немецкий драгунский полк потерял убитыми около 700 человек и примерно столько же лошадей и перестал существовать как боевая единица.

Противоборствующие стороны сели в окопы. Артиллерия кардинально вопрос не решала уже хотя бы потому, что ее наращивали все противоборствующие стороны. Сутками десятки и сотни батарей перепахивали позиции противника, а когда они замолкали, то из глубоких окопов («лисыих нор») вылезали несколько уцелевших пулеметчиков и косили наступающие цепи. Пока шла борьба с этими пулеметчиками, обороняющиеся подтягивали свежие силы и артиллерию, и все начиналось сначала.

Полностью потерял значение маневр. Как бы генерал ни водил войска, как бы ни подводил свои превосходящие силы к малочисленному противнику, но в конце концов надо было его атаковать, а тот, удобно установив пулеметы, выкашивал всех наступающих.

Инженеры победили генералов. Развитие военной техники поставило крест на военном искусстве. Маршал Пилсудский пишет об этом так (выделено мной. — Ю.М.):

«Я помню, как маршал Петен, указывая мне на окровавленные холмы под Верденом, говорил, что почти миллионы людей лежат на этих изрытых гранатами полях сражений! Миллион до того бесследно погибших людей, что ныне кости обоих противников лежат перемешанными между собою и их не отличат ближайшие родственники! Настолько огромны катакомбы во имя возрождения движения, которое пало побежденным в мрачных окопах!

Хорошо помню те времена. Находясь в глухих пущах во-лынского Полесья, я тоже работал над окопами. Вековые сосны падали под топором для того, чтобы проложить дороги там, где до того времени ходили только лоси. Тянулись телеграфные и телефонные провода в местностях, куда не-

когда заглядывали только волки и тетерева. В покрытых проволокой полях перед окопами воистину можно было заблудиться даже при ясном солнышке. Я строил убежища — и подземные, из громадных древесных бревен, и надземные, из таких же бетонных чурбанов, — чтобы в глухих пущах могли поселиться люди. Строились узкоколейки там, где до того времени плохонькая лошаденка, лениво передвигавшаяся по болотистым дорогам, удовлетворяла людские потребности. По железным дорогам и узкоколейкам катились к нам не только продовольственные припасы для выросшего среди пущи нового военного города, не только массы строительного материала, который ежедневно расходовался с криком «Еще! И еще!», но катились также и эшелоны живого военного материала — людей. Куда? Из одного окопа в другой, из одного военного города в другой — такое же случайно образовавшееся скопище солдат.

Был я в окопах; помню свой тщетный смех, когда в один прекрасный день на Стоходе только одна моя рота, производившая набег, была поддержана в своем движении двадцатью с лишним батареями разных калибров, разного вида орудий, развивавших пекло огня.

Я думал поэтому в те времена, что война не только вырождается, но она вообще должна исчезнуть навсегда. Когда погиб главный элемент победы — движение, военная работа сделалась каким-то бессмысленным, диким методом убийства людей. Я не мог себе представить, чтобы человечество в состоянии было предпринять еще раз подобную попытку, чтобы оно еще раз захотело ломать и коверкать жизнь целых стран для питания окопов, а стратегия и военное искусство, закрывши от стыда глаза, выводили бы только цифру убитых, цифру уничтоженных существ для определения победы на основе этого кошмарного подсчета. Радовался я тогда в окопах. Значит, война исчезнет! Наконец-то покончит сам с собой этот кошмар, тяготеющий над столькими людскими поколениями! Он вырождается настолько, что искусство, не украшая природы войны, одним только своим видом отвратительного машинного истребления людей оттолкнет от себя даже самых горячих своих приверженцев. Война исчезнет вместе со всеми

ее последствиями! Это — так думал я — принесет облегчение и моей родине — жертве войны! Но вместе с тем и жаль было мне этого небесного искусства, которым человечество на протяжении тысячелетий отмечало свое движение вперед. Военное искусство, породившее столько великих людей, в которых непонятная сила вложила такую чародейскую мощь, что своим творчеством — победой — они порождали новые исторические творения, способные жить целые века. Найдут ли человечество другие методы ускорения своего исторического творчества? Вот вопросы, которыми я как командир бригады, заброшенной в окопы, задавался, строя свои выводы о будущем».

Этот текст Пилсудского довольно напыщен, тем не менее он недвусмысленно показывает состояние генералов Первой мировой. Война перестала в них нуждаться, им невозможно было реализовать свой творческий потенциал, они стали не нужны своим странам. Теперь побеждала не та страна, у которой самые лучшие генералы, а та, у которой большие людские ресурсы — большая возможность перемолоть их в бессмысленных атаках и контратаках. Война превратилась, как выразился генерал Фуллер, в «торговлю железом».

Сформулируем проблему: война потеряла движение и превратилась в позиционную потому, что атакующий в последнем рывке терял больше, чем достигал в результате этой атаки. Но у этой проблемы было и очевидное решение: нужно было найти способ, при использовании которого противник не мог бы наносить потерь твоим атакующим войскам, — нужно было защитить атакующих.

«Профессионалы», генералы Первой мировой, найти подходящий способ не смогли, его нашел политик — Уинстон Черчилль. Мало того, ту технику, которую нашел Черчилль для решения проблемы, генералы категорически отвергали, не желая и разговаривать с ее конструкторами.

Известен автомобиль и гусеничный трактор, — рассуждали генералы. — Автомобиль может ездить быстро и медленно, а трактор — только медленно. Известен автомобиль, укрытый броней и с пулеметами, — бронеав-

томобиль. Ну зачем нужен еще и медленно движущийся гусеничный трактор с броней и пулеметами — танк?

И изобретатель танка ходил из одной генеральской приемной в другую, пока не попал к Черчиллю. Тот сразу понял, зачем войскам нужен танк. Ведь поле боя изрыто траншеями и воронками, никакой автомобиль по нему не проедет, а танк проедет! Да, Черчилль решил эту задачу войны, но... Но только в тактическом плане. То есть с помощью танков роты, батальоны и полки добивались тактических успехов — продвижения вперед на 5–10 км, но там, где их уже не прикрывал огонь своей артиллерии, стояла артиллерия противника и она мигом кончала и с танками, и с дальнейшим продвижением пехоты. Как применить танк для решения оперативных задач, генералы Первой мировой войны так и не смогли придумать.

Что касается английских и французских генералов (наши тоже оказались не лучше), то замечу, что французы так и не смогли решить эту оперативную задачу до поражения Франции в войне с немцами в 1940 г., а до английских генералов решение этой оперативной задачи стало доходить только в 1942 году.

А немцы поняли, что танк не только защищает своей броней стрелков, сидящих в нем, не только давит пулеметы, давая возможность своей пехоте приблизиться к противнику на бросок гранаты. Танк может и быстро переехать от места, к которому противник подтянул резервы, поэтому там силен и наносит тебе большие потери, к месту, где противник слаб. И прорвать его фронт в этом, слабом месте! Далее пойти вперед, а в сделанный им прорыв ворвется уже без потерь пехота, начиная выстраивать фронт окружения противника.

То есть по немецким оперативным идеям прорывали фронт и уничтожали противника танковые дивизии, а за ними занимали местность пехотные дивизии, которым порой приходилось, как жаловался Манштейн, идти по 80 км в сутки, чтобы догнать танкистов. При этом, если противник пытался прорвать фронт окружения, то немецкая пехота уже не теряла людей в атаках, а унич-

тожала атакующего противника на своих оборонительных позициях. Танк уменьшал саму потребность пехоты в атаках, но главное, танковые войска возрождали искусство маневра, без которого, повторю, вообще нет военного искусства.

Мираж танковых корпусов

Как вы уже увидели выше, есть генералы и историки, которые считают, что Тухачевский был такой великий полководец, такой большой стратег, что даже немцы у него учились своему блицкригу. И те, кто говорит о величии и гениальности Тухачевского как полководца, кто стонет об его отсутствии на фронтах Великой Отечественной войны, в качестве примера его исключительно дара военного предвидения обязательно приводят, что он, дескать, ратовал за создание в Красной Армии танковых корпусов. Эти люди либо совершенно не способны понять, что это за магическое словосочетание «танковый корпус», либо не хотят понять, какие именно танковые корпуса реально создавал этот стратег.

О маневре танковых дивизий я написал выше, но ведь как немцы видели наземный бой, когда эта дивизия приблизится к выбранному в ходе маневра участку вражеского фронта?

Обороняющегося противника обстреливает и подавляет тяжелая гаубичная артиллерия и бомбят пикирующие бомбардировщики, уничтожая у того оборонительные сооружения и артиллерию. Когда артиллерия противника подавлена, к его окопам направляются танки, которые расстреливают отдельные уцелевшие пулеметные точки, минометы, сопротивляющуюся пехоту противника. А вслед за танками на позицию противника бросается и своя пехота, по которой уже практически некому стрелять. Если у противника уцелеют отдельные пушки, то немцы выдвинут к ним свои хорошо бронированные штурмовые орудия и танки и расстреляют уцелевших. То есть бой виделся этапами: средства, могущие паразитить танки, уничтожает артиллерия и авиация; сред-

ства, могущие поразить пехоту, уничтожают танки; пехота добывает остатки противника и занимает местность.

«Основой успешного наступления танков является подавление системы огня противника. Это должно быть обеспечено путем гибкого управления огнем самих танков и правильного распределения приданных подразделений других родов войск. Танки должны немедленно использовать результаты собственного огня, огня артиллерии и ударов авиации. Наступление нужно проводить на широком фронте и на большую глубину», — писал теоретик и практик танковых войск Х. Гудериан. *«Во время боя офицер связи от авиации должен был постоянно информировать авиационный штаб об изменениях боевой обстановки и наводить самолеты на цель. Задача атакующих танков состояла в том, чтобы немедленно использовать результаты атаки с воздуха, пока противник не возобновил сопротивления».*

Немецкие танки для борьбы с танками противника до 1942 года вообще НЕ ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ. Танки противника должна была в обороне уничтожить пехота и артиллерия своими противотанковыми средствами, а в наступлении — артиллерия и авиация.

«Против танков, не препятствовавших продвижению, предпринимались только особые меры по обеспечению безопасности, например, организация прикрытия противотанковыми средствами или подготовка артиллерийского огня. Сама танковая часть НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ не должна была отклоняться от выполнения своей задачи», — продолжает Гудериан.

И это хорошо видно даже не по тому, что в начале войны в танковых войсках вермахта преобладали легкие танки, а по тому, что средние танки и штурмовые орудия имели маломощные пушки, предназначенные для стрельбы осколочно-фугасными снарядами.

Немецкий генерал Ф. Меллентин, который подполковником был у фельдмаршала Роммеля начальником оперативного отдела штаба, в своей книге «Танковые войска Германии во Второй мировой войне» описывает бои немецких танковых дивизий с английской армией в Египте, где англичане всегда превосходили итало-

немцев как в численности войск, оружия и танков, так и в формальном качестве танков — толщине брони, калибре орудий и т. д.

Тактика боев была такой. Немцы атакуют англичан. Те выдвигают навстречу немцам танки. Немцы немедленно отводят свои танки, не вступая с ними в бой, вызывают авиацию и подтягивают противотанковую артиллерию, которая расстреливает танки англичан. Немецкие танки снова наваливаются на пехоту. Но у английской пехоты тоже есть противотанковая артиллерия. Немцы снова отводят свои танки, снова вызывают авиацию и артиллерию, но на этот раз гаубичную. Орудия противотанковой артиллерии англичан уничтожаются, и на английские позиции, теперь уже безопасно, двигаются немецкие танки, уничтожают очаги сопротивления пехоты, а сразу за танками врывается немецкая пехота и сгоняет пленных в колонны.

Сам Меллентин об этом писал так (выделено мною. — Ю.М.):

«Чем же тогда следует объяснить блестящие успехи Африканского корпуса? По моему мнению, наши победы определялись тремя факторами: качественным превосходством наших противотанковых орудий, систематическим применением принципа взаимодействия родов войск и — последним по счету, но не по важности — нашими тактическими методами. В то время как англичане ограничивали роль своих 3,7-дюймовых зенитных пушек (очень мощных орудий) борьбой с авиацией, мы применяли свои 88-мм пушки для стрельбы как по танкам, так и по самолетам. В ноябре 1941 года у нас было только тридцать пять 88-мм пушек, но, двигаясь вместе с нашими танками, эти орудия наносили огромные потери английским танкам. Кроме того, наши 50-мм противотанковые пушки с большой начальной скоростью снаряда значительно превосходили английские двухфунтовые пушки, и батареи этих орудий всегда сопровождали наши танки в бою. Наша полевая артиллерия также была обучена взаимодействию с танками. Короче говоря, НЕМЕЦКАЯ ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ была в высшей степени гибким СОЕДИНЕНИЕМ ВСЕХ РОДОВ

ВОЙСК, всегда, и в наступлении и в обороне, ОПИРАВШИМСЯ НА АРТИЛЛЕРИЮ. Англичане, напротив, считали противотанковые пушки оборонительным средством и не сумели в должной мере использовать свою мощную полевую артиллерию, которую следовало бы обучать уничтожению наших противотанковых орудий.

Наша тактика танковых боев была развита в предвоенные годы генералом Гудерианом, принципы которого были восприняты и творчески применены в условиях пустыни Роммелем. Их ценность полностью подтвердилась во время крупнейшего сражения, начавшегося 18 ноября 1941 года. (Хотя мы в общем уступали противнику в количестве танков, нашему командованию, как правило, удавалось сосредоточить большее количество танков и орудий в решающем месте.)»

И раз мы разговорились о теоретиках, то давайте еще дадим Меллентину высказаться и по этому вопросу:

«Эта теория Гудериана послужила основой для создания немецких танковых армий. Находятся люди, которые глумятся над военной теорией и с презрением отзываются о «кабинетных стратегах», однако история последних двадцати лет показала жизненную необходимость ясного мышления и дальновидного планирования. Само собой разумеется, что теоретик должен быть тесно связан с реальной действительностью (блестящим примером этого является Гудериан), но без предварительной теоретической разработки всякое практическое начинание в конечном счете потерпит неудачу. Английские специалисты, правда, понимали, что танкам предстоит сыграть большую роль в войнах будущего — это предвещали сражения под Камбре и Амьеном — но они недостаточно подчеркивали НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК В РАМКАХ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ. В результате Англия отстала от Германии в развитии танковой тактики примерно на десять лет. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке бронетанковой дивизии в Египте в 1939—1940 годах, говорит: «В ходе боевой подготовки бронетанковой дивизии я неустанно подчеркивал необходимость тесного взаимодействия всех ро-

дов войск в бою. Нужно было выступить против пагубной теории, получившей за последнее время широкое хождение и поддерживавшейся некоторыми штатскими авторами, согласно которой танковые части способны добиться победы без помощи других родов войск... Несостоятельность как этого, так и других подобных взглядов наших «ученых мужей» предвоенного периода прежде всего показали немцы». Вопреки предупреждениям Лиддел Гарта о необходимости взаимодействия танков и артиллерии английские теории танковой войны тяготели к «чисто танковой» концепции, которая, как указывает фельдмаршал Уилсон, нанесла немалый ущерб английской армии. И только в конце 1942 года англичане начали практиковать в своих бронетанковых дивизиях тесное взаимодействие между танками и артиллерией».

К таким «штатским авторам» следует отнести и Тухачевского с его надутым троцкистами военным авторитетом, и военных теоретиков СССР. Ведь как ни сильны танки, но они ничто, если действуют без остальных родов войск. В своем «Воспоминании солдата» Гудериан пояснял (выделено мною. — Ю.М.):

«В 1929 году я пришел к убеждению, что танки, действуя самостоятельно или совместно с пехотой, никогда не сумеют добиться решающей роли. Изучение военной истории, маневры, проводившиеся в Англии, и наш собственный опыт с макетами укрепили мое мнение в том, что танки только тогда сумеют проявить свою полную мощь, когда другие рода войск, на чью поддержку им неизбежно приходится опираться, будут иметь одинаковую с ними скорость и проходимость. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть главенствующую роль, а остальные рода войск действовать в их интересах. Поэтому необходимо не вводить танки в состав пехотных дивизий, а создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков».

Поэтому уже к началу Второй мировой войны в танковых дивизиях вермахта, при общей их численности примерно в 12 тыс. человек, соотношение танковых и пехот-

ных частей было 1:1 — одна танковая бригада (324 танка и 36 броневых автомобилей) и одна стрелковая. А в тех корпусах, что создавал Тухачевский в 1932 г., на 2 механизированные бригады (500 танков и 200 броневых автомобилей) приходилась всего одна стрелковая. Разумеется, в немецкой дивизии был еще и артиллерийский полк. (Всего в немецкой дивизии было 140 орудий и минометов.) Однако к 1941 г. немцев не удовлетворило и это. В их танковой дивизии число танков сократилось до одного полка (при возросшей мощности самих танков их стало 147–209), но численность пехоты увеличилась до двух полков и общая численность танковой, подчеркну — танковой, дивизии выросла до 16 тыс. человек при 192 орудиях и минометах.

Не упустите мысль, которую я обосновываю, — вбив в голову идею захвата рубежей, а не уничтожение противника, советские генералы видели танковые войска исключительно в виде **ТАНКОВ**, а основу этому забил Тухачевский. Ведь доклад Жукова на Совещании (подготовленный будущим маршалом Баграмяном) — это изложение принципов «таранного удара пехотными массами», но в варианте с танками.

А для немцев, еще и еще раз подчеркну, танковые войска — это подвижное соединение **ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК**.

Ведь даже я в 1972 году проходил сборы в танковом полку, в котором были только танки и немного инженерных машин. Причем нас обучали, что в атаку мы, танкисты, пойдем сами на скорости 12 км в час, а когда пройдем наши окопы на нашем переднем крае, то за нами побежит какая-то наша пехота — не имеющая никакого отношения к нашему полку, а может, и дивизии. Я, помню, за командира танка давал учебную команду на открытие огня во время атаки: «...с короткой, огонь!» — то есть дал команду механику-водителю остановить танк на время, пока наводчик прицелится и произведет выстрел. Так преподаватель тактики, майор — ветеран войны, аж взвился: «Какой х... «с короткой»?! Только с ходу! Иначе наша пехота тут же заляжет, и ее уже ничем не поднимешь! Сам потом пойдешь в атаку!».

Поясню. Раз командиры разные, то твой, танкистов, командир не сможет отменить приказ на атаку при залегшей пехоте, он начнет, в лучшем случае, ругаться с пехотным командиром, а тот, в лучшем случае, начнет принимать меры, чтобы поднять пехоту в продолжение атаки. Но за это время ты, танкист, будешь ехать на противника со скоростью 12 км в час до тех пор, пока тебя не сожгут вражеские гранатометчики, которых ты не заметишь, но которых могла бы уничтожить залегшая и бросившая тебя пехота.

Из одного советского произведения в другое кочует придурковатый термин — «танк поддержки пехоты», и используют его совершенно серьезно. Черт побери, а как танк может идти в атаку без пехоты?! Только одними танками ворваться в расположение не папуасов, а стойкого противника? И что от этих танков останется?

Есть фильм, снятый по повести фронтовика-самоходчика В. Курочкина «На войне, как на войне». Режиссер украсил фильм сентиментальными сценами, вызывавшими насмешки фронтовиков-танкистов, да и Курочкин вряд ли все сказал, что мог сказать об этом эпизоде войны, но в целом ситуация передана Курочкиным точно. 1944 год, немцы обороняют село не только пехотой, противотанковой артиллерией и «тиграми», но даже минными полями. То есть это село у немцев мощный опорный пункт. И один из героев фильма, командир танковой бригады, без разведки, без вызова самолетов-штурмовиков Ил-2, без того, чтобы перемешать оборону немцев артиллерией, без того, чтобы хотя бы вывести самоходки на позиции перед селом и из дальноточных и мощных 100-мм орудий хоть как-то разрушить оборону немцев, гонит на село свои и танки, и самоходчиков в тупую атаку. (Пушка самоходки Су-100 была очень точной, а на расстоянии в 2000 метров пробивала броню в 139-мм толщиной, а у «Тигра» самая толстая броня была 100-мм.) Атака не получилась, наши танки частью сгорели, частью отошли... А что — такая атака могла получиться? Ну, а если бы даже почему-то и получилась и танки ворвались в село, за каждым домом ко-

того прятался хладнокровный немец с фаустпатроном, то что бы было?

На танки сажают по отделению пехоты без каких либо задач взаимодействия ее с танками, а так — попутно доехать до села. И точный штрих — единственный оставшийся на броне пехотинец спасает самоходку от фаустника. И дело даже не в том, что так и было в реальной войне (на самом деле воевали и не так), а в том, что и после войны этот «лихой комбриг», не побоявшийся в бинокль смотреть, как бездарно гибнут вверенные ему люди, остался героем.

Когда все рода войск собраны воедино, то для немецкого командира танковой дивизии и гибель своих танков, и гибель своей пехоты не давали выполнить боевую задачу, и генерал обязан был за эту бесполезную гибель людей ответить. Свалить свою вину ему было не на кого. И все его подчиненные это знали и действовали вместе, помогая друг другу. А у наших генералов танковый командир объяснял гибель танков тем, что пехота не поддержала атаку, а пехотный командир гибель пехоты объяснял тем, что танки не подавили огневые средства противника на его переднем крае. В результате никто не виноват, и все генералы после войны могут с чистой совестью писать мемуары о том, как они Родину спасли.

Мысль Гудериана, что пехота должна «немедленно» использовать эффект танковой атаки, была не пустым звуком. Уже по штатам 1939 года пехота, артиллерия, разведчики, саперы, связисты и все тыловые службы немецкой танковой дивизии передвигались вслед за танками на 421 бронетранспортере, 561 вездеходе и легковом автомобиле, 1289 мотоциклах и на 1402 грузовых и специальных автомобилях. Если считать и бронетехнику, то один водитель в танковой дивизии приходился на 2 человек.

Причем это были не «автомашины, прибывшие из народного хозяйства», как в Красной Армии, это в подавляющем большинстве была техника, специально построенная для армии, — бронетранспортеры, вездеходы,

тягачи. Включая грузовики-длинномеры для перевозки легких танков.

А наши танковые бригады даже в конце войны, ворвавшись в тылы немцев, продвигались только до первого рубежа их обороны и потерь нескольких машин, после чего останавливались и ждали, когда им, в лучшем случае на грузовиках, подвезут их «мотострелков» и артиллерию. И всю войну для наших танковых войск самым дорогим трофеем был немецкий бронетранспортер. Дважды Герой Советского Союза В.С. Архипов, в войну командир танковой бригады, вспоминает о боях за Киев 1943 года: *«Бой был коротким, и спустя полчаса мы уже подсчитывали трофеи. Взяли около 200 пленных и три десятка исправных бронетранспортеров. Это были машины с сильным вооружением — 40-мм пушкой, двумя лобовыми пулеметами (один из них крупного калибра) и зенитным, тоже крупнокалиберным, пулеметом. Немецкие бронетранспортеры с покрашенными, разумеется, крестами служили нам до конца войны».*

Танки, кроме пехоты, обязательно должна сопровождать артиллерия (лучше всего — самоходная). Немцы такую артиллерию начали выпускать и насыщать ею войска еще до войны. Если средних и тяжелых танков Т-IV, Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр») Германия произвела за все годы около 17 тысяч, то самоходно-артиллерийских установок — более 23 тысяч. СССР такие установки начал производить в 1943 году, бронетранспортеры — только после войны.

Какова была маневренность танковых корпусов «имени Тухачевского», давайте рассмотрим на примере 9-го механизированного корпуса (по штату 1031 танк, 35 тыс. человек), которым на начало войны командовал К.К. Рокоссовский. Согласно плану, с началом войны он должен был из района Новоград-Волынска передвинуться в район Луцка на расстояние около 200 км. Вот как это было:

«День 22 июня выдался очень солнечным, жарким, и основная масса войск корпуса, по сути дела пехота, должна была, кроме личного снаряжения, нести на себе ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые миноме-

ты и боеприпасы к ним. Тем не менее в этот день пехотные полки танковых дивизий прошли 50 километров, но в конце этого марша солдаты валялись с ног от усталости, и командир корпуса приказал в следующие дни ограничиться 30–35-километровыми переходами.

... Следует сказать, что 24–25 июня бой вели передовые части дивизий, так как основные силы все еще были на подходе».

Итак, за 4 дня «танковые» дивизии корпуса без боев, летом, по дорогам все еще не прошли и 200 км. А в 1929 г., во время конфликта на КВЖД кавалерийская бригада К.К. Рокоссовского по таежному зимнему бездорожью, выйдя в путь 11 ноября, к утру 16 ноября прошла 400 км.

Вот и оцените, что означали собой те фикции, которые Тухачевский именовал «танковыми» корпусами, с точки зрения их подвижности, — с точки зрения того, для чего они и создаются.

А упомянутый мною Ф. Меллентин по итогам разгрома немцами англо-французов в 1940 году записал: *«Пожалуй, следует подчеркнуть, что хотя мы и придавали главное значение танковым войскам, однако в то же время мы отдавали себе отчет в том, что танки не могут действовать без непосредственной поддержки моторизированной пехоты и артиллерии. Танковые дивизии должны быть гармоничным соединением всех родов войск, как это было у нас, — таков был урок этой войны, который англичане не сумели усвоить вплоть до 1942 года».*

Теперь собственно о танках Тухачевского.

Танки в бою

Если посмотреть на те танки, что заказывали для своих танковых корпусов Тухачевский и советские генералы, то поражает их боевая бессмысленность — такое впечатление, что наши полководцы никогда не представляли себя ни в танке, ни в бою, и самое большое, на что способна их военная фантазия, — это учения и парады. Дело не в техническом несовершенстве танков — это дело на-

живное. (Не было опыта у конструкторов, не освоились смежники, что же тут поделывать?) А дело в самом боевом смысле этих танков — для какого боевого применения они их заказывали?

Спросите себя — как Тухачевский и советские генералы видели танковый бой? Похоже — никак!

Возьмем их детище — тяжелый танк Т-35. Весил 54 т, имел 5 башен, 3 пушки, 4 пулемета, 11 человек экипажа. Был украшением всех парадов. Но не мог взобраться на горку крутизной более 15 градусов, а на испытательном полигоне — вылезти из лужи. Уже тогда никто не мог ответить на вопрос — как этим танком управлять в бою? Ведь его командир обязан был крутить головой во все стороны, указывая цель всем своим 5 башням, корректируя огонь 3 орудий, при этом стреляя из своего, самого верхнего, пулемета и заряжая 76,2-мм пушку.

Но даже не это главное. Тухачевский предназначал Т-35 для прорыва обороны, то есть вражеских рубежей, оснащенных артиллерией. Но дело в том, что самая маленькая пушка, которая могла встретиться на этих рубежах танку Т-35, причем с Первой мировой войны, не могла иметь калибр менее 37-мм. А такая пушечка на расстоянии 500 м пробивала минимум 35-мм брони. У танка Т-35 лишь один передний наклонный лист брони корпуса имел толщину 50-мм, вся остальная броня этой машины не превышала 30-мм. На какую оборону его можно было пускать с такой броней?

Был построен 61 такой танк, в западных округах немцев встретили 48 этих машин. Известна судьба всех: 7 нашли почетную смерть в бою; 3 были в ремонте; остальные сломались на марше и были брошены экипажами.

Примерно таким же был и другой танк для прорыва обороны — средний танк Т-28 с тремя башнями. Только у этого самая толстая броня была 30-мм. Их было построено более 500 единиц, но судьба их точно такая, как и всех танков Тухачевского, которым можно дать единое собственное имя «Смерть танкиста».

Но тяжелых и средних танков имени Тухачевского хотя бы было относительно немного. Иначе обстоит

дело с легкими танками. В 1931 году был принят на вооружение и поставлен на производство английский танк «Виккерс», забракованный английской армией. Лобовую броню он имел 13-мм, весил первоначально 8 т и с двигателем в 90 л. с. мог развить скорость до 30 км/час. Его модернизировали, в результате чего он стал весить более 10 т, а лобовая броня на башне выросла до 25-мм, на корпусе — до 16-мм. Изготовили этих танков (под названием Т-26) к 1939 году около 11 тыс. единиц. Зачем Тухачевскому потребовалось такое количество малоподвижных и почти небронированных машин, что они должны были делать в его танковых корпусах — мне непонятно.

Еще менее понятно — зачем, уже имея легкий танк, закупать еще один, теперь уже у американского изобретателя-одиночки Д. Кристи. Этот изобретатель первым предложил иметь катки на всю высоту гусеницы танка. Это разумное предложение было внедрено во многих странах. Но мы купили в 1931 году его танк не за это, а за то, что он одновременно был и скоростным автомобилем. Сняв гусеницы, образцы этого танка могли развить на американских автострадах скорость до 122 км/час. Надо сказать, что, несмотря на эти соблазнительные цифры, ни одна страна, кроме СССР с Польшей, эту глупость не закупила и не производила. Почему?

В идее такой танк имел кажущееся преимущество в следующем. Танки — очень нежные машины. У них очень мал моторесурс, их тяжело нагруженные механизмы быстро выходят из строя. Скажем, танки того времени уже через 50 часов работы требовали ремонта. Когда упоминавшийся тяжелый танк Т-35 в ходе испытательного пробега заставили пройти 2000 км, то при этом сменили три двигателя. Это касается танков как таковых и во всем мире. Танк — это машина не для поездок, а для боя. Поэтому вне боя ее стараются беречь. То есть если требуется перевезти танки на большое расстояние, то их везут по железной дороге.

Возник у Тухачевского соблазн — если танк поставить на колеса, то он будет быстро ехать, механизмы меньше изнаются. Следовательно, его можно будет пе-

регонять самоходом, а не на поезде. (Чем не нравился Тухачевскому поезд или автотрейлер, сейчас уже не у кого спросить.) Но дело в том, что и по автостраде очень быстро может ехать только один танк, а в реальной жизни, по реальным дорогам колонна танков (а они движутся колоннами) больше 20—25 км/час не развивает даже сегодня. Так что колеса на танке изначально нужны, как зайцу стоп-сигнал.

Дикость этого проекта еще и в том, что наша танковая промышленность только становилась на ноги, специалисты только приобретали опыт, и давать им в производство такую бессмысленно сложную машину было просто преступно. Ведь в этом танке помимо собственно танковых механизмов есть еще и автомобильные. Начать танкостроение с такого танка — это значит обречь танковые войска на постоянные поломки техники, на снижение нормативов времени для обучения экипажей практическому вождению.

Но главное, это был конструкторский тупик. Никакое увеличение мощности двигателя этого танка никак не увеличивало его бронезащиту, он не становился совершеннее. Этих танков, названных БТ (быстроходные танки), разных серий было изготовлено почти 8 тыс. единиц. Последняя, самая современная модификация его, названная БТ-7М (700 машин), выпускалась в 1939—1940 гг. Давайте сравним ее с немецким легким танком чешского производства 38 (t). Этот танк сконструирован чехами в 1938 г. для своей армии, но производили они его для немцев до 1942 года. Танк надежен и без затей. Так вот, наш легкий танк БТ-7М был почти на 50% тяжелее этого немецкого легкого танка и двигатель имел в 4 раза мощнее, но броню... в 2,5 раза тоньше! (Один лобовой лист в 22-мм, остальная броня 15—10-мм.) При этом 38 (t) с лобовой броней в 25-мм, доведенной впоследствии до 50-мм, имел вполне приемлемую для танка скорость. А ведь в 4 раза более мощный двигатель — это и во много раз большая стоимость всех механизмов, их вес, сложность, расход ГСМ. И все во имя чего? Во имя цифры «86 км/час на колесах»? Которая изначально никому

не была нужна и никогда в реальной войне не потребовалась??

А теперь представим, что эти легкие танки атакуют передний край.

На немецком переднем крае наш БТ-7М встретит немецкая (уже тогда маломощная) легкая 37-мм пушечка. Но эта пушка, как я уже писал, пробивает с 500 м броню в 35 мм. Следовательно, немецким артиллеристам оставалось только увидеть этот танк... и с ним покончено. У немцев были также тяжелые противотанковые 20-мм ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню в 40 мм. А еще у них были легкие, калибра обычной винтовки, противотанковые ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню 20 мм. Крыша у БТ-7М была толщиной в 6 мм, саблей ее, конечно, не возьмешь, но сверху его мог расстрелять обыкновенным пулеметом любой самолет.

А немецкий 38 (t) на нашем переднем крае мог встретить самое мощное советское, собственно противотанковое средство — нашу 45-мм пушку. Она с 500 м пробивала 42-мм брони. Да, но у части танков 38 (t) уже была лобовая броня 50-мм! Этому легкому танку не надо было даже ждать в подмогу средние танки или штурмовые орудия — он и сам мог справиться с такой пушкой. Недаром, по грустной статистике, на один подбитый немецкий танк приходилось 4 наших уничтоженных 45-мм пушки, и только 57-мм пушка довела это соотношение до 1:1.

Добавлю, что по заказу Тухачевского промышленность с 1933 г. еще произвела и около 4 тыс. единиц плавающих танков, вооруженных пулеметами и с броней в 6—8 мм.

Напоминаю, что немцы и не собирались своими танками воевать с нашими, но, тем не менее, исключая пулеметный Т-1, практически любой из их танков на 22 июня 1941 г. мог справиться с этой нашей армией металлолома, задуманной Тухачевским. С воздуха простым пулеметом ее могло расстрелять все, что летало. *«На Востоке же, наоборот, опасным противником русских танков стал немецкий самолет-истребитель. Серьезные успехи,*

достигнутые немецкой истребительной авиацией, общеизвестны» (Гудериан).

В танковых дивизиях напавших 22 июня 1941 г. на СССР войск Германии было 3582 танка и штурмовых орудия. (На самом деле у нападавших на СССР немцев было еще и несколько тысяч трофейных французских и английских танков, но сейчас речь не о количестве.) Из указанной численности танков танковых дивизий 1404 — это средние танки Т-III и Т-IV и 1698 легких танков всех типов. О том, как именно эти танки применялись в боях, Гудериан рассказывал: *«Наши тяжелые танки использовались главным образом для поддержки пехоты или танков в крупных наступательных боях. Для выполнения всех других задач применялись только средние и легкие танки, причем последние привлекались прежде всего для выполнения разведывательных задач и для охранения».*

Зачем Тухачевскому и остальным генералам для «охранения и разведывательных задач» требовались десятки тысяч легких танков?

Заметьте, я критикую не танк Т-26 или остальные, а показываю бездарность принципа тактики советских военных теоретиков. Если бы целью тактики было уничтожение врага, то тогда не то что этот не старый еще танк Т-26, а и какой-нибудь единорог XVIII века сгодился бы. А уж танк!

Ведь танк является наиболее сильным оружием на поле боя из всех, на нем применяемых. Обычно в его преимущество заносят только броню, но этого мало. Есть еще преимущество, обычно не обсуждаемое, — высота командира танка и оружия танка. Ведь на поле боя все стараются слиться с землей, уже на колени встать — и то опасно. Противника видно очень плохо, благо он обстреливает все места, откуда хорошо виден. А командир танка осматривает поле боя с высоты минимум 2, а то и более 3 метров. Никому на поле боя это поле не видно так хорошо, как командиру танка.

Мало этого, для танка и неглубокая лощина уже укрытие, из которой противнику будут видны только верх башни и пушка. Кроме того, способность танка быстро

маневрировать в сочетании с броней делает его трудной целью для гаубичной артиллерии. Если бы целью советской тактики лета 1941 года было уничтожение противника, то танки Т-26 в атаке не катили бы на противника в безумные и смертельные для них атаки. Они выезжали бы на огневые позиции перед противником и своим мощным оружием расстреливали бы передний край немцев — били бы из пулемета по месту любой мелкой вспышки выстрела, из пушки — по любой крупной, по любой подозрительной кочке, а пехота в это время подбиралась бы к окопам немцев на бросок гранаты. Танк — это лучшее ОГНЕВОЕ средство поля боя, даже те же помянутые мною плавающие танки. Ведь когда мы усилили противотанковую оборону, то немцы именно так и вели свои наступления — расстреливая из танков наш передний край. Прекрасно можно было использовать и Т-26, и те же Т-28 и Т-35 и в обороне, как маневрирующие ОГНЕВЫЕ точки, а не как кавалерийскую лошадь, обязанную, закрыв глаза, мчаться на врага, чтобы раздавить его копытами в контратаке.

Но если наши генералы собрались использовать танк как бронированную лошадь, то тогда обязаны были и бронировать его так, чтобы эту лошадь не убили на подъезде к врагу. В этом бессмысленность Т-26 и остальных советских танков до начала постройки Т-34.

Не было заинтересованных генералов

Да, автор этого маразма тактики применения танков и выбора их конструкции маршал Тухачевский, но причина маразма и остальных бросающихся в глаза недостатков советских танковых войск — в пренебрежении мнением рядовых танкистов со стороны всех маршалов и конструкторов не только во времена, но и после Тухачевского.

К примеру, ни в одном из наших танков, даже в совершенных тогда Т-34 и КВ, не было собственно командира танка. Формально должность эта была, но командир сам обязан был стрелять из пушки в легких и средних

танках, а в тяжелых — заряжать пушку и стрелять из верхнего, самого удобного пулемета. Из-за этого командиры танков не успевали исполнять свои обязанности — наблюдать за полем боя, указывать цель, направление движения, корректировать стрельбу.

Когда немцы начали знакомиться с нашими танками, доставшимися им в трофеях, их это поражало. Поражало это дикое непонимание основ танкового боя. Когда они в захваченной Чехословакии рассмотрели уже готовые танки 38 (t) и увидели, что там только три человека экипажа, то они вернули танки чехам и заставили их переделать машины, сделав на них командирскую башенку и командирское место.

В начале войны немецкие танкисты неожиданно для себя встретились с нашими тяжелыми танками KV, и те вынуждали их принимать бой. Командир 41-го танкового корпуса немцев генерал Райнгарт так описал свое впечатление:

«Примерно сотня наших танков, из которых около трети были T-IV (средний немецкий танк с пушкой 75-мм и лобовой броней в 60 мм. — Ю. М.) заняли исходные позиции для нанесения контрудара. Часть наших сил должна была наступать по фронту, но большинство танков должны были обойти противника и ударить с флангов. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Эшелонированные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров. Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания — все равно, что молния уда-

рила. Танк остановился. «Мы подбили его», — облегченно вздохнули артиллеристы. «Да, мы его подбили», — сказал командир гаубицы. Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!» Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудью. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю. Расправившись с орудием, танк продолжил путь как ни в чем не бывало».

Снаряд этой гаубицы был хотя и фугасным, а не бронебойным, но весил 43,5 кг. От такого снаряда любой немецкий танк (а также тогдашние французские и английские) просто разлетелся бы на части. Казалось бы, все хорошо, и наши даже немногочисленные КВ могли уже в начале войны выбить всю немецкую бронетехнику. Но... Танкист из немецкого 1-го танкового полка так вспоминает бой 24 июня 1941 г. у г. Дубисы:

«КВ-1 и КВ-2, с которыми мы столкнулись впервые, представляли собой нечто необыкновенное. Мы открыли огонь с дистанции 800 метров, но безрезультатно. Мы сближались все ближе и ближе, с противником нас разделяли какие-то 50–100 метров. Начавшаяся огневая дуэль складывалась явно не в нашу пользу. Наши бронебойные снаряды рикошетировали от брони советских танков. Советские танки прошли сквозь наши порядки и направились по направлению к пехоте и тыловым службам. Тогда мы развернулись и открыли огонь вслед советским танкам бронебойными снарядами особого назначения (PzGr 40) с необычайно короткой дистанции — всего 30–60 метров. Только теперь нам удалось подбить несколько машин противника».

Смотрите, наши танки проехали в десятках метров мимо немецких и не заметили их, не расстреляли. Почему? Ведь в КВ было 5 человек экипажа! Было-то было, да что толку?

Механик-водитель смотрел в единственный триплекс, видя перед собой несколько метров дороги. Рядом с ним пулеметчик смотрел в прицел шаровой установки размером с замочную скважину, только около 200 мм длиной. Наводчик смотрел в прицел пушки, у которого угол обзора всего 7 градусов, радист вообще смотровых приборов

не имел, а командир обязан был на полу танка вытаскивать из укладки снаряды и прятать в нее стреляные гильзы. Кому же было за полем боя смотреть? У командира КВ даже люка не было, чтобы выглянуть и оглядеться.

Рассмотрим только один элемент работы командира танка — корректировка огня пушки. Пушку в цель наводят с помощью оптического прицела. Если в него глянуть, то в центре видна прицельная марка (угол вершиной вверх), иногда говорят — «перекрестье прицела». И сетка делений в тысячных, т.е. 1/1000 круга. Виден в прицел очень небольшой кусочек местности. Возьмите лист бумаги, сверните его в трубку и посмотрите в нее. Столько видно и в прицел. Наведите трубку на какой-то предмет и подпрыгните так, чтобы этот предмет оставался в видимости в трубке. У вас не получится, он пропадет из поля видимости, и вам потребуется время, чтобы вновь навести трубку на этот предмет. То же происходит и при выстреле пушки, когда танк вздрагивает.

Первый выстрел делают, подведя в прицеле прицельную марку в центр цели. Но обычно и прицел несколько сбивается: и температура воздуха влияет, и ветер, и масса других факторов. В результате снаряд первого выстрела ляжет где-то рядом с целью. Очень важно заметить где! Потому что следующий выстрел нужно делать с учетом промаха, с учетом отклонения снаряда от цели — с корректировкой.

Но, повторяю, танк при выстреле вздрагивает, цель выскакивает из поля зрения прицела, и если снаряд бронбойный (со слабым взрывом или вообще без взрыва), а расстояние до цели относительно небольшое (снаряд летит секунду или менее), то наводчик не способен увидеть, куда снаряд упал, и не способен скорректировать огонь.

Это делает командир, он и корректирует огонь, скажем: «Фигура вправо, выше полфигуры». И следующий снаряд ляжет в цель.

Вот конкретный бой той войны, рассказанный ветераном — механиком-водителем БТ-7. В начале войны их танк вел бой даже не с танком, а с немецкой танкеткой — слабобронированной машиной, вооруженной обычным

пулеметом. Немецкий пулеметчик ничего бэтэшке сделать не мог, его пули отскакивали от лобовой и бортовой брони. Но и командир-наводчик нашего танка ничего не мог сделать танкетке — он стрелял из пушки, но не видел, куда попадают снаряды, и поэтому не мог скорректировать себе огонь — не мог попасть. Тогда он навел пушку на танкетку, открыл люк, под его защитой высунулся из башни и выстрелил из пушки, чтобы, наконец, понять, куда попадают его снаряды. В это время немецкий пулеметчик дал очередь по люку, пули пробиты 6-мм броню, командир был убит, механик вывел танк из боя — стрелять стало некому. Бэтэшку победила боевая машина, которая и доброго слова-то не стоит.

Видели ли до войны советские генералы этот недостаток советских танков? А как его не увидеть?

Еще 6 ноября 1940 года маршал С. Тимошенко обратился к Председателю Комитета обороны при Правительстве СССР К. Ворошилову:

«Проведенные опытные учения Танковых и Механизированных войск показали, что вопросы управления танковыми подразделениями крайне затруднены.

Результаты длительных пробегов и испытаний танков, а также изучение передовых образцов иностранной танковой техники показывают, что в тактико-технические требования по нашим танкам необходимо внести соответствующие дополнения.

Танковому командиру, начиная от отдельного танка и выше, необходимо дать возможность полного и постоянного наблюдения за полем боя, за обстановкой и за подчиненными ему танками, освободив его окончательно от обязанности артиллериста или заряжающего.

В настоящее время смотровые приборы и средства обзора для командира ограничены и вызывают крайнюю необходимость увеличения круговой видимости и обзорности для каждого отдельного танка.

Одновременно необходимо значительно понизить усилия на приводах управления танком при вождении.

В целях повышения боевых качеств танков необходимо внести следующие дополнения в ТТТ.

1) Установить на башнях танков специальные командирские смотровые башенки с круговым обзором.

2) Пересмотреть численный состав экипажей.

3) Уточнить вооружение и боекомплект.

4) Для внешней связи потребовать установки радиостанции КРСТБ меньшие по габаритам, чем 71-ТК, и прочие в настройке.

5) Для внутренней связи потребовать применение ларингофонов взамен громоздких микрофонов.

6) Смотровые приборы механика-водителя и радиста заменить на более совершенные. Водителю, кроме того, установить оптический смотровой прибор.

7) Потребовать гарантийный срок работы танка не менее 600 часов до капитального ремонта.

8) Подвеску танка Т-34 переделать на индивидуальную торсионную.

9) В первой половине 1941 г. заводы должны разработать и подготовить к серийному выпуску планетарную трансмиссию для танков Т-34 и КВ. Это позволит увеличить среднюю скорость танков и облегчить управление.

Представляю проект постановления КО.

Прошу утвердить.

Маршал Советского Союза С. Тимошенко».

В таких громоздких системах управления, как правительство и министерства (наркоматы) оборонной промышленности (в которых даже принятое Правительством решение потом проходит десятки инстанций и обрабатывается сотнями исполнителей), для быстрого решения вопроса мало подписать письмо у маршала Тимошенко. Нужно было, чтобы заинтересованные в вопросе лица, в данном случае генералы Автоброне-танкового управления РККА постоянно теребили исполнителей, иначе исполнители займутся иными вопросами. Как говорил когда-то мой директор — нужно «приделать письмо ноги». Заинтересованных лиц среди генералов не оказалось, в результате командира танка освободили от обязанностей наводчика только в 1942 году, а командирскую башенку начали устанавливать на танки в 1943-м.

Положение с танками Красной Армии в предвоенное десятилетие напоминает вредительство. Тут одни вопросы.

Танк гремит, из него мало что видно — как можно управлять им без радиостанции? *«Управление танковыми войсками невозможно без радио»*, — писал Гудериан — это и тогда было очевидно.

Уже к концу 20-х противотанковое оружие пробивало без труда 20–30-мм броню. По этой причине все страны отказывались от легких танков и наращивали броню. Зачем нужно было СССР 23 тысячи легких танков, пригодных только для разведки? Зачем нужны были скоростные танки, если к ним не строились никакие скоростные машины обеспечения?

А ведь уже в 1934 году были созданы образцы самоходно-артиллерийских установок с 76-мм пушкой, с 122-мм гаубицей и со 152-мм мортирой. На базе танка Т-26 был в 1935 году сконструирован и бронетранспортер ТР-4. Но все было отвергнуто — только легкие танки и многобашенные мастодонты!

Тухачевский требовал от конструкторов создать оружие, которое было бы одновременно и противотанковым, и зенитным, и как бы гаубицей. Он всерьез намеревался заменить всю артиллерию безоткатными пушками, напрягал страну в колоссальном усилии военного строительства (он ведь требовал 50 тыс. танков для своих «танковых» корпусов), но все его творчество не дало стране ничего. Немцы строили не танки, а танковые корпуса, а мы — дорогостоящие трофеи для них.

Смотрите. Если бы мы танки Т-26 и плавающие танки строили не с темпом 15 тыс. к 1939 году, а всего 7 тыс., то на сэкономленных площадях, металле и двигателях смогли бы построить более 8 тыс. самоходно-артиллерийских орудий, тягачей, вездеходов, ремонтных машин. При этом даже по формальному числу танков в 7 тыс. мы бы превосходили всех своих соседей, вместе взятых.

Самым дешевым танком у немцев был танк 38 (t), он стоил 50 000 марок. А бронетранспортер Sd Kfz 251, который, кроме двух человек экипажа, брал и 10 чело-

век десанта, или установку 320-мм реактивных снарядов, или миномет и 66 мин, или на нем была установлена 75-мм пушка, или много еще чего другого, стоил всего 22 500 марок, то есть дешевле более чем вдвое. Поэтому если бы мы вместо танков БТ (очень дорогих) строили бронетранспортеры, то на высвобожденных мощностях промышленности смогли бы построить их минимум 20 тыс. единиц.

Вот в этом случае мы действительно имели бы 50 танковых (или механизированных) дивизий, способных оказать равноценное и даже более сильное сопротивление немецким войскам.

Уместно вспомнить слова Сталина, который высказался в беседе с авиаконструктором А.Н. Яковлевым в адрес специалистов, которые в области боевой техники *«завели страну в болото»*. Он предложил ему быть откровенным, говорить прямо, после чего с тоской произнес: *«Мы не знаем, кому верить»*.

Теперь об остальном вооружении.

Рядовые и стрелки

Как вы поняли, немецкие генералы исключительное внимание уделяли мощности и эффективности оружия немецких пехотинцев и вопросам защищенности солдат на поле боя. И когда читаешь, скажем, об экипировке немецкого пехотинца, то поражает, насколько еще в мирное время немецкие генералы продумывали каждую, казалось бы, мелочь индивидуального и группового оснащения солдат.

К примеру, у нас до конца войны на касках солдат не было ни чехлов, ни сеток для маскировки, и каски отсвечивали, демаскируя бойцов на поле боя. А у немецких пехотинцев не то что чехлы или резиновые пояски на касках, — по всей их полевой униформе были нашиты петельки для крепления веток и травы. Немцы первые ввели камуфляж и разгрузочные жилеты. В походе немецкий пехотинец нес ранец, а в бою менял его на легкий штурмовой комплект — плащ и котелок с НЗ.

Кто хоть однажды в жаркий день пил воду из горлышка нашей солдатской алюминиевой фляги в брезентовом чехле, тот помнит отвратительный, отдающий алюминием вкус перегретой жидкости. У немцев фляги были в войлочных чехлах со стаканчиком, войлок предохранял воду от перегрева. И так во всем — вроде мелочи, но когда они собраны воедино, то возникает совершенно новое качество, которое заставляет с уважением относиться к тем, кто продумывал и создавал армию противников наших отцов и дедов.

Повторю, немцы не учили солдат штыковому бою, не учили ходить в штыковые атаки, как, впрочем, не особо учили и маршировать. Я прочел множество воспоминаний немецких солдат и офицеров о периодах их обучения: марш-броскам на 50 километров — учили, по деревьям лазить — учили, а об обучении ходить парадным шагом — ветераны молчат. К немецкой винтовке полагался ножевидный штык, который обычно носился в ножнах, и увидеть на фото той войны немецкого солдата в боевой обстановке с примкнутым к винтовке штыком чрезвычайно трудно. Кавалерию немцы перед войной расформировали практически всю, кавалерийские дивизионы кавалерийских полков были приданы пехотным дивизиям в качестве разведывательных. Но и в этих дивизионах немецкие кавалеристы не имели холодного оружия — сабель или пик. Это были все те же «шютце» — стрелки, но передвигающиеся на лошадях.

Основное оружие немецкого пехотинца — обычная магазинная, неавтоматическая винтовка Маузера образца 1898 года, поскольку только такая винтовка дает наивысшую точность стрельбы на предельных расстояниях реального боя (400—500 м). Наши рядовые пехотинцы были вооружены похожей винтовкой Мосина образца 1891 года, несколько модернизированной в 1930 году. Тактико-технические характеристики обеих винтовок — калибр, вес, дальность стрельбы и т. д. — почти одинаковы.

Но вот разлет пуль от точки прицеливания — кучность стрельбы — у этих винтовок разный. Даже в снайперском исполнении (с тщательно обработанным кана-

лом ствола) валовыми патронами винтовка Мосина на расстоянии 500 м может уложить 10 пуль в круг диаметром 50 см. А «маузер» на том же расстоянии — 60 пуль укладывает в эллипс 44х28 см. То есть если один и тот же снайпер на расстоянии в 500 метров прицелится точно в центр груди противника, то из немецкой винтовки он попадет безусловно, а из нашей может и промазать, так как независимо от его мастерства пули нашей винтовки отклонятся от точки прицеливания на 25 см, а пули немецкой — всего на 14 см. То есть при прицельной стрельбе на большие дальности немецкая винтовка существенно превосходит нашу.

Между прочим, снайперы ухудшение кучности стрельбы из винтовки Мосина объясняют тем, что у нее тугой спуск (стрелку трудно определить момент выстрела) и прямая шейка приклада (у немцев «пистолетный» приклад). Кроме этого, у винтовки Мосина излишне утяжелен ствол (более толстый). Как сказано чуть выше, в 1930 году винтовка Мосина модернизировалась, но все указанные особенности, ухудшающие точность стрельбы, легко устранимые и даже удешевляющие производство, советскими генералами в ней были оставлены. Почему? Потому что по советской тактической идее винтовкой Мосина нужно драться в штыковом бою. При ударе прикладом о каску противника прямой приклад не сколется, а «пистолетный» может расколоться, тугой спуск застрахует винтовку от самопроизвольного выстрела при ударе прикладом, а толстый ствол, соответственно, не изогнется при ударе штыком.

В результате, как видите, немецкая винтовка превосходит нашу как средство точной стрельбы, а наша превосходит немецкую как пика и боевая дубина.

Автоматическое оружие

У тех немецких пехотинцев на поле боя, для кого непосредственное уничтожение противника не являлось основным делом, скажем, у командиров отделений, взводов и рот, на вооружении были автоматы (пистолет-пу-

леметы). Наши войска тоже были вооружены автоматами ППШ. И тут следует сказать, что, по отзывам пехотинцев той войны, стрелять из ППШ на расстояние более 50 метров — это только пугать противника, так как на таком расстоянии попасть по противнику из ППШ очень трудно из-за увода ствола вверх. Но кучность огня автоматического оружия тем хуже, чем больше темп стрельбы, хотя темп стрельбы тоже положительная характеристика, поскольку стрельба с большим темпом дает плотность огня, что хорошо, разумеется, только тогда, когда все пули очереди из автоматического оружия так или иначе попадают в район цели. То есть автомат ППШ со своим темпом 1000 выстрелов в минуту очень эффективен тогда, когда из него надо стрелять с близкого расстояния.

А вот немецкий автомат МП-38, модернизированный в МП-40, имел скорострельность всего 350 выстрелов в минуту, и этим низким темпом обеспечивалась высокая точность попадания из него при стрельбе с рук на относительно больших (для пистолет-пулеметов) расстояниях. Таким образом, и этот вид оружия соответствует тактическим представлениям генералов: у нас автомат эффективен в ближнем бою, у немцев — и при ведении огня с больших расстояний.

В пулеметах темп стрельбы на кучность влияет не очень сильно, поскольку огонь из пулеметов ведется с сошек или со станков. У нас и станковый пулемет Максима, и ручной пулемет Дегтярева имели темп стрельбы 600 выстрелов в минуту. А вот у немецкого единого пулемета (используемого и на сошках, и на станке) — от 800 у МГ-34 до 1200–1500 выстрелов в минуту у модернизированного варианта пулемета МГ-42. То есть мощность огня немецких пулеметов вдвое превосходила мощность советских.

В немецком пехотном отделении не было собственно пулеметчика — владеть пулеметом обязан каждый пехотинец. Но вручался пулемет — очень мощное оружие — самому лучшему стрелку в отделении. При постановке на станок на пулемет ставился оптический прицел, с которым дальность стрельбы доходила до 2000 м. Наши пуле-

меты тоже могли забросить пулю на это расстояние, но кого ты невооруженным глазом на такой дальности увидишь и как по нему прицелишься? Бинокли, кстати, в немецкой армии имели очень многие, он полагался уже командиру немецкого пехотного отделения. Ведь чтобы выстрелить точно по противнику, его сначала надо было обнаружить, а биноклем это сделать значительно проще.

С какой стороны ни взглянешь на экипировку и вооружение пехотинцев, в глаза бросается их соответствие тактическим взглядам. Ну зачем, в самом деле, советскому пехотинцу маскировочный камуфляж, если ему все равно бежать на противника во весь рост? Ну зачем ему точно стреляющее оружие, если хоть в наступлении, хоть в обороне бой должен быть закончен атакой или контратакой с непременным штыковым ударом?

Артиллерия

Оружие, которым советские войска встретили немцев в 1941 году, разрабатывалось конструкторами по заказу советских генералов и ставилось на производство в 30-е годы, то есть в этот период, когда заместителем наркома обороны по вооружению Красной Армии, а на начало 1937 г. и первым заместителем был помянутый маршал М. Тухачевский. Разумеется, не только он один несет ответственность за вооружение Красной Армии, тем не менее его ответственность больше, чем у других. Однако отечественные историки делают из Тухачевского невинного военного гения, пострадавшего из-за самодурства Сталина, а преемника Тухачевского на посту заместителя наркома по вооружению маршала Г. Кулика считают неграмотным в военном деле глупцом. На самом деле все с точностью до наоборот, хотя Г. Кулик по своим человеческим качествам и не был идеалом.

У наших военных историков как-то вошло в привычку считать, что наша артиллерия во время войны была лучше немецкой. По крайней мере, в отличие от самолетов и танков формальные цифры в таблицах технических данных конкретных орудий и систем выглядят благопо-

лучно, и количество оружейных стволов в стрелковых дивизиях предвоенных времен смотрится внушительно. Но вот по воспоминаниям немцев, причем не только генералов, а и воевавших на полях битв офицеров-фронтовиков, артиллерия вермахта, особенно в начале войны, значительно превосходила нашу. Из приведенных выше цитат, к примеру, следует, что нашей артиллерии перед прорывом обороны требовался час, чтобы «обработать гектары», а немцам 15 минут работы их артиллерии хватало, чтобы пехота начинала атаку. И это не только потому, что немцы имели лучшую артиллерийскую разведку и связь, о чем отдельно. Сила немецкой артиллерии была и во вдумчивом подходе немецких генералов к вопросам эффективности снарядов у цели — к вопросам эффективности огня.

Вот смотрите, В. Грабин, конструктор артиллерии, создал 76-мм пушку, предназначавшуюся для вооружения артиллерийских полков стрелковых дивизий — «дивизионную». Оба маршала, отвечавших перед войной за вооружение РККА, — Тухачевский и Кулик — были ею недовольны, причем с диаметрально противоположных позиций.

Тухачевский требовал, чтобы дивизионная пушка была универсальной (он перед этим прочитал, что США собираются вооружать свои дивизии универсальными пушками), то есть, кроме стрельбы по пехоте и укреплениям противника, могла бы пробивать броню танков и сбивать самолеты. Для исполнения двух последних назначений пушка должна была иметь высокую скорость снаряда — быть большой удельной (в расчете на калибр) мощности.

А Кулик был недоволен именно большой мощностью дивизионной пушки, а это дает повод различным литераторам выдать Кулика за ретрограда, хотя сам Грабин никогда не высказывал сомнений в профессионализме Кулика. С Тухачевским все ясно — чисто формальный подход: раз у американцев такая пушка, то и нам надо! Но почему Кулик хотел снизить скорость снаряда дивизионной пушки, почему хотел снизить ее мощность?

Дело в том, что сам снаряд как таковой противника уничтожает редко — ему трудно попасть непосредственно в человека, пулемет или пушку противника, в подавляющем большинстве случаев цель уничтожают осколки снаряда или сила ударной волны от взрыва. И по отношению к этим факторам не только сама пушка, но и сам снаряд вторичен. И дело не только в Тухачевском или Кулике, дело в образе мыслей генералов — если у генералов целью победы в бою является уничтожение противника, то их интересуют не собственно пушки, не их стрельба и даже не снаряды, а сколько убойных осколков образуется от стрельбы в районе цели и насколько сильна ударная волна от взрыва.

Так, к примеру, Гудериан в своей книге «Танки — вперед!» к вопросу убойных качеств снаряда обращается неоднократно, скажем, обращает внимание, что в мокрую погоду снаряды глубоко входят в мягкую землю, осколки застревают в грязи и поражающая сила снарядов меньше, чем в сухую погоду. А когда земля скована льдом, то, наоборот, осколки рикошетируют и убойные свойства снарядов возрастают и т.д. Когда в мае 1940 г. немцы окружили англо-французские войска под Дюнкерком, то Гальдер, к примеру, записал в своем дневнике: *«По противнику трудно вести артиллерийский огонь, так как в песчаных дюнах наши снаряды не рикошетируют и не оказывают осколочного действия. (Фюрер предлагает использовать дистанционные трубки снарядов зенитной артиллерии)»*. Читаю у немецкого танкиста объяснения, что, стреляя по противотанковой пушке, нужно целиться не прямо в пушку, а ставить взрыватель снаряда на осколочное действие и целиться в куст или крону дерева рядом с пушкой, поскольку при взрыве снаряда именно такое его положение обеспечит наиболее эффективное поражение расчета пушки осколками.

А вот что пишет маршал И.С. Конев в мемуарах «Сорок пятый», изданных в 1970 г.: *«Стремись уменьшить потери от фаустпатронов, мы в ходе боев ввели простое, но очень эффективное средство — создали вокруг танков так называемую экранировку: навешивали поверх брони листы*

жести или листового железа. Фаустпатроны, попадая в танк, сначала пробивали это первое незначительное препятствие, но за этим препятствием была пустота, и патрон, натываясь на броню танка и уже потеряв свою реактивную силу, чаще всего рикошетировал, не нанося ущерба». Мне даже не хочется комментировать эту убогую цитату, из которой следует, что послевоенный Главнокомандующий Сухопутными войсками СССР и в 1970 году не имел ни малейшего представления о том, как действуюткумулятивные снаряды, используемые подчиненными ему войсками. Но вернемся к теме.

Во-первых, все понимают, что поражающая сила артиллерийских снарядов возрастает с их весом, который, как правило, зависит от калибра (внутреннего диаметра ствола) орудия. Чем больше вес, тем больше мощность взрывной волны, больше осколков, больше их энергия и они дальше летят.

Скажем, снаряд 76-мм пушки весит около 6 кг, а 152-мм — 48 кг. Но сказать, что второй эффективней первого просто в 8 раз, — нельзя. Это уже другое качество. К примеру, в бетонный ДОТ может попасть 20 снарядов 76-мм пушки общим весом 120 кг и не причинить ДОТу ни малейшего вреда. А один снаряд 152-мм пушки его уничтожит. Не всегда экономично по небольшим целям стрелять снарядом крупного калибра, но такие снаряды всегда эффективнее более мелких.

Во-вторых, есть вещи, которые, кроме артиллеристов, мало кто знает и учитывает. Это эффективность осколочного снаряда в зависимости от того, как он соприкасается с землей у цели — как он расположен по отношению к земле в момент взрыва. Если снаряд в этот момент находится параллельно земле (лежит на земле), то поражающих противника осколков он даст очень мало. Основная их часть уйдет в землю и в воздух, осколков, летящих над землей и поражающих врага, почти не будет. (Именно поэтому немецких танкистов, у которых было уже очень мощное танковое орудие, и учили стрелять не прямо в стреляющую по ним противотанковую пушку, а в куст возле этой пушки.)

Наиболее эффективен снаряд, падающий сверху, который в момент взрыва как бы стоит на своем остром конце. Вот у такого снаряда подавляющая масса осколков будет убийной, и артиллерия, стреляющая такими снарядами по живой силе противника, всегда будет эффективнее такой же по калибру артиллерии, но стреляющей снарядами, летящими вдоль земли. Но для того, чтобы снаряд упал на землю почти сверху, нужно, чтобы и пушка выстрелила вверх.

Вот теперь возьмем дивизионную пушку Грабина ЗИС-3. Если она поднимет ствол с максимальным возвышением в 370, то ее снаряд улетит на 13 км и там упадет близко к вертикали, то есть даст много убийных осколков. Это хорошо, но если цель — группа солдат противника — замечена не в 13, а всего в 3 км от фронта, что чаще всего и бывало, то что делать? Либо стрелять по цели так, что снаряды будут плашмя падать на землю и давать мало осколков, либо отвезить пушку в свой тыл за 10 км от линии фронта и стрелять оттуда. По отношению к ЗИС-3 другого не придумаешь.

А вот если уменьшить мощность дивизионной пушки — укоротить ствол, уменьшить вес пороха в заряде, то это приведет к уменьшению скорости снаряда и к увеличению крутизны траектории его полета даже при стрельбе на небольшое расстояние. Да, пушка уже не сможет стрелять так далеко, однако станет более эффективной при стрельбе по живой силе противника. И дело не только в этом.

Земля плоская только на штабных картах стратегов. В жизни она практически везде волнистая, имеет высоты, гребни, впадины, балки и т.д. Если перед фронтом есть впадина или высота и противник там накапливается (на обратном скате), то пушкой большой удельной мощности вы его достать не сможете. Снаряд, вылетающий из ствола с большой скоростью, долго летит по прямой. И он будет взрываться либо на переднем скате высоты, либо далеко перелетать. И противник будет в безопасности. А вот пушкой малой удельной мощности вы его легко достанете и на обратном скате за счет крутизны траектории полета снаряда.

Если взять нашу 76-мм пушку ЗИС-3, немецкую легкую полевую 105-мм гаубицу и поставить их рядом, то окажется, что дальность стрельбы у них примерно одинакова (13,2 и 12,3 км), то есть они могут обстрелять вокруг себя примерно одинаковую площадь. Но у немецкой гаубицы (орудия, специально предназначенного для стрельбы по крутой траектории) на этой площади не будет ни одной точки, куда бы она не смогла послать свой снаряд весом 14,8 кг (почему — несколько позже), и этот снаряд будет давать при разрыве максимальное количество убойных осколков. А у пушки ЗИС-3 окажется множество «мертвых» зон (за лесом, домами, на обратных скалах, в балках и т. д.), куда она свой снаряд весом 6,2 кг послать просто не сможет.

Пушки с высокой начальной скоростью снаряда незаменимы при стрельбе по открытым, быстро перемещающимся целям (танки, самолеты и т. д.) и при стрельбе на очень большие расстояния. Но в дивизиях по танкам и самолетам стреляет специализированная артиллерия — противотанковая и зенитная. А по дальним целям дивизионная артиллерия просто не стреляет — для этого есть корпусная артиллерия и артиллерия резерва главного командования (РГК).

И еще. Чем больше мощность пушки, тем она должна быть тяжелее и, следовательно, ее труднее перемещать с места на место, а значит, и доставить туда, откуда она быстро и эффективно может поразить противника. Заслуга Грабина в том, что он дивизионную 76-мм пушку ЗИС-3 со скоростью снаряда 680 м/сек сумел сделать весом всего 1180 кг. (Немецкий аналог, имевший сравнимую скорость снаряда в 580 м/сек, — 75-мм пушка FK38 — весил 1380 кг.)

Но немецкое пехотное 75-мм орудие, стрелявшее почти таким же по весу снарядом, как ЗИС-3 и советское полковое орудие, имело вес всего 400 кг, то есть было более мобильным, чем даже наша полковая пушка образца 1927 года, весившая 920 кг, и полковая пушка образца 1943 года, весившая 600 кг. А немецкое тяжелое пехотное орудие калибра 150-мм, хотя и имело вес

1750 кг, но зато стреляло снарядом весом 38 кг. Оба этих немецких орудия имели приемлемую дальность стрельбы 3,5 и 4,7 км. Эта дальность позволяла обстрелять любые видимые с переднего края цели. Этими орудиями у немцев была вооружена полковая артиллерия.

Следует сказать о ней более подробно. Возможно, полковая артиллерия и не так важна сама по себе, но по ней хорошо видна основная артиллерийская идея немцев. Немцы, как и мы, артиллерийские системы с относительно малой скоростью снаряда и крутой траекторией полета называли гаубицами. Системы, стреляющие снарядом с большой скоростью по настильной траектории, — пушками. Но вот свою полковую артиллерию они называли своеобразно — «пехотными орудиями», поскольку их 75-мм и 150-мм полковые артсистемы обладали свойствами и пушек, и гаубиц, и минометов.

Немного отвлекусь для читателя, не сталкивавшегося с этим вопросом. То, что заряжается в винтовку, автомат, пистолет, называется патроном. То, что заряжается в пушку, — выстрелом. Выстрел состоит из собственно снаряда, летящего в цель, и порохового заряда, находящегося в гильзе выстрела. Если снаряд и гильза с зарядом жестко соединены и заряжаются в пушку вместе, как одно целое, то такой выстрел называется «унитарным» (единым). Если в зарядную камору орудия снаряд и гильза с зарядом подаются отдельно, то этот выстрел называется «раздельного заряжания».

Унитарный выстрел хорош тем, что позволяет заряжать пушку очень быстро и позволяет легко автоматизировать процесс заряжания. Поэтому к такому выстрелу стремятся. Но когда калибр орудия возрастает до 100 мм, а вес выстрела за 32 кг, то его очень тяжело и заряжать, и подносить к орудию. Волей-неволей выстрел приходится делать раздельным, хотя немцы, к примеру, на своих 128-мм зенитных пушках применяли унитарные выстрелы весом и 43,5 кг. Но существует что-то вроде правила, по которому до калибра 100 мм все выстрелы унитарные, а после 100 мм — раздельные. Поэтому как бы не удивляет, что немецкая 105-мм гаубица имела раздельное заряжание.

Но и 75-мм пехотное орудие немцев имело раздельное заряжание, хотя вес выстрела к нему был менее 10 кг. То есть немцы заведомо уменьшали скорострельность этого орудия и увеличивали возню орудийных расчетов с заряданием. Почему?

При раздельном зарядании можно изменить вес пороха заряда непосредственно перед выстрелом. Для этого из гильзы извлекают или в нее добавляют навески пороха, и в зависимости от веса пороха в заряде снаряд летит с меньшей или большей скоростью, дальше или ближе. 75-мм пехотное орудие немцев при заряде одной навески пороха посылало снаряд со скоростью 92 м/сек на 800 м, а с пятью — со скоростью 210 м/сек на дальность 3475 м. 150-мм пехотное орудие с одной навеской пороха стреляло со скоростью снаряда 122 м/сек на 1475 м, а с шестью — со скоростью 240 м/сек на 4650 м.

Чем меньше скорость снаряда, тем выше нужно поднять ствол орудия, чтобы снаряд долетел до цели, но тем круче он упадет на цель. Гаубицы и эти пехотные орудия немцев путем подбора навески пороха и высоты подъема ствола имели возможность послать снаряд сверху вниз на голову противника, на каком бы расстоянии противник от орудия ни находился. Другими словами — стрелять так, что снаряд будет всегда давать максимальное количество убойных осколков при разрыве и залетать в любые закрытые или защищенные участки местности.

Так что Кулик в общем-то понимал, чего он хочет, когда требовал от Грабина снизить мощность дивизионной пушки, — он хотел, чтобы ее снаряды у цели были более эффективны.

Кстати, некоторые историки не только Кулика, но и немцев считают дурачками за то, что первоначально на немецком танке Т-IV и на штурмовом орудии стояли маломощные, короткоствольные пушки. Но первоначально немецкие танки не предназначались для борьбы с нашими танками, а когда это потребовалось и пушки заменили на более мощные, Гудериан сетовал о снижении их эффективности при стрельбе по основным целям танков — по вражеским пехоте и артиллерии на поле боя.

И в дивизионных артполках, и в пехотных полках немецких дивизий пушек не было вообще, за исключением пушек ПТО и зенитных. В немецкой дивизии артиллерийских стволов было даже меньшее количество, чем в довоенной советской дивизии, но полевая артиллерия немцев была представлена исключительно гаубицами — орудиями, стреляющими по крутой траектории. Подавляющее число дивизий вермахта перед нападением на СССР имели артиллерийские полки в составе 3 артиллерийских дивизионов по 3 батареи легких полевых гаубиц калибра 105 мм и тяжелый дивизион из 3 батарей тяжелых полевых гаубиц калибра 150 мм.

А наши стрелковые войска, получив от генералов 76-мм дивизионные и полковые пушки, оставляли стрелковые полки без эффективного полкового орудия для борьбы с живой силой и огневыми средствами пехоты противника, и ослабляли эффективность дивизионной артиллерии.

Вот из этого и складывалось преимущество немецкой артиллерии в начале войны над нашей артиллерией: в 3—7 раз более тяжелые снаряды, которые падали по крутой траектории на головы наших отцов в любом укрытии. И, конечно, — разведка, корректировка и связь.

Разумеется, вопрос даже с этой 76-мм пушкой Грабина гораздо сложнее, чем он описан. В начале войны, когда наши генералы и кадровое офицерство бросили немцам у границ огромное количество советской артиллерии и оставили немцам 1 миллион тонн боеприпасов из накопленных до войны 2,3 миллиона тонн, было уже не до жиру. Артиллерии в войсках осталось очень мало, нужно было хоть что-то. А пушка Грабина была очень технологичной, ее можно было быстро изготовить в большом количестве, производство снарядов к этой пушке также было освоено.

Но ведь заказывали эту пушку до войны! Еще можно было бы понять, если бы для дивизионной артиллерии генералы заказали гаубицу 76-мм калибра или гаубицу-пушку, оговорив им раздельное заряжание. Но просто дальнбойную пушку малого калибра унитарного заряжания?

Как хотите, но, по моему мнению, это безусловно подтверждает, что советских генералов и теоретиков очень мало волновала эффективность артиллерийского огня.

Кстати, эту эффективность можно оценить и по расходу боеприпасов.

Как я написал чуть выше, мы начали войну с запасом снарядов 2,3 млн тонн, миллион тонн потеряли (сами взорвали или оставили немцам). За первые полтора года войны в войска было поставлено еще 2 млн тонн, можно считать, что израсходовали их 3,3 млн тонн, поскольку: *«По данным ГАУ, поставки боеприпасов в первом полугодии 1942 г. были ниже запросов войск в 5–6 раз, во втором полугодии — в 3–4 раза (по 76-мм снарядам — в 3 раза, по 122-мм — в 13 раз, по минам — в 4 раза). Это означает, что потребности советских войск в боеприпасах в 1942 г. составили по тем временам огромную величину — почти 6 млн т».*

А немцы начали войну с запасом 1,05 млн тонн боеприпасов, в 1941–1942 гг. произвели еще 1,81 млн тонн и к концу 1942 года на Восточном фронте израсходовали около 3,1 млн тонн (1,23+1,86).

Вот и сравните эффективность артиллерийского оружия не по тактико-техническим данным орудий, а по расходу боеприпасов — при практически равном расходе боеприпасов РККА отступала, а немцы наступали и основные потери имели от советского стрелкового оружия.

Выбор авиации

Вы обратили внимание, что немцы в наступлении активно использовали авиацию для подавления бомбардировками обороны противника, в том числе и на переднем крае его обороны. Но тут такой нюанс: чем с большей высоты самолет сбрасывает бомбы, тем меньше точность бомбометания. И чтобы поразить бомбой относительно небольшую цель — траншею, орудие или даже батарею орудий, командный пункт или группу пехоты, самолетам нужно или летать низко, подвергаясь обстрелу даже стрелкового оружия пехоты, или пикировать. И для этого

нужны специальные самолеты — самолеты поля боя: бомбардировщики, достаточно защищенные от огня стрелкового оружия, и пикирующие бомбардировщики — достаточно прочные, чтобы выдержать нагрузки на планер при перегрузках, возникающих при выходе из пикирования. И обязательно нужны самолеты-разведчики и корректировщики артиллерийского огня. Причем такие, которые бы непросто было сбить огнем зенитной артиллерии наземных войск и истребителями, прикрывающими эти войска. Но это техника, а нужно еще и обучить летчиков умению штурмовать, пикировать, маневрировать в зоне зенитного огня и распознавать небольшие цели на земле. Немцы, как видите, с этими задачами справились, а многочисленная советская авиация в начале войны практически не оказывала наземным войскам никакой помощи, даже помощи в защите от бомбежек немецкой авиации.

Эффективность советской авиации — это очень большая тема, поэтому я коснусь только предвоенного состава советской авиации.

В ходе Первой мировой войны итальянский генерал Джулио Дуэ выдвинул идею, получившую дальнейшее развитие, что победу в будущей мировой войне определят только военно-воздушные силы. Та страна, которая сумеет уничтожить авиацию противника и разбомбить его города, будет победительницей. Города — это очень большая цель. И когда летчик с большой высоты целится в Кремлевский дворец, но попадает в ГУМ — это тоже неплохо. Когда город бомбят 1200 самолетов сразу, как бомбили американцы во Второй мировой войне, то кто-нибудь попадет и во дворец.

Отсюда вытекало, что необязательно иметь бомбардировщики, которые могли бы уничтожить с одного захода небольшую цель (танк, паровоз, автомашину, мост). Достаточно иметь много больших бомбардировщиков, бомбящих только с горизонтального полета и большой высоты. Короче, самолетов нужно много, но фронтовая авиация (авиация поля боя) не нужна.

Отличие тогдашней Германии от СССР было в том, что Геринг, наряду с тяжелыми бомбардировщиками, за-

казал немецким конструкторам и промышленности и пикирующий бомбардировщик Ю-87 (на котором немецкий летчик Рудель отчитался в уничтожении 150 позиций артиллерийских батарей), и трижды проклятую нашими войсками «раму» — немецкий разведчик и корректировщик артиллерийского огня Фокке-Вульф-189. Кроме этого, даже немецкий тяжелый бомбардировщик Ю-88 мог и штурмовать, и пикировать, и даже быть тяжелым истребителем. Дуэ — он, конечно, Дуэ, но и в своей голове надо же что-то иметь!

Тухачевский следовал доктрине Дуэ тупо до тошноты. В то время, когда он занимался вооружением Красной Армии, самолеты поля боя не то что не заказывались, а и те, что имелись, планомерно сокращались. С 1934 по 1939 г. наша тяжелобомбардировочная авиация (которая в годы войны не имела никаких сколько-нибудь значительных достижений) выросла удельно в составе ВВС Красной Армии с 10,6% до 20,6%, легкобомбардировочная, разведывательная и штурмовая авиация снизилась с 50,2% до 26%, истребительная увеличилась с 12,3% до 30%.

И бросились мы конструировать самолеты поля боя уже без Тухачевского только в 1938—1940 гг., в результате летчики просто не успевали обучаться на них летать. Так, к примеру, по воспоминаниям ветерана, когда они в 1941 г. пересели на пикирующий бомбардировщик Пе-2, то война заставила командование бросить их в бой, даже не дав обучиться тому, для чего этот самолет и предназначен, — пикированию. Учиться им пришлось в боях.

А теперь о самом тяжелом техническом недостатке Красной Армии — о радиосвязи.

Радиосвязь

Думаю, ни одна из вышеперечисленных технических причин не вызвала столь катастрофических последствий, какие вызвало отсутствие в Красной Армии радиосвязи. Формально радиостанции существовали, правда их было мало и качество радиосвязи было неважным, но, главное,

довоенные генералы, мягко скажем, не видели в радиосвязи необходимости.

Вот Тухачевский заказывал огромное количество танков, он организовывал танковые корпуса (соединения, на вооружении которых находился 1031 танк!). Но ведь без радиосвязи были бесполезны и танки, и их соединения.

Тут надо было образно представить танковую роту в реальной атаке. Вот, скажем, атакует наш передний край немецкая танковая рота. Все 10—15 танков ее связаны рациями. Танки приближаются к нашему переднему краю, и тут по ним открывает огонь необнаруженный ранее немецкими разведчиками наш противотанковый артиллерийский дивизион. Командир роты по рации немедленно дает команду роте отойти, одновременно по рации сообщает об этом в штаб. Штаб посылает приказом по радио к месту боя артиллерийских наблюдателей, и те по радио вызывают и корректируют огонь гаубичных батарей по позициям дивизиона. Одновременно штаб связывается по рации со станциями наведения Люфтваффе. Те по рации вызывают на позиции дивизиона пикирующие бомбардировщики. Дивизион подавлен, танковая рота вновь атакует и прорывает оборону без потерь.

А наша танковая рота? Командир на исходной позиции вылезает из башенного люка и машет флажками: «Делай, как я». Рация только у него. Он идет в атаку впереди всех, его танки натываются на противотанковую оборону, как и в вышеописанном примере. Остановить танки роты без радиосвязи нет возможности, они вынуждены, исполняя приказ, идти на расстрел. Чтобы остановить роту, командир, если он еще не убит, вынужден снова вылезти из танка и махать флажками, и это на виду пехоты противника, ее снайперов и пулеметчиков и с учетом того, что командиры танков его роты заняты наведением орудий.

Несколько слов для не связанных с армией читателей. В армии один в поле не воин. Сила ее подразделений, частей, соединений и объединений в том, что на противника наваливаются все сразу. Для этого надо, чтобы сведения об обстановке непрерывно поступали командиру,

а его приказы — боевым единицам армии. Все это обеспечивает связь. Нет связи — нет подразделений, частей, соединений и объединений. Есть отдельные солдаты, отдельные танки, отдельные орудия. Их много, но их будет бить по частям даже очень слабый, но объединенный связью враг.

Если вы присмотритесь к мемуарам тех, кто начинал войну, то обратите внимание на их сообщения, что к 22 июня немцы забросили к нам в тыл невероятное количество диверсантов, главной задачей которых было обрезать провода и убивать посыльных. Все! Без телефонной связи никаких армий, корпусов, дивизий и полков у нас в западных округах не стало. Вместо них образовались несколько тысяч рот и батальонов, которые действовали без единых планов и приказов. А штабные радиостанции армий, корпусов и дивизий были смонтированы в автобусах — легко распознаваемой цели для немецкой авиации. Через несколько дней не осталось и этих радиостанций.

Чтобы реально представить, что значит «иметь радиосвязь», давайте сравним насыщенность рациями наших войск и немецких.

Командующий Западным фронтом генерал армии Д. Павлов объединял своим штабом 3, 4, 10 и 13-ю армии. Всего 50 дивизий всех видов, или в пересчете на подразделения, равнозначные батальону, — примерно 1300 батальонов, или более 300 батальонов, дивизионов и эскадрилий в расчете на одну общевойсковую армию. Так вот, к середине дня 22 июня командующий 3-й армией донес, что из имеющихся у него трех радиостанций две уже разбиты, а третья повреждена. Павлов из Минска запросил три радиостанции из Москвы. Ему пообещали прислать самолетом, но не прислали. Фактически с этого дня все усилия штаба Западного фронта сводились не к планированию обороны, а к тому, чтобы узнать, где находятся войска и что делают. Никакой устойчивой связи с ними не было. Фронт развалился на отдельно действующие части.

А немецкий мотопехотный батальон помимо ультракоротковолновой радиостанции на каждом бронетран-

спортере с радиусом приема-передачи 3 км имел на таких же бронетранспортерах еще и радиостанции для связи с командованием. Этих бронетранспортеров с рациями, защищенных броней, как наши танки, и неотличимых от других типов машин, в штате немецкого мотопехотного батальона по расписанию на 1.02.1941 года полагалось 12 единиц! Вот и сравните — в нашей общевойсковой армии, объединяющей около 400 таких подразделений, как немецкий батальон, было всего 3 радиостанции на незащищенных автобусах, а у немцев по 12 на БТРах в каждом батальоне, не считая ультракоротковолновой рации на каждой единице боевой техники.

У немцев даже командиры артиллерийских взводов имели свой БТР с рацией, а в нашей армии и в 1945 году командиры танковых бригад возили командиров дивизионов приданных им артиллерийских полков, с уже появившимися рациями снаружи, на броне своих командирских танков. Так какой нам был толк при такой связи от 10 тысяч танков в западных округах на начало войны? Какой толк был от 50 тысяч танков, которые Тухачевский хотел заказать у промышленности, без радиостанций?

У меня есть рассказ ветерана о сражении под Прохоровкой. Он был командиром танка в этом сражении. Развернувшись в атаку против немцев, их рота в дыму и пыли потеряла ориентировку и открыла огонь по тем танкам, которые ей встретились. Те, естественно, открыли огонь по роте. Вскоре вышестоящий штаб выяснил, что они стреляют по своим. Но радиостанция во всей роте была только в танке этого ветерана. Он вынужден был вылезти из танка и под огнем бегать с лопатой от машины к машине, стучать ею по броне, передавая выглядывающим танкистам приказ прекратить огонь. Такая была связь, такое было управление.

А мы по-прежнему гордимся: наши пушки могли стрелять дальше всех! Это, конечно, хорошо, да только интереснее другой вопрос: как часто они попадали туда, куда надо? Мы гордимся — наш танк Т-34 был самым подвижным на поле боя! Это хорошо, да есть вопрос: а он часто знал, куда двигаться и куда он двигается?

Основатель немецких танковых войск Х. Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» писал о 1933—1935 гг.:

«Много времени потребовалось также и на то, чтобы наладить производство радиоаппаратуры и оптики для танков. Однако я не раскаивался, что в тот период твердо настаивал на выполнении своих требований: танки должны обеспечивать хорошее наблюдение и быть удобными для управления. Что касается управления танком, то мы в этом отношении всегда превосходили своих противников; ряд имевшихся не очень существенных недостатков мы смогли исправить в дальнейшем».

Предвоенные генералы преступно игнорировали радиосвязь. Дело даже не в малочисленности радиостанций в войсках, а в том, что генералитет (вопреки, кстати, требованиям Сталина) радиосвязью не занимался — не обучался кодированию, шифрованию, радиоразведке и т. д. У немцев уже в дивизии радиосообщения автоматически шифровались машинкой «Энигма», а у нас большинство боевых сообщений шло открытым текстом. В результате с началом войны немцы по радио давали команды нашим войскам отходить, прекратить огонь и т. д. Это вызвало перепуг наших генералов, и они вообще прекратили пользоваться радиосвязью. Это смех сквозь слезы, но 23 июля, через месяц после начала войны, Сталин дал приказ «Об улучшении работы связи в РККА», в котором ПРИКАЗАЛ генералам использовать радиосвязь.

Вина за это бедственное положение радиосвязи лежит на предвоенном генералитете, для которого этот вид связи казался слишком мудреным и нагло им игнорировался — зачем нужно возиться с шифрованием радиограмм, если на учениях связной на лошади любой приказ куда нужно отвезет? Достаточно сказать, что до войны в Академии им. Фрунзе на изучение технических родов войск отводилось 340 часов. Но если из них кавалерию слушатели изучали 53 часа, то организацию связи — ни единого часа!

Я начал писать о том, что убогая связь РККА во многом определила поражение советских войск начала войны еще в конце века, и историк хрущевского разлива В. Анфилов, начавший фальсифицировать военную историю в

те далекие времена, это мое положение «опроверг»: *«Считая главной причиной наших неудач в начале войны плохую радиосвязь, Мухин упрекает Жукова в «преступном пренебрежении к радиосвязи». Но еще в докладе на декабрьском совещании (1940 г.) Жуков (тогда командующий КОВО) подчеркнул: «Для полного использования наиболее современного средства связи — радио — необходимо навести порядок в засекречивании. Существующее положение в этом вопросе приводит к тому, что это прекрасное средство связи используется мало и неохотно».*

По привычке таких историков Анфилов нагло усек мысль Жукова на совещании. На самом деле процитированное Анфиловым предложение Жуков закончил: *«...Принятая система кодирования приводит к большим искажениям и перепутыванию текста и к задержке в передаче сведений. Зачастую проще и быстрее послать делегатов, чем прибегать к передаче по радио. Необходимо ограничить засекречивание, точно указать, что следует засекречивать и что можно передавать открыто. Упростить систему кодирования».*

Как видите, Жуков не требовал совершенствовать шифры или механизировать систему шифрования, как это сделали немцы, он предлагал передавать сообщения открытым текстом или примитивными кодами (солдат — «карандаш», снаряд — «огурец», и так всю войну), которые легко могут расшифровываться противником. И все это для того, чтобы подобные ему генералы в шифровках не запутывались и на учениях выглядели полководцами.

В 1940 году Жуков командовал Киевским особым военным округом, войска этого округа с началом войны вели бои с немецкой группой армий «Юг». И в часто цитируемом дневнике Ф. Гальдера за 18 июля имеется запись: *«Перехвачена радиограмма штаба 26-й русской армии, в которой говорится, что завтра намечено наступление четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий из района южнее Киева».* Вот вам результаты заботы советских генералов об удобстве управления войсками.

Еще меньше было толку без связи от самолетов в войсках западных округов. Когда наши летчики знали, куда ле-

теть и с кем драться, то дрались они неплохо даже на слабой технике. Вот пример боев 22 июня из немецкого источника.

«Наибольших успехов достиг 12-й ИАП, командир — П. Коробков, базировавшийся на аэродроме в Боушеве, около Станислава. Во время утреннего налета Ju-88 из KG 51 полк потерял 36 И-153 из 66 имеющихся в наличии. Однако уцелевшие машины поднялись в воздух и достойно ответили немецким бомбардировщикам. В длительном бою советские пилоты, потеряв три И-153, объявили о том, что удалось сбить восемь Ju-88. В действительности летчикам удалось сбить семь Ju-88, из них пять из 9-й эскадрильи, III. /KG 51. Это был полный разгром. На этом злключения III. /KG 51 не завершились. В тот же самый день этот дивизион в подобной ситуации столкнулся с истребителями МиГ-3 из 149-го ИАП. Потеряв на аэродроме 21 машину, летчики подняли оставшиеся миги в воздух и сбили восемь (по данным Люфтваффе, шесть) Ju-88 из III. /KG 51. Следует отметить, что результаты, объявленные советскими пилотами, практически полностью соответствуют немецким данным о потерях».

По этим же немецким данным о потерях советская авиация 22 июня в воздухе и на аэродромах потеряла 1000 самолетов, а за первые две недели войны — 3500. Ну и что? В западных округах было 33 авиадивизии с более чем 10 тыс. самолетов. Давайте посчитаем. Немцы напали на нас с 4 тыс. боевых самолетов, а у нас и через две недели осталось еще 6,5 тыс. — полное превосходство в количестве! Почему же наши войска все время были без авиационного прикрытия и поддержки? А потому что для прикрытия и поддержки сухопутных войск летчики должны были знать, кто именно в их помощи нуждается. А как это узнать без связи?

Еще в 1939 г. на 4 тыс. самолетов всех немецких ВВС приходилось 16 полков и 59 батальонов связи, то есть примерно 15 связистов на один самолет.

Командир 3-й танковой группы немцев Г. Гот так описывает второй день войны с СССР:

«Два обстоятельства особенно затрудняли продвижение 57-го танкового корпуса: 2000 машин 8-го авиационного корпуса (в том числе тяжелые грузовики с телеграфными

столбами) шли за походной колонной 19-й танковой дивизии, которая, совершив ночной марш и пройдя через Сувалки и Сейны, рано утром пересекла государственную границу и остановилась вдоль дороги на привал. Этим воспользовались подразделения авиационных частей, их автомашины обогнали колонну 19-й дивизии и стали переправляться по мосту на противоположный берег Немана. Вскоре эти машины попали на плохой участок дороги, застряли и тем самым остановили продвижение боевых частей».

Заметьте — Геринг заставлял связистов Люфтваффе наступать чуть ли не впереди танков. А как же иначе? Если не связать аэродромы со станциями наведения самолетов в пехотных и танковых частях, то как же летчики узнают, где бомбить и кого защищать от бомбежек советской авиации?

Вот как, к примеру, немецкий летчик описывает обычный боевой вылет:

«Мы летели над Черным морем на высоте примерно 1000 метров, когда наземный пост наблюдения передал сообщения: «Индейцы в гавани Сева, ханни 3—4» (Русские истребители в районе Севастопольской гавани, высота 3000—4000 метров).

Мой ведущий продолжал набирать высоту, а я прикрывал его сзади и внимательно высматривал русские самолеты. Вскоре мы набрали высоту 4000 метров и с запада вышли к Севастополю. Вдруг мы заметили истребители противника, они были чуть ниже нас. В моем шлемофоне раздался голос ведущего: «Ату их!».

Мы снизились и атаковали противника. Это были «яки», мы кружили вокруг них минут десять, но не смогли сбить ни одного истребителя. Вскоре противник отступил. Наземный пост наблюдения передал новый приказ: «Направляйтесь к Балаклаве, там большая группа Ил-2 и истребителей».

Вf 109 сбавил скорость, и его пилот показал мне, чтобы дальше пару вел я. Теперь я шел впереди, а «Мессершмитт» прикрывал мой хвост. Вскоре мы добрались до Балаклавы и увидели в воздухе разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии. Начался новый бой с «яками», на этот раз мне уда-

лось сбить одного. Объятый пламенем истребитель противника врезался в землю».

Заметьте, поскольку немцев все время с земли наводили, то они всегда начинали бой с выгодной для себя позиции и внезапно для наших самолетов.

Ф. Гальдер в своем дневнике дал такую оценку связи Военно-воздушных сил РККА: *«Наземная организация, войска связи ВВС: войск связи ВВС в нашем смысле нет... Наземная организация русских ВВС не отделена от боевых частей, поэтому громоздка, работает с трудом и, будучи однажды нарушена, не может быть быстро восстановлена».*

У нас даже в 1942 году командующий ВВС в приказе отмечал, что 75% вылетов советской авиации делается без использования радиостанций. Они, кстати, в это время были только на командирских самолетах, а у остальных — приемники. А командные пункты авиации появились только к концу войны, да и то, судя по всему, это было далеко не то, что было у немцев.

Вот смотрите. Лучший ас СССР И. Кожедуб на фронт попал в марте 1943 года, а лучший ас Германии Э. Хартман — на 3 месяца раньше. В расчете на 100 календарных дней войны Хартман совершал 161 боевой вылет, а Кожедуб — 42, боев Хартман проводил в среднем 95 в расчете на 100 дней, а Кожедуб — 15. В чем же дело? Немцы, что ли, не летали, и Кожедубу некого было сбивать? Летали!

Просто Хартмана войска по радио непрерывно наводили, и если он не находил врага в одном месте или враг был силен, то ему указывали другое. А Кожедуб летал на «авось»; жег бессмысленно бензин, вырабатывая моторесурс самолетов, которые собирали в тылу голодные и холодные женщины и дети. И в основе всего — недоразвитая радиосвязь Красной Армии.

Как-то уже давно я прочел, по-моему в «Независимой газете», статью фронтового летчика той войны. Сообщаемые им случаи в целом были известны, в связи с чем я и не сохранил самой статьи. Но вывод казался настолько экстравагантным, что я, каюсь, не принял его всерьез. Дело в том, что и хорошо знающие этот вопрос историки связывают завоевание превосходства в воздухе

советскими ВВС исключительно с поставками на фронт «современных» самолетов — от Як-3 до «Аэрокобр», причем время завоевания господства относят ко времени Курской битвы, то есть к лету 1943 года. А этот летчик утверждал, что бить немцев в воздухе мы начали тогда, когда были сняты с должностей довоенные кадровые командиры авиационных полков и заменены летчиками, не боявшимися водить самолеты в бой. Этот летчик утверждал, что довоенное командование ВВС в воздух не поднималось, боев не видело, сидело на земле и из блиндажей посылало самолеты на задания. В целом такое заключение могло быть следствием обиженности или озлобленности данного Героя Советского Союза на своего конкретного командира полка.

Но вот передо мной книга другого Героя Советского Союза — В.Ф. Голубева. Начав войну рядовым летчиком, Голубев к концу 1941 года стал командиром эскадрильи, а в 1943 году — командиром 4-го гвардейского истребительного авиаполка Балтийского флота. За войну лично сбил 39 самолетов, причем несколько уже прославленных немецких асов, а ведь до 1943 года его полк летал на И-16. Василий Федорович и в мыслях не держал написать что-либо по теме этой книги, но он в своих воспоминаниях дает массу подробностей, анализ которых позволяет сделать выводы, которых сам Голубев не делает. Он дает исторический факт, поясняет его техническую причину, но не касается главной причины — организационной. К примеру, Краснознаменный Балтийский флот, согласно справочнику, на начало войны имел 656 самолетов всех типов, из которых 353 — истребители. Начиная с 4.00 утра 22 июня 1941 года немцы стали нещадно бомбить и флот, и Ленинград, а вся многочисленная истребительная авиация КБФ, по несколько раз в день поднимаясь в воздух, смогла сбить первый немецкий самолет только на четвертый день войны. Техническую причину этой беспомощности В. Ф. Голубев объясняет так.

Немцы, перелетая линию фронта, фиксировались нашими станциями ВНОС (Воздушного наблюдения, оповещения и связи), и оттуда следовали телефонные звонки

командованию ВВС флота, а оттуда уже шла команда на аэродромы. Взлетали наши истребители и летели... к посту ВНОС! Пост на земле широкими белыми полотнищами выкладывал направление пролета немцев, а поперек узкими белыми полотнищами выкладывал высоту пролета (скажем, три поперечных полотнища означали 3000 м). Наши истребители разворачивались и летели по стрелке за немцами, которые, во-первых, были от них уже в 50—100 км, а во-вторых, зная эту систему, немцы пересекали фронт на ложном курсе, а после того, как ВНОС терял их из виду, ложились на боевой курс. Такая система наведения своей авиации вполне достойна армии, вооруженной луками и стрелами, но поразительно то, что ПВО Ленинграда уже в то время было оснащено очень неплохими отечественными радарам типа РУС (радиоуправлятели самолетов) — техникой, которую в то время имели очень немногие страны. Кстати, когда на оборону Москвы встали и английские радары МРУ-105, то оказалось, что отечественные их даже превосходили по дальности обнаружения целей — 150 км у РУС-2 и 100 км у МРУ-105.

С помощью этих радаров теоретически было возможно навести наши самолеты на немцев как угодно: с хвоста или со стороны солнца. Но это только теоретически, практически ничего нельзя было сделать, поскольку истребители КБФ, да и Красной Армии не имели радиостанций. Это должно вызывать удивление хотя бы потому, что Сталин любую свободную минуту уделял авиации и уже с 1934 года ТРЕБОВАЛ, чтобы все самолеты СССР оснащались радиооборудованием. И действительно, конструкторы самолетов и заводы оснащали советские истребители радиостанциями. Тогда почему же их не было в начале войны?

Примерно за год до войны радиостанции с истребителей были сняты и отправлены на склады по приказу командующего ВВС П. Рычагова. Те наши историки, кто знает, что такое радиостанция, дают такую легенду этому воистину предательскому мероприятию. Дескать, авиадвигатели самолетов СССР были незаэкранированы, и от системы зажигания в наушниках слышался треск, кото-

рый отвлекал летчика. И Голубев, кстати, сообщает об этой же официальной причине.

Но ведь она идиотская в своей основе. А гул самого двигателя самолета летчика не отвлекал? А почему этот треск не отвлекал летчиков бомбардировочной и разведывательной авиации? И почему не было дано задание конструкторам заэкранировать двигатели? Причем далее в своих воспоминаниях В.Ф. Голубев пишет, что, как только его назначили командиром эскадрильи, он сразу же приказал установить на самолеты ранее снятые и лежащие на складах радиостанции и стал летать, командуя эскадрильей в бою, и, главное, его эскадрилью стали наводить на немцев радары. И дело сразу же пошло.

Упоминаемое совещание высшего командного состава РККА проходило с 23 по 31 декабря 1940 года, а накануне, 20 декабря, нарком обороны маршал Тимошенко подписал приказ «О подготовке войск связи», в котором констатировал: *«Один из основных видов современной связи — радио используется недостаточно. Организация радиосвязи при массовом насыщении радиостанциями, и особенно радиосвязь взаимодействия родов войск, освоена недостаточно»*, — и приказывал: *«Радиосвязь считать в армии одним из основных средств связи, и подготовке радиоспециалистов в 1940—1941 гг. уделить серьезное внимание»*. Далее шли конкретные указания всем, кого радиосвязь касалась, и приказ заканчивался: *«Начальнику Генерального штаба Красной Армии организовать контроль и проверку выполнения настоящего приказа и о результатах докладывать мне»*.

Вопрос: почему сотни командиров авиаполков не писали Тимошенко, начальнику Генштаба Жукову или тому же Сталину и не возмущались снятию с истребителей радиостанций? Почему на совещании ни один авиационный командир об этом не обмолвился? Ведь отсутствие связи на самолетах не давало им командовать своими частями и соединениями в воздухе! У меня нет другого ответа: потому и не возмущались, что без радиостанций могли не командовать в воздухе. По аналогии с общевойсковыми генералами собрались сидеть в штабах на земле и посылать «в атаку» летчиков. Голубев не

уделяет в своей книге и этому вопросу никакого внимания, но то, как командовали командиры полка до него, и как командовал он — отличаются, как день и ночь. Отбивая массированные налеты немцев, он всегда вылетал с полком и в воздухе командовал своими летчиками: на месте боя указывал, какой эскадрилье или группе атаковать бомбардировщики, какой связать боем истребители прикрытия, какой набрать высоту и атаковать сверху, и т. д. Вот такие летающие полковники, как он, Покрышкин, Кожедуб и, кстати, Василий Сталин, и обеспечили, в конце концов, превосходство нашей авиации в воздухе над немцами.

Немного об авиации и связи, но со стороны поддержки наших наземных войск советской авиацией. Вот эпизод, рассказанный маршалом К.К. Рокоссовским о его мимолетном приключении вместе с маршалом Жуковым летом 1942 года:

«Наблюдая за боем, мы все находились вне окопов. И вот, увидев, что к нам с тыла подлетает десятка наших штурмовиков, я предложил прыгнуть всем в окоп. И только мы успели это сделать, как увидели летящие на наши головы реактивные снаряды, выпущенные штурмовиками. Весь этот груз уснул окоп спереди и сзади. Раздалась оглушительная серия взрывов, посыпались комья земли и грязи. Просвистели осколки, которые даже после разрывов падали сверху. К счастью для нас, этим все и обошлось. Но больше других «пострадал» командующий ВВС, которому сильно досталось от Жукова».

Спрашивается, при чем здесь командующий ВВС, если предвоенный начальник Генштаба Г.К. Жуков палец о палец не ударил, чтобы обеспечить войска и ВВС радиосвязью? Чтобы наши штурмовики не летали беспомощно над полем боя, тщетно пытаясь найти хоть кого-то, по кому можно было бы выпустить боекомплект, чтобы не везти его на аэродром. Для этого нашей армии нужны были фронтовые авианаводчики, но они в принципе невозможны без развитой радиосвязи.

А вот эпизод уже 1944 года из воспоминаний генерала И.А. Толконюка:

«День был безветренный и ясный, солнце чувствительно пригревало. На серо-голубом небе изредка виднелись обрывки белых облаков. Между стройных сосен проглядывались штабные автобусы, армейские палатки, поставленные под деревьями походные столики, над которыми склонились офицеры и генералы. На открытой поляне перед лесом занимала огневую позицию малокалиберная зенитная батарея. Между батареями и ПКП прохаживался человек. Это был сам командарм генерал-полковник Василий Иванович Чуйков. Пока мы осматривались вокруг, появился самолет Ил-2 с ясно видимыми красными звездами на крыльях. Сделав боевой заход, самолет сбросил на батарею четыре бомбы и стал кружить на небольшой высоте, обстреливая зенитчиков из бортовых пушек. Видя, что самолет свой, батарея не стреляла, а изумленные боевые расчеты бросились в укрытия. Командарм остановился и наблюдал эту странную картину молча. Вдруг он, увидев, что одно орудие перевернулось вверх колесами, возмущенно закричал: «Сбить! Что смотрите? Огонь!» Немедленно послышались знакомые хлопки орудийной очереди — и самолет, вспыхнув ярким пламенем, рухнул на землю. Как оказалось, это был наш фронтовой артиллерийский корректировщик, потерявший ориентировку и принявший свою батарею за вражескую. Два члена экипажа сгорели вместе с самолетом, а на батарее было ранено два солдата и разбито одно орудие».

И, пожалуй, только в качестве анекдота можно привести воспоминания С. Штеменко, на тот момент начальника направления Оперативного управления Генштаба, о своей находчивости — о том, как они в Генштабе РККА узнавали положение войск: *«Не виной, а бедой нашей являлось то, что не всегда мы располагали достаточно подробными данными о положении своих войск. Впрочем, не легче доставались и данные о противнике. К каким только ухищрениям не приходилось прибегать! Помню, однажды нам никак не удавалось установить положение сторон на одном из участков Западного фронта. Линии боевой связи оказались поврежденными. Тогда кто-то из операторов решил позвонить по обычному телефону в один из сельсоветов интересующего нас района. На его звонок отозвался председатель*

сельсовета. Спрашиваем: есть ли в селе наши войска? Отвечает, что нет. А немцы? Оказывается, и немцев нет, но они заняли ближние деревни — председатель назвал, какие именно. В итоге на оперативных картах появилось вполне достоверное, как потом подтвердилось, положение сторон в данном районе. Мы и в последующем, когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию». Интересно, что Штеменко ни в малейшей мере не ставит ни себе, ни остальным военным «профессионалам» в вину отсутствие надежной связи с войсками даже у Генштаба, — не их это, видите ли, вина.

Им после Хрущева стало предельно ясно, чья это вина, — Сталина!

Немного о тактической разведке

Судя по всему, советские генералы только умно говорили, что победу делают все рода войск воедино, но не понимали этого. И не понимали этого ни в каких вопросах. А ведь военный должен ясно представлять себе, как ведется бой. Возьмем, к примеру, артиллерию.

Есть орудия, из которых стреляют только тогда, когда враг виден в прицеле — противотанковые и зенитные пушки, небольшое количество легкой полевой артиллерии. Но самая мощная артиллерия стреляет с закрытых позиций, то есть сами орудия находятся в нескольких километрах от цели (сегодня — до 30–50 км). Наводят их на цель по расчетным данным.

Точно рассчитать невозможно, но даже если бы это было и так, существует масса факторов, отклоняющих снаряд. Поэтому, хотя сами орудия располагаются так, что их расчеты не видят противника, его самого и разрывы своих снарядов обязаны видеть командиры батарей и дивизионов, которые находятся там, откуда цель видна, и которые корректируют огонь, как и командир танка корректирует огонь наводчика орудия. Делают командиры батарей это так: сначала дают стрелять одному своему орудию и по

взрывам его снарядов исправляют наводку орудий всей батареи. А когда пристрелочные взрывы начинают ложиться рядом с целью, дают команду открыть огонь всем орудиям и уже десятками снарядов уничтожают ее.

Но это, если они цель видят. Если в районе поля боя есть каланча, высокое здание или хотя бы холмик, с которого они могут заглянуть в глубь обороны противника.

Вот немецкий генерал Ф. Меллентин критикует наших генералов: *«Они наступали на любую высоту и дрались за нее с огромным упорством, не придавая значения ее тактической ценности. Неоднократно случалось, что овладение такой высотой не диктовалось тактической необходимостью, но русские никогда не понимали этого и несли большие потери».*

(Кстати, а спросить Меллентина: что же тогда немцы защищали эту высоту, если она не представляла «тактической ценности»? Миддельдорф, к примеру, сообщает, что в вышедшем 18.01.40 года немецком уставе HDV 130/9 «Вождение и бой пехоты» говорится: *«Начертание переднего края определяется в первую очередь интересами организации огня. Оно зависит от наличия мест для наблюдательных пунктов артиллерии и тяжелого оружия пехоты, от наличия хорошего обзора и обстрела, а также возможности организации противотанковой обороны».*)

Ведь и советским генералам, если не взять высоту, то тогда некуда посадить артиллерийских корректировщиков и невозможно использовать с толком свою артиллерию. А в таких случаях артиллеристы вынуждены стрелять по площадям, фактически впустую расходуя боеприпасы.

Даже в 1943 г. на Курской дуге, когда наши войска открыли по изготовившимся к наступлению немцам мощнейший артиллерийский огонь, они вели его не по конкретным танкам, ротам или автоколоннам, а по «местам предполагаемого скопления противника». Да, нанесли потери немцам, так как кое-где противник был там, где и предполагали. Но остальные-то снаряды...

А у Меллентина таких забот не было. Если он не знал, куда стрелять его артиллерии, то вызывал самолет-разведчик. (Уже по штатам 1939 г. немецкие танковые ди-

визии обслуживали по 10 таких самолетов.) У немцев не было Тухачевских, поэтому по их заказу чехи произвели в общем-то небольшое количество самолетов-корректировщиков FW-189 (846 ед.), но эту верткую проклятую «раму», вызывающую артиллерийский огонь немцев точно на головы наших отцов и дедов, помнят все ветераны войны.

Мы иногда хвалимся, что из 1 млн тонн стали делали в войну в десяток раз больше пушек, танков, снарядов и самолетов, чем Германия. Но ведь им под их тактику и выбор технического оснащения войск и не надо было больше, а на наших генералов с их архаической тактикой всех родов войск оружия и солдат надо было много-много.

* * *

Почему немцы с самого начала войны нашли и использовали эффективные приемы тактики, армейских и фронтовых операций, структуру своих частей и соединений, выбрали эффективное оружие, а генералы остальных армий с этим не справились?

Поразительно то, что немецкие генералы в своих мемуарах и не пытаются скрыть причины силы своей армии, но я, перечитав о той войне достаточно много отечественных и иностранных историков и военных, ни разу не встретил даже попыток обсудить то, что объясняют немцы. А такое невнимание к их объяснениям может быть только в случае, если немцы до сих пор остаются непонятыми. Понимаете, вопрос не в том, ЧТО именно немецкие генералы нашли, а ПОЧЕМУ они это нашли, а остальные нет, и почему даже тогда, когда немцы объясняют, то остальные не понимают?

Поэтому я должен заняться темой, которая будет очень трудной для понимания ввиду не только малого знакомства людей с тем, о чем я буду писать, но и устоявшихся формальных взглядов на то, о чем я буду писать. Приношу извинения, но я обязан об этом сказать хоть что-то, чтобы сформулировать выводы достаточно полно.

Глава 5

ВОЕННАЯ СИЛА. ПОДГОТОВКА ВОЙСК

Отказ от ответственности

Формализм — это *«соблюдение форм в ущерб содержанию»*. Каждый человек знает, что важна не форма, а содержание, но в жизни люди очень часто смотрят на формы, запоминают формы и уверены, что формы — это и есть содержание. (К сожалению, это главенствующий способ мышления, вбитый в головы все тем же современным образованием.) Практически тем же самым, что и формализм, является бюрократизм. Принятое в словарях определение бюрократизма — *«пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей»*. По смыслу к этим понятиям примыкает и доктринерство — тупое следование, но уже не формальностям, а некой теории. Однако все эти определения являются описанием формы, а не описанием их содержания. То есть определения этому типу человеческой деятельности (бюрократизму и формализму) давали бюрократы и формалисты. Почему я так думаю?

Потому, что если люди действительно понимают содержание явления, то они находят и устанавливают альтернативное явление. К примеру, если «холодно» это плохо, то «тепло» это хорошо, если «мокро» это плохо, то «сухо» это хорошо, если «длинно» это плохо, то «коротко» это хорошо и т. д. Формализм и бюрократизм — это виды человеческой деятельности, и если такая деятельность — это плохо, то что хорошо? Неформализм и небюрократизм? А как это? Не соблюдать формы и фор-

мальности? Ну, к примеру, человек спит — отдыхает, отключив сознание. Это содержание сна, а форма сна (обычные условия) — человек лежит с закрытыми глазами. Так как будет выглядеть сон без формы? Отключить сознание и бегать? Если у деятельности или явления есть форма и формальности, то, значит, они нужны. Как без них?

И получается, что есть вид человеческой деятельность — бюрократизм (формализм), которым люди порою очень недовольны, но смысла которого и не пытаются понять. Вспоминаю, как один из теоретиков перестройки СССР академик Аганбегян в одной из телепередач тех времен радовал зрителей тем, что рыночные отношения сметут всех бюрократов и на их место: *«Станут... станут... станут... Ну, как называются те, кто не бюрократы?»* — наконец наивно спросил присутствующих борец с бюрократизмом. Действительно — а как?

Даже наиболее эрудированные не представляют себе содержание бюрократической деятельности. В телевизионной игре «Что? Где? Когда?» ведущий задал команде эрудитов, команде действительно умных, сообразительных и начитанных людей очень простой вопрос: *«Как называется человек, подчиняющийся своему начальнику?»* Вопрос, на который, казалось бы, каждый должен немедленно найти ответ, оказался эрудитам не по зубам. Они не знали и не смогли сообразить, что такой человек называется бюрократом, и крайне поразились, узнав об этом. Но ведь они знали, что первая часть слова «бюрократ» (французское слово «бюро») означает руководящий орган и, следовательно, просто начальник. Они знали также, что вторая часть слова «кратос» в переводе с греческого означает «власть». Так в чем же дело? Во вбитой в наши головы образованием привычке оперировать формой, не вникая в содержание.

Следование форме и формальностям — это то, что мы видим в формалисте и бюрократе, а в формалисте и бюрократе что должно произойти, чтобы они следовали форме и формальностям? В чем содержание бюрократизма и формализма?

Бюрократизм и формализм — это ОТКАЗ ОТ ПРИНЯТИЯ СОБСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ в ходе собственной деятельности.

Об альтернативе бюрократизму — ниже, а сейчас о том, зачем человеку отказываться от принятия собственных решений? Это, я полагаю, будет понятно всем: в любой человеческой деятельности ответственность (наказание) наступает за ошибки в решении, и если человек собственных решений не принимает, то (в его понимании) его и наказывать не за что.

В делах с системами управления решения принимает начальник (отчего и возник сам термин «бюрократизм») в виде приказов, инструкций, уставов, законов и любых руководящих распоряжений. Вот в глазах бюрократа начальник и несет ответственность за деятельность бюрократа, а сам бюрократ видит себя просто очень дисциплинированным, добросовестным работником, который поступает только так, как приказал начальник! В иных сферах, скажем, в науке или политике, бюрократ или формалист оглашает решения (выводы, мнения) лиц, авторитетных в его глазах. При этом даже дурак становится в собственных глазах (и во мнении таких же дураков) таким же умным, как и авторитеты, сентенции которых он заучил и повторяет. Ну как вы можете называть этого человека дураком, если он повторяет то, что сказал великий Ленин? Или великий Эйнштейн? (То, что Ленин и Эйнштейн в данных условиях уже бы этого не сказали, для бюрократа и формалиста значения не имеет.)

Тут и ответ, почему формализм и бюрократизм так соблазнительны для людей. Потому, что при бюрократизме любой дурак может занять любую командную или научную должность. При бюрократизме не нужно знать дело, которым занимаешься, а нужно знать только уставы и приказы начальника.

И через всю тактику Красной Армии проходит то, что называется «бюрократизмом». Его жаждали советские генералы и теоретики, поскольку бюрократизм, еще раз повторю, позволяет занимать любую должность любому дураку, не понимающему и не желающему понимать суть

того, что он делает, но изучившему формальные приемы, указанные в приказах и уставах. Тупое исполнение этих приемов снимает с бюрократа ответственность за результаты его службы, по меньшей мере, в его собственных глазах.

Вот в приведенном примере с Жуковым под Москвой Жуков формально исполнил приказ Ставки, бесполезно погибли тысячи советских солдат. А Жуков, когда писал мемуары, чувствовал за их гибель ответственность? Нет, ни в меньшей мере, Жуков явно указывает в мемуарах, что это не он, а глупые Сталин и Шапошников виноваты, а он что? Он был против, но как добросовестный подчиненный подписал приказ об ударе по немцам двумя армиями, как требовала Ставка. Какой с него, командующего фронтом, спрос? Да, собственно, ни один бюрократ на него ответственность за провал этой операции и не возложит.

Понимает ли бюрократ, что его деятельность губительна? Понимает! Но действует именно так, поскольку не отвечает за результат. А если уж и у него появляется риск ответить за такой результат, то он требует у начальства изменить приказы и уставы. Ведь что собственно происходило на совещании в декабре 1940 года? Там генералы требовали изменить боевые уставы, поскольку война по ним вела только к поражению, а как ни сталкивай ответственность на начальство за поражение, но поражение потерпел ты.

Так в чем альтернатива бюрократизму?

Бюрократическая и делократическая системы управления

Об этом пока мало кто знает, но наряду с привычной нам бюрократической системой управления людьми имеется и делократическая система управления, о которой в рамках этой работы придется только упомянуть.

В своих работах по делократии я обязательно указывал, что единственной крупной организацией, внедряющей принципы делократии в систему своего управле-

ния, являются армии во время войны (в мирное время они могут быть отчаянно забюрокрачены снизу доверху). По крайней мере, если эти армии не успевают разбить противника, то они эмпирически переводят систему управления войск в бою с бюрократического на делократические принципы.

В чем разница. При бюрократическом способе управления начальник подчиняет подчиненного себе, для чего берет лично себе право поощрять и наказывать подчиненного за успехи и неудачи. В результате подчиненный делает не то, что требует от него порученное ему начальником дело (данное начальником задание), а то, что начальник ему скажет по поводу того, как порученное дело сделать. Повторю, подчиненный-бюрократ строит кувшинное рыло очень дисциплинированного человека, который без указания начальника и шагу лишнего не сделает, а работает только по данным начальником приказам и инструкциям.

Что от этой его деятельности получается, подчиненного не волнует — какие бы потери ни произошли от такой работы, виноват будет не он, нанесший эти потери, а начальник, указавший ему, как действовать, или инструкция, по которой подчиненный действовал.

При делократическом способе управления начальник право наказывать и поощрять подчиненного перекладывает на дело — строит систему поощрения и наказания подчиненного так, чтобы подчиненного поощряли и наказывали РЕЗУЛЬТАТЫ исполнения им порученного ему дела. При делократической системе управления подчиненный не за ценными указаниями, как ему сделать порученное дело, не за инструкциями к начальнику бегаёт, а сам вынужден изучить задание (изучить свое дело) и исполнить задание так, чтобы ПО РЕЗУЛЬТАТАМ исполнения задания ему поступила благодарность, а не наказание.

Но если при делократической системе управления подчиненному никакие начальники не указывают, как ему делать дело, то такой подчиненный становится тем, кого и называют ЕДИНОНАЧАЛЬНИКОМ. То есть де-

лайте из подчиненных единоначальников, и они начнут становиться делократами.

Так вот, в армии по боевым уставам подчиненному должна ставиться только задача — уничтожить противника, без указания, как именно он должен его уничтожить. Это и есть дело подчиненного. А как же поощрения и наказания от военного начальства? Они есть, но значение имеют только в мирное время. А во время войны у подчиненных появляется еще и противник, который за ошибки в исполнении боевой задачи наказывает очень сурово — смертью. Ведь противник недоволен тем, что его собираются уничтожить, и стремится сам уничтожить, в данном случае — подчиненного-единоначальника, получившего задачу уничтожить его.

Получается, что в армии во время войны особенно сурово подчиненный наказывается за порученное начальником и плохо исполненное дело не начальником, а самим делом — противником. С другой стороны, если подчиненный хорошо уничтожит противника, то противник за это наградит его жизнью, то есть поощрит очень сильно. Вот и получается, что в бою внедряются принципы делократии — не начальник, а порученное подчиненному начальником дело наказывает и поощряет подчиненных.

Именно поэтому, с одной стороны, воюющая армия как бы автоматически делократизируется, однако, с другой стороны, не все так просто.

В бою противник наказывает смертью солдат и командиров в боевых порядках, но вышестоящие командиры непосредственно гибнут не часто, а ведь их ответственность за поражения велика. Противник легко достанет командира взвода и накажет его за ошибки, но командира полка ему достать уже не просто. И это толкает начальников в армии к бюрократизации в крайней степени — они стремятся получить у вышестоящего командования не общую задачу на бой, а конкретное указание, как им бой вести, скажем, атаковать. Получив такой приказ, бюрократы тупо приказывают уже своим подчиненным атаковать. Заставляют своих подчиненных исполнять это указание своего начальника, несмотря ни

на какие потери вверенных им войск в атаках, — «исполняют приказ начальника» так, как это делают все бюрократы во всех отраслях деятельности.

Вот, к примеру, вычеркнутые строки из мемуаров маршала Рокоссовского, оценивавшего метод командования М. Кирпоноса — командующего Юго-Западным фронтом: *«Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервозно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные «пластыри», то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям. Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М.П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованных наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один — к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику».*

Но зато Кирпонос действовал так, как начальство приказало, и наверняка не чувствовал себя виновным в бесцельной гибели десятков тысяч солдат вверенных ему войск.

Поэтому обучать всех командиров делократическим способам управления нужно до войны, а не ждать, когда война подберет достойных, способных быть единоначальниками офицеров и генералов, унеся в могилы огромное количество солдат, погибших от бюрократической тупости генералов и офицеров мирного времени.

Я написал, что делократ и единоначальник — это одно и то же. Однако, по моему мнению, и содержание понятия «единоначальник» также редко понимается, как правило,

вам скажут, что единоначалие — это когда «я — начальник, ты — дурак, ты — начальник, я — дурак». Принятое в словарях определение: единоначальник — тот, кто единолично осуществляет управление. Но ведь и это только форма, а не содержание, это то, что мы видим в начальниках. И ничего не мешает в должности единоначальника сидеть тупице, упорно исполняющему указания начальства, ничего не мешает в этой должности находиться самому махровому бюрократу. Форму соблюсти несложно.

А вот содержание делократии, содержание единоначалия — это **ОБЯЗАННОСТЬ** принимать **СОБСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ**.

Но вот тут тонкость. Ведь и решение претворить решение начальника в собственный приказ тоже является собственным решением. Кроме того, неужели единоначальник должен выдумывать и выдумывать только собственные решения? Нет, решение единоначальника может быть любым, в том числе и чужим, и начальника — каким угодно, лишь бы оно шло на пользу дела, в случае армии — приводило к победе.

Поэтому помимо обязанности принимать только собственные решения единоначальник должен получить **ПРАВО** не исполнять ничьи иные указания. Вот это право единоначальник получает от вышестоящего начальства — от вышестоящего командования.

Это вручаемое подчиненным право должно быть осмысленным действием при создании системы управления. Это очень трудно, если учесть, что начальнику очень непросто отказаться вмешиваться в дела своих подчиненных; а подчиненным очень непросто возлагать на себя ответственность за результат дела — за результат боя.

И снова прервусь на очень важный момент.

О военном мастерстве, творчестве и искусстве

Рассмотрение основных источников военной силы немцев начнем с принципиальных вопросов.

Есть понятие «мастерство», достичь мастерства достаточно сложно, тем не менее приемы мастерства могут

быть описаны, порою даже в виде математических формул, следовательно, эти приемы можно изучить, понять их смысл, научиться их применять и стать мастером своего дела. Иногда это процесс длительный, тем не менее опыт и логика показывают, что при достаточном трудолюбии и уме мастерство достижимо каждым.

И есть понятие «творчество» — это когда мастер применяет прием, который не был никем описан ранее или хотя бы ему самому не был известен. Обычно, когда стоишь перед проблемой, которую нужно разрешить, сначала память быстро перебирает все известные приемы разрешения этой проблемы, но нужного приема может и не быть, или ты остаешься недоволен либо затратами на известные приемы, либо получаемым результатом. Серенький исполнитель или человек, еще не достигший мастерства, обычно либо тупо делает так, как они заучили, либо идут к начальнику и спрашивают, что им делать. А мастер включает в помощь памяти собственную фантазию и начинает примерять к проблеме свои фантазийные приемы и (как уж повезет) находит такой прием разрешения проблемы, который решает проблему гораздо эффективнее стандартных приемов. Он начинает творить.

Я пишу «мастер», поскольку логика подсказывает, что неспециалист может творчески изобрести велосипед, и хотя самого творчества как такового у него не отнимешь, но это творчество никому не будет нужно. Логика подсказывает это, а практика — иное. В жизни мастера настолько зашорены тем, что они заучили, что не могут взглянуть на проблему издали — с другой стороны. К примеру, В. Ацюковский, проанализировав биографии тех, кто сделал выдающиеся открытия в науке, показал, что подавляющая масса первооткрывателей в точных науках это дилетанты — от аптекарей до адвокатов. А не ученые — не те, кого учили делать эти открытия. Так, собственно, и в военном деле, в котором масса примеров того, как молодые полководцы побеждали убеленных сединами генералов.

И, наконец, есть виды творчества, в которых творец действует на уровне подсознания — он даже не фантази-

рует над вариантами действий, а ему что-то подсказывает, что вот тут нужен именно такой мазок именно такого цвета или вот здесь нужен именно такой аккорд. Возьмите бой двух боксеров, их подбирают примерно равными по весу, примерно одинаково обучают и тренируют, и вся победа в схватке висит на том, что один «зевнет», а другой на подсознании поймет, что нужно сделать, и решится это сделать.

Да, военное дело действительно сложно. Благо ветераны очень говорливы, и теоретиков полно, и историки охотно занимаются военным делом с момента, как человечество научилось излагать свои мысли на глине (почему мы хорошо знакомы с войнами Древнего Египта, хотя и не представляем, как египтяне построили пирамиды). Кроме того, уже пару веков в России (да и в ряде других стран) существуют тысячи профессиональных учителей военного дела, которые, правда, сами воевать не умеют (что проверено в войнах), но зато учат, как воевать. Коротче, воюй — не хочу! Однако «*воевать сложно*». И мы понимаем, что это тоже так. Почему?

Потому, что военное дело требует творчества в объемах, которые и не снились иным видам человеческой деятельности. Причем быть гением главнокомандующему — это очень мало, в идеале творцом должен быть каждый военнотружущий. Ведь генерал, офицер или солдат имеют дело не с мертвым материалом, поведение которого известно или в худшем случае предсказуемо. Они имеют дело с противником, который, по идее, тоже творец в деле уничтожения тебя. Не сумеешь ты убить, убьют тебя, и никаким «следованием военной науки» или «строгим исполнением устава и приказа» не воскресишься.

Военное дело требует массового творчества.

Бюрократизм, формализм начисто исключают творчество в самой системе управления, начисто исключают творчество командиров. И только делократия, только ЕДИНОНАЧАЛИЕ и предоставляет простор для творчества и заставляет творить

И единственной известной мне армией, которая осмысленно вводила делократические принципы и готови-

ла свой командный состав на основе этих принципов к **БЕЗУСЛОВНОМУ ЕДИНОНАЧАЛИЮ**, была, к сожалению, не Красная Армия, а противостоящая ей немецкая армия. А Красная Армия усилиями перешедших из царской армии академических «военных специалистов» тупо внедряла бюрократические принципы управления, взятые из царской армии. И это тоже было источником силы немцев и слабости Красной Армии в начальный период войны.

Вот я процитировал в объяснении Манштейна о том, что такое молниеносная война, следующую мысль: *«Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, — вот в чем состоял секрет успеха»*. Что Манштейн этим сказал?

Он сказал, что немцы осмысленно предоставляли всем, кому это возможно, простор для творчества в деле уничтожения противника.

(Оговорюсь, то, что я написал выше об управлении и о делократии, — это теория. У немцев такой теории не было, ее вообще в те времена не было. И немцы совершенствовали организацию своей армии эмпирически, то есть изучали, что приводило к победам, и вводили эти обстоятельства в уставы).

Немцы избегали наличия какого-либо догматизма, в том числе «научного», в головах тех, кому они вверяли солдат, — командиры немецкой армии обязаны были действовать самостоятельно, исходя исключительно из поставленной им задачи и поведения противника — они обязаны были творить.

А теперь о том, что означало единоначалие в немецком понимании этого статуса начальников. Для этого рассмотрим статьи из Устава Вермахта «Вожделение войск» (перевод, к сожалению, не бог весть каков). Из этого директивного документа хорошо видно, как немцы законодательными мерами устанавливали права единоначальника и одновременно не давали этими правами злоупотреблять.

Работа командира: решение, приказ

Несколько поменяю порядок ознакомления со статьями этого Устава и начну с пунктов, говорящих о содержании работы командира. Работа любого человека заключается в оценке обстановки, принятии решения и собственно действии. Понятно, что и наиболее ответственной частью работы (рискованной по тяжести ошибок) является принятие решения. В общем, подобное содержится в уставах всех армий, но немцы излагают содержание работы командира так.

«Статья 59. Каждому решению предшествует оценка обстановки. Последняя требует быстроты умственной работы, простых и последовательных заключений и умения отделять важное от второстепенного».

Собственную оценку обстановки нужно сообщить подчиненным, чтобы они понимали, из чего исходит твое, их начальника, решение. Обращаю внимание на обязательное требование простоты заключений, их последовательности и запрет на второстепенные детали. Если говорить о сути этого пункта, то немецкому командиру запрещалось умничать! Говори только по делу!

«Статья 60. Основой решения является имеющееся задание, из которого и следует исходить: надо выяснить, что задание предписывает и как оно может быть выполнено».

Как и в других армиях, немцы ставили подчиненным задачу — как выглядит та победа, которую подчиненный обязан был одержать, чтобы воплотился общий замысел командира. Нельзя было просто сказать: «Взять деревню Ивановку». Подчиненный должен был понять свою роль и роль своей победы в общей победе, к примеру, должен был понять, что Ивановка стоит на дороге, по которой противник может перебросить резервы.

Теперь ему самому нужно было найти решение, как выиграть порученный командиром бой, и самому принять это решение. На чем должно было основываться решение? На уставах, приказах, находках военной науки?

«Статья 63. Определенное решение должно являться логическим выводом из всех соображений».

Ничего не конкретизируется — все, что знаешь, все используй для своего решения — любое свое соображение! Кстати, указав на это, устав тут же предупреждает, что нельзя обольщаться мыслью, что ты все учел: *«Решения сторон не всегда будут отвечать действительному состоянию противника. В таком случае большие шансы на успех получит та сторона, которая быстрее и искуснее использует дальнейшее выяснение обстановки, не отрываясь от однажды принятого решения, если это не вызывается необходимостью».*

Согласно принятому решению войска будут приведены в действие и вступят в бой, отказываться от решения — это терять темп, тем не менее даже подобное командирам не навязывается — если обстановка не та, что ожидалось, не неси напрасных потерь — меняй решение! То есть, если с запада взять Ивановку чревато чрезмерными потерями — поменяй решение: возьми ее, к примеру, с севера, с юга.

Далее статья 63 подробно объясняет требования к собственно действию командира — к его приказу.

«Приказ приводит решение в действие.

Ясный порядок подчинения является существенной предпосылкой для бесперебойной совместной работы всех начальников, согласование может дать отказ».

Только нисходящая линия прямых непосредственных единоначальников, и никаких согласований своих решений ни с кем — ни с контролерами, ни с инспекциями — никто не имеет права вмешиваться в твое, командира, решение, в твои права принимать решения единолично! И заметьте, в Уставе объясняется, зачем это. Не потому, что кто-то так влюбился в единоначальников, а потому, что вся система управления начнет отказывать! В бюрократических системах управления этого вообще никто не понимает.

Расспросите любого еще работающего руководителя в России о том, сколько вокруг него контролеров и инспекторов и как они «помогают» ему решить свои задачи, и вы ничего не услышите в ответ, кроме потоков сплошного мата. То, что сегодня считается системой го-

сударственного управления, ничего, кроме мата, не заслуживает, и уж, конечно, никак не напоминает немецкие армейские принципы управления.

Далее статья 63 Устава требует:

«Приказ должен содержать все то, что необходимо знать подчиненному, чтобы он имел возможность самостоятельно выполнять полученное задание. В соответствии с этим приказ должен быть кратким и ясным, определенным и исчерпывающим, приспособленным к пониманию получателя и иногда к его характеру. Отдающий приказ должен представлять себя в положении получателя приказа».

Обратите внимание на эту тонкость — нужно учитывать даже характер подчиненного — холерику желательна одно содержание, флегматику — другое. И прежде чем писать приказ, нужно мысленно поставить себя на место подчиненного. Зачем? А затем, чтобы самому понимать, исполним приказ или нет.

«Язык приказов должен быть прост и понятен. Исключая всякое сомнение ясность важнее формы. Четкость не должна страдать из-за краткости.

Ничего не говорящие выражения и обороты не годятся, так как влекут к полумерам, высокопарные же выражения притупляют подчиненных».

Вот детское воспоминание Артема Сергеева о том, чему Сталин учил его и своего сына Василия: *«Вы будете военными. А какой предмет для военного самый главный?» Мы наперебой отвечали: математика, физика, физкультура. Он нам: «Нет. Русский язык и литература. Ты должен сказать так, чтобы тебя поняли. Надо сказать коротко, часто в чрезвычайных условиях боя. И сам ты должен понять сказанное тебе. Военному выразиться надо ясно и на письме, и на бумаге. Во время войны будет много ситуаций, с которыми в жизни ты не сталкивался. Тебе надо принять решение. А если ты много читал, у тебя в памяти уже будут ответ и подсказка, как себя вести и что делать. Литература тебе подскажет».*

А теперь обратите внимание на то, как немецкая военная мысль относилась к «святости» приказа.

«Приказы должны обязывать на будущее лишь постольку, поскольку обстановка позволяет его (будущее) предвидеть. И все же часто потребуется отдача приказов вслепую.

Приказы в особенности должны воздерживаться от вхождения в детали, когда не исключается изменение обстановки прежде, чем будет приступлено к его выполнению. Это особенно необходимо иметь в виду в распоряжениях оперативного масштаба, тем более, когда приказ отдается на целый ряд дней вперед. В этом случае на первый план должен выступить основной замысел; особенно следует подчеркивать преследуемую цель. Надо дать основные указания для ведения предстоящих военных действий и отказаться от определения способов исполнения. Таким образом, приказ перерастает в директиву».

Отказаться от указания способов исполнения приказа. Бедные бюрократы! Ведь при бюрократизме подчиненный требует, чтобы приказ был как можно более подробным, чтобы способы его исполнения были как можно более детализированы, поскольку каждая подробность — это прямое указание начальника, что должен делать подчиненный, и подчиненный охотно и тупо будет это делать. А при делократизме, при единоначалии, как видите, все наоборот — *«воздерживаться от вхождения в детали», «отказаться от определения способов исполнения».*

И снова о том, что все подчиненные должны ясно понимать, чего начальник хочет, понимать, чтобы ясно представлять собственную роль в общей победе: *«В целях сохранения в тайне замысла действий следует тщательно взвесить, в какой мере и кого можно о нем осведомить. Чтобы обеспечить взаимодействие для достижения общей цели, в бою не следует бояться широко раскрывать свой замысел даже при действиях крупного масштаба. При вступлении в бой ни у какой инстанции не должно быть сомнения в том, к чему стремится начальник. Поскольку допускают обстоятельства, начальнику лучше всего уяснить подчиненным свой замысел в устном обмене мнениями».* И тут же следует запрет на попытку прини-

мать решение голосованием: *«Однако начальник не должен ставить себя в зависимость от подчиненных: принятые решения и приказ — дело его одного».*

Советы можешь слушать, чьи угодно, но любое решение — только твое, и ответственность за него ни на кого переложить не сможешь.

Насколько сильно в вопросе управления немецкая армия отличалась от Красной Армии образца 1941—1942 годов, хорошо видно из такого, в свое время вычеркнутого цензурой отрывка из воспоминаний К.К. Рокоссовского.

«Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому «каждый солдат должен знать свой маневр». И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — «изматывать противника», осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя. Это обстоятельство тревожило не только меня одного». И далее, описывая бои несколько месяцев спустя, снова об этом же: «Плохо было еще и то, что командование фронта почему-то не всегда считало обязанностью посвящать командующего армией в свои замыслы, то есть не ставило в известность о том, какая роль отводится армии в данной операции во фронтовом масштабе. В данном случае это было так».

Ну, и для полноты картины я дам и статью 78 немецкого устава.

«Статья 78. Письменные приказы, направляющие действия различных частей к одной общей цели, рекомендуются расчленять по пунктам.

Впереди надо ставить важнейшее; все, что по смыслу должно быть вместе, следует укладывать в один пункт.

Для оперативных приказов рекомендуется приблизительно следующая последовательность:

• сведения о противнике и о соседях, поскольку они имеют значение для получателей приказа;

- замысел начальника, поскольку осведомление о нем требуется при преследовании ближайшей цели;
- задания для отдельных соединений, образованных делением войск;
- распоряжения легким колоннам, продовольственному обозу, вещевому обозу, отделениям боевого питания и прочим тыловым службам, поскольку войска должны быть о них осведомлены;
- местонахождение (командный пункт) отдающего приказ и связь к нему или от него.

Что из приведенного выше следует включить в оперативный приказ, зависит от данных конкретных условий.

Сведения о противнике должны выявлять, как понимает отдающий приказ положение противника.

Предположения и ожидания следует оговаривать. Обоснование мероприятий, указываемых приказом, включает лишь как исключение. Подробные наставления и поучения на различные возможные случаи — дело не приказа, а обучения».

В целом это практически то же, что и в приказах любых армий мира, но вот такой штрих: «Боевые приказы должны быть свободны от всякого шаблона. Смотря по обстоятельствам, может быть уместным указание деления войск; однако общевойсковой начальник со вступлением в бой обязан отдавать приказы по возможности каждому непосредственно подчиненному ему по боевому расписанию начальнику».

Обстоятельства решают, должен ли быть отдан боевой приказ письменно или устно, выльется ли он в форму отдельных приказов или общего приказа. Форма распоряжений должна гарантировать необходимое взаимодействие всех частей».

Наши мемуаристы, военные историки и писатели, особенно во времена СССР, горазды были утверждать, что немцы воевали по шаблону, а у реальных немцев видите, какое было отношение к шаблонам не только в бою, но даже при написании боевых документов? Даже приказ можно было отдать в любой форме и любым способом. Да, немцы, безусловно, не отказывались от на-

работанных приемов боя и операций, если эти приемы приносили успех, и в документах у них был порядок — а зачем от этого отказываться? Только одна у них особенность, как видите: они не могли оправдать свое поражение в бою тем, что исполняли приказ (или тем, что он был «неправильно написан»), или тем, что они воевали «по уставу».

Полная свобода творчества

Теперь общие положения, но все о том же — об исключительном праве и обязанности решения принимать только самому.

«Статья 37. Из задания и обстановки вытекает решение. Если задание, как основа для действий, оказывается уже недостаточным, или если ход событий уже его обошел, то решение должно учитывать эти обстоятельства. Кто изменяет или не выполняет порученное ему задание, тот обязан донести об этом, взяв ответственность за последствия единственно на себя. Постоянно следует ориентировать свои действия в рамках целого».

Остановимся на этой мысли. Исполнить задачу, поставленную начальником, для немецкого офицера-единоначальника было мало! Немецкому офицеру разрешалось и вменялось в обязанность думать за своего начальника и решать ту же задачу, что и начальник («*Постоянно следует ориентировать свои действия в рамках целого*»), причем решать ее не тем способом, который начальник задумал, то есть немецкому офицеру разрешалось нарушать приказ в части данной в приказе задачи. Как видите, немецкому офицеру запрещалось тупить даже в творческом процессе решения той задачи, которую ему дали для творческого решения! Естественно, что риск неудачи от поправления начальника он обязан был взять на себя. Естественно, и слава от победы была его.

Но, повторю, чтобы действовать таким образом, подчиненный в немецкой армии обязан был ясно представлять себе замысел своего командира. Это общее требование далее в статье 37 подчеркивается: *«Решение должно*

направлять все силы к ясной цели». Ясно указать свою цель подчиненным — это обязанность командира.

Однако немцы понимают, что в приступе трусости или нерешительности подчиненный может метаться, меняя свои решения, а потом объяснять эти метания благими побуждениями исправления задачи начальника. Посему статья 37 продолжает: *«Основой его (решения) является сильная воля начальника. На сильнейшего волей часто выпадает успех. От однажды принятого решения не следует отступить без всяких (веских) оснований».*

Одновременно устав понимает, что и тупость, с которой решение может проводиться в жизнь невзирая на потери, тоже вредна, и предыдущая мысль смягчается: *«Но в переменчивых условиях войны упорное отстаивание решения может явиться ошибочным. Своевременное выяснение обстоятельств и момента, требующих принятия нового решения, составляет существо искусства вождения. Старший начальник должен предоставлять подчиненным ему начальникам свободу действий, поскольку (если) последняя не угрожает осуществлению его намерений».*

И тут же статья 37 заботится и о том, чтобы начальник не переложил свою ответственность на подчиненного, типа: *«Я ему задачу дал, а он ее не выполнил».* Устав требует: *«Но, во всяком случае, он (старший начальник) не должен передоверять им (подчиненным) то решение, за которое он лично является ответственным».* То есть подчиненный имеет право изменить поставленную ему начальником задачу самостоятельно, но начальник не имеет права поручать подчиненному самому ставить себе ту задачу, которую ему обязан поставить он, начальник, в свою очередь, на основе собственного решения.

И этим Уставом, и воспитанием немецкие офицеры и генералы загонялись в угол собственных действий только на основе собственных решений. Их заставляли творить! Любой бюрократизм, любой формализм, любой догматизм пресекались в документах и практике немецкого командования, пресекались неумолимой ответственностью за результат деятельности офицера и генерала, и эту от-

ветственность невозможно было переложить ни на начальника, ни на документ, ни на доктрину.

В советском «Тактическом справочнике по германской армии» 1940 года дано Введение к немецкому уставу «Вождение войск» 1933 года (выделено мною. — Ю.М.):

«Германский устав не дает практических указаний по управлению боем, считая достаточным поставить лишь общие требования принципиального характера. Учение о ведении военных действий не может быть исчерпывающим образом сформулировано в уставах; последние дают основные принципы, которые должны применяться в соответствии с обстоятельствами».

Выводы советских авторов «Тактического справочника по германской армии»: *«Устав говорит, что основа успеха — смелое дерзание. Однако тот же устав рекомендует сначала все взвесить и лишь потом идти на риск».*

И немцы готовили своих генералов и офицеров именно так — воспитывая в них самостоятельность и не давая им практических указаний по управлению боем — не менее века! Века! Помянутый русский генерал М. Драгомиров был наблюдателем при прусской армии еще во время войн Пруссии с Австрией в 1866 году. Он писал, что прусский генерал не может допустить вмешательства в свое управление войсками и если такое вмешательство последует от вышестоящего начальника, то он уйдет в отставку немедленно — он не будет нести ответственность за дурость своего командира и не допустит посягательства на свое положение творца.

К необходимости этих ста лет для создания армии я еще вернусь, и мы рассмотрим этот срок со стороны, никем не рассматриваемой. А сейчас посмотрим на Русскую (Советскую) армию.

Принципы управления русской армии

Рассмотрим нашу армию с позиций принципов управления ею.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия была кровь от крови, плоть от плоти царской императорской армии, к

тому времени уже век не имевшей побед ни над каким мало-мальски серьезным противником. Создать чисто революционную армию и по принципам управления, и по кадрам не получилось.

Помянутый наркомвоенмор Троцкий пошел по легкому, а не исключено, и по единственно возможному пути — где силой, а где посулами быстрой карьеры привлек в РККА массу царских генералов и офицеров. В период Гражданской войны в рядах Красной Армии воевало 48,5 тысячи царских офицеров и генералов, в 1919 году они составили 53% всего командного состава РККА. В Красной Армии оказалось более шестисот офицеров и генералов Генерального штаба (всего генералов около 200), из двадцати командующих красными фронтами семнадцать были кадровыми офицерами царского времени, все начальники штабов фронтов — бывшие офицеры, из ста лиц, командовавших красными армиями, восемьдесят два — бывшие императорские офицеры. Да и в Великой Отечественной войне 17 генералов (из 41), командовавших фронтами, — это все еще бывшие царские офицеры, которые уже в Первую мировую войну были в чинах от корнета до полковника.

Генералы и офицеры, служившие в РККА, не могли не внести в нее дух императорской армии, в данном случае нас интересует не дух паразитизма, а именно военная составляющая этого духа — систему управления войсками, к которой они привыкли, принципы военной службы, которым их обучали и которыми они руководствовались.

К сожалению, в Красной и Советской армиях не нашлось человека, который бы написал на эту тему «изнутри», возможно, по карьерным соображениям, возможно, наши генералы и офицеры и сегодня искренне считают эти принципы тем, что и надо армии.

А в царской армии, возможно, из-за ее поражений, такие генералы еще были. И я опишу принципы управления императорской армии, которым обучали ее офицеров, изложенные в статье генерал-лейтенанта русской армии Е.И. Мартынова. Он окончил в 1889 году Академию Генштаба, в Русско-японскую войну командовал полком

и, судя по статье, знает, о чем пишет. Кстати, о службе в РККА его биография сообщает:

«С 1918 г. в РККА, направлен в распоряжение начальника штаба Юго-Западного фронта. Гл. начальник Управления снабжений РККА (7 ноября 1918 г.), в распоряжении начальника Академии Генштаба с декабря 1918 г. Преподаватель, ст. руководитель стратегии этой академии, одновременно сотрудник-составитель Военно-исторического отдела Оргуправления Всеросглаштаба. С 1924 г. — для особых поручений в Военно-историческом отделе штаба РККА, с февраля 1925 г. — в Управлении по исследованию и использованию опыта войн штаба РККА. С 1 июля 1928 г. в отставке. После увольнения занимался переводами военной литературы. Арестован 23 сентября 1937 г. органами НКВД. Решением тройки при УНКВД СССР по Московской обл. от 29 ноября 1937 г. по обвинению в контрреволюционной агитации М. назначена высшая мера наказания — расстрел. Приговор приведен в исполнение 11 декабря 1937 г. Реабилитирован 26 ноября 1956 г. М. создал труды по военной истории, стратегии и тактике, первым осветил участие русской армии в февральской революции 1917 г.»

Не скажешь, что Мартынов вписался в РККА и клеветает на императорскую академию из верноподданных чувств перед новой властью, и это тоже причина, по которой я даю его мнение.

«В России нет высшего учебного заведения, которое было бы поставлено в такие исключительно благоприятные условия в смысле предварительной подготовки слушателей, обстановки преподавания и материальных средств, как Академия Генерального штаба.

Огромные служебные преимущества, которыми пользуются офицеры этой корпорации не только в армии, но и в других сферах государственной службы, вызывают большой наплыв желающих поступить в академию.

...Итак, Академия Генерального штаба получает в свое распоряжение хорошо подготовленный состав слушателей, проникнутых самым искренним желанием работать, совершенно спокойную обстановку для научных занятий и богатые материальные средства.

Как же пользуется она этими исключительными условиями?

Прежде всего, каждого поражает бессистемность академического препода.... Попадет туда «трудолюбивый» профессор, и на практике никто не препятствует ему искусственно раздуть свой курс, включая в него всевозможные свои «произведения» и обременяя память учащихся совершенно нелепыми деталями; нет в академии соответствующего специалиста, и самые важные отделы совсем не изучаются. Например, курс истории военного искусства в эпоху первой революции переполнен подробностями вроде следующих: «Рыже-бурая и светло-чалая лошади не принимались... в немецкую кавалерию», — «Рост лошадей указывался для шеволежерного полка от 14 фауст (0,344 фт.) 3 д. до 15 фауст, для гусарских полков от 14 фауст 2 д. до 14 фауст 3 дюймов», «В среднем на день отпускался верховой кавалерийской лошади 7,091, а военно-упряжной лошади 3,841 килограмма овса».

...Слушателей академии спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции; но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Маньчжурии более 150 тысяч человек. Занимаясь пустословием о воображаемой тактике Чингисхана и фантастической стратегии Святослава, академические профессора в продолжение целой четверти века не успели даже критически исследовать нашу последнюю турецкую войну, ошибки коей мы с точностью повторили теперь на полях Маньчжурии. Следуя раболопно и подобострастно, но без всякого смысла и рассуждения в хвосте Драгомирова, представители нашей официальной военной науки прозевали те новые приемы военного искусства, которые под влиянием усовершенствований техники зародились на Западе. По справедливому замечанию известного французского писателя генерала .....: «Русская армия не захотела воспользоваться ни одним уроком последних войн».

Вообще Академия Генерального штаба, вместо того чтобы служить проводником новых идей в войска, все время упорно отворачивалась от жизни, пока сама жизнь не отвернулась от нее».

Не могу определенно сказать, как с этим делом обстояло у французов, англичан или американцев, победивших немцев в Первую мировую войну, но, думаю, что тоже не бог весть как. В противном случае, полагаю, британский фельдмаршал Монтгомери, сам уже на тот момент немолодой (52 года), не написал бы в своих мемуарах о британской армии образца 1939 года следующие строки:

«Все высшие командные посты занимали «хорошие боевые генералы» прошедшей войны. Они слишком долго оставались на своих местах, лишь делая вид, что кто-то может претендовать на их кресла, а на самом деле никого не подпускали и близко.

...В итоге наша армия в 1939 году вступила во Вторую мировую войну великолепно организованной и оснащенной для боев 1914 года и имея во главе не отвечающих требованиям современности офицеров».

Но верну слово Мартынову:

«Однако бессистемность академической программы и отсталость отдельных курсов являются несравненно меньшим злом, чем те методы преподавания, которые господствуют в академии.

От начальника в бою главным образом требуется: здравый смысл, инициатива и твердый характер.

Все академическое преподавание, весь режим академии поставлены так, что эти редкие дары природы систематически ослабляются.

Здравый смысл затемняется схоластическим способом изложения науки. Военное искусство — дело живое и практическое, а потому теория его, вместо того, чтобы витать в облаках метафизики, должна находиться в постоянном и непрерывном общении с жизнью, должна быть краткой и понятной. В изложении талантливого, действительно знающего дело специалиста самые сложные вопросы являются простыми и понятными. Наоборот, жалкая

бездарность, соединенная с отсутствием настоящих живых знаний, обыкновенно старается свои убогие мысли облекать в труднодоступные понимаемую формы, наивно полагая, что в этом-то и заключается ученость.

Таким именно характером отличается большинство академических руководств по военному искусству: самые простые вещи расписаны на многих страницах, для доказательства очевидных истин призваны на помощь философия, психология и другие науки; часто встречаются ссылки на первоисточники и архивы, которыми авторы, безусловно, не пользовались; классификация доходит до карикатуры, сводя изложение каждого вопроса к бесчисленному множеству искусственно придуманных пунктов.

Например, вот как излагается в академическом учебнике простой и совершенно понятный вопрос об организации войск:

«Свойство природы боя, как явления стихийно-волевого, значение между орудиями, элементами боя — человека, господство его в серии этих элементов, огромное преобладающее значение и влияние в бою морального элемента, духовной стороны главного орудия боя человека — все это, в общей совокупности, указывает, что духовно-волевая сторона человека, как единичного, так и массового, должны лечь в основание всех вопросов воспитания и обучения, а равно и вопроса составления коллективной единицы человека, то есть в организации массового человека, масс, в организации отрядов, то есть вообще во всех вопросах организационных»».

Давайте прервем Мартынова и вспомним немецкий Устав: «приказ должен быть кратким и ясным, определенным и исчерпывающим, приспособленным к пониманию получателя и иногда к его характеру. ...Язык приказов должен быть прост и понятен. Исключающая всякое сомнение ясность важнее формы. Четкость не должна страдать из-за краткости. Ничего не говорящие выражения и обороты не годятся, так как влекут к полумерам, высокопарные же выражения притупляют подчиненных».

То, что подобное многословие ведет к тупости подчиненных, видел и Мартынов:

«...Подобный схоластический метод преподавания приносит неисчислимый вред, потому что приучает будущего офицера Генерального штаба подходить к решению каждого практического вопроса не прямо и просто, а посредством разных сложных умозаключений. Вместо практических деятелей он воспитывает доктринеров, которые для военного дела несравненно опаснее круглых невежд.

Затем второе качество, необходимое для начальника на войне, — сознательная, не боящаяся ответственности инициатива безжалостно подавляется в академии.

Отвечая на экзаменах, офицер должен точно придерживаться учебника; высказать какой-нибудь самостоятельный взгляд, противоположный взгляду профессора, гораздо опаснее, чем совсем не знать вопроса.

Даже при разработке так называемых тем (предполагающих самостоятельный труд) офицер поставлен в необходимость думать не о составлении по исследуемому вопросу своего собственного мнения, а о том, чтобы как-нибудь не разойтись во взглядах со своими оппонентами, что столь легко в такой неточной области знания, как военное искусство. Тема готовится специально для известных оппонентов. Если оппоненты меняются, то она немедленно переделывается зачастую в диаметрально-противоположном смысле.

Самый разбор тем совсем не имеет характера научного собеседования, а скорее похож на те замечания, которые придирчивый начальник делает своему подчиненному после строевого смотра. Оправдание еще иногда допускается, но возражение считается нарушением дисциплины».

Ну и сравним эти традиции русской армии с требованиями немецкой, которая требует: *«Старший начальник должен предоставлять подчиненным ему начальникам свободу действий, если последняя не угрожает осуществлению его намерений».* И пользуясь этой свободой, подчиненный имеет право и обязан: *«Если задание, как основа для действий, оказывается уже недостаточным, или если ход событий уже его обогнал, то решение должно учитывать эти обстоятельства. Кто изменяет или не выполняет порученное ему задание, тот обязан донести об этом, взяв ответ-*

ственность за последствия единственно на себя». Мартынов продолжает:

«Наконец твердость характера — третье основное качество для будущего боевого начальника — расширяется гнетом того полицейского режима, который господствует в академии.

Для офицера, обучавшегося в академии, не только начальник ее, но и делопроизводитель по учебной части, профессора, штаб-офицеры, преподаватели, отчасти даже выслужившиеся из писарей чиновники, — все это было начальство, от которого в известной степени зависела будущность. В отношениях административного и учебного персонала к учащимся проявлялась чрезвычайная грубость, такое хамство, которое возмущало даже нашего забитого, неизбалованного особой куртуазией армейского офицера. С этим дисциплинарным гнетом была крепко связана система негласного надзора, доносов и анонимных писем. Одним словом, академия моего времени представляла какое-то причудливое сочетание дисциплинарного батальона с иезуитской коллегией.

С тех пор некоторые частности изменились, но люди опытные говорят, что далеко не всегда в лучшую сторону».

А изменилось ли что-то в лучшую сторону в Академии Генштаба Красной Армии, остальных военных академиях и, соответственно, в самой армии? Ведь на 1 января 1941 года даже в среде командного, а не штабного состава выпускники академий занимали 52% должностей командиров корпусов, 40% командиров дивизий, 14% командиров полков и 2% командиров батальонов.

Эффективность военного обучения

Далее Мартынов от обучения переходит к результатам этого обучения, ведущегося в полном соответствии с требованиями бюрократического управления.

«Каждый из крупных военных начальников имеет особый штаб, с помощью которого он управляет войсками. При нормальных условиях работа распределяется следующим образом: штаб собирает все необходимые сведения о

местности и противнике; на основании этого начальник принимает известный план действий; штаб разрабатывает этот план в деталях и затем, в целом ряде распоряжений, передает волю начальника войскам. Таким образом, на долю штабов выпадает, главным образом, техника военного искусства.

В столь практическом деле, как война, значение этой техники огромно. Неумело произведенная разведка, неправильно составленный расчет походного движения, неточность в редакции приказаний, ошибки в организации сторожевой службы — каждая из этих технических частных при известных условиях может погубить самый лучший план. Хороший штаб должен работать без суеты и трений, с точностью часового механизма.

Для этого от офицеров Генерального штаба требуются не только обширные и разнообразные знания, но также серьезная предварительная практика в «возведении войск» как на театре войны, так и на поле сражения.

Эта практика должна выработать в них известный навык, своего рода рутину. В самые критические моменты войны офицер Генерального штаба, даже отвлекаемый другими вопросами, должен совершенно машинально, как бы рефлексивно, принять меры для обеспечения флангов, установления связи, организации донесений, прикрытия обозов и т. п.

Таковы те требования, которые война предъявляет к Генеральному штабу, а между тем у нас никто его не готовит к этому. Обычная служба офицеров Генерального штаба не только в центральных управлениях, но и в войсковых штабах сводится к бюрократической, даже просто канцелярской переписке, не имеющей ничего общего с военным искусством. Маневры крупными частями чрезвычайно редки и дают, особенно в смысле штабной службы, ничтожную практику. Тактические занятия и полевые поездки сведены к простой проформе. Военная игра применяется чрезвычайно редко и преследует совсем другие цели.

Итак, деятельность мирного времени совершенно не подготавливает наш Генеральный штаб к тому, что ему придется делать на войне.

...До сих пор одно лишь свойство могло испортить нормальную карьеру офицера Генерального штаба: это — «самостоятельность». Начальство боялось «независимых и талантливых людей», а некоторые товарищи (особенно из бездарных академических профессоров) устраивали им форменный бойкот.

Так обстояло дело в Генеральном штабе до последнего времени, что будет дальше, пока неизвестно.

...Что касается академии, то она имела на сухопутном театре войны четырех представителей: первый из них командовал дивизией, тотчас же по прибытии бежавшей под Ляояном, что было одной из главнейших причин потери этого сражения; второй, будучи профессором тактики, исполнял во время войны чисто канцелярские обязанности, для чего можно было назначить любого статского советника; третий (нужно думать — лично совершенно неповинный) тем не менее, по своему служебному положению, является одним из ответственных лиц за организацию беспорядка на правом фланге нашей армии во время несчастного сражения под Мукденом; про четвертого (насколько правильно — не знаю) такой бесспорно боевой генерал, как Церницкий, говорит — «был здесь светило нашей академии Генерального штаба, оказавшийся совершенно бездарным трусом [...], в конце концов его никто не хотел держать в отряде, и он возвратился в Петербург, где тотчас же был произведен в генералы и начал насаждать свою бездарность и пошлость».

Что касается главных академических схоластиков, то они остались в Петербурге и под гром наших поражений продолжали по-прежнему читать свои жалкие безжизненные курсы».

Надо сказать, что единственные, кому принятое у нас военное образование давало и дает много, — это преподаватели. Ни тебе ответственности за солдат, ни учений, ни маневров, ни дежурств, ни дальних гарнизонов, зато награды легко доступны, и числишься ты таким же «защитником Родины», как и настоящие защитники.

Читая «Справочную книжку офицера» за 1913 год, помню, умилился тому, как царь распределял награды.

Дело в том, что в мирное время ордена давались по определенным правилам, учитывающим чин, иногда должность, общее время беспорочной службы и время после вручения очередного ордена. Это еще как-то можно понять. Однако ордена давались, не исходя из количества офицеров, которым они уже полагались по этим правилам, а по норме — по разнарядке: ежегодно награждался орденом один офицер из нормированного количества. И разнарядка была такова.

Все генералы, штаб- и обер-офицеры *«управлений и штабов»* ежегодно награждались из расчета один награжденный на 6 человек; в *«военно-учебной и учебной службе»* — 1:8; генералы и офицеры *«пехотных, кавалерийских, казачьих, иррегулярных войск, инженерного и артиллерийского ведомства, военные врачи»* и т. д. — 1:12, *«гражданские чиновники управлений и штабов»* — 1:20.

Как видите, уже при царе все было построено так, чтобы служить было выгодно в Петербурге при штабе или преподавателем в училище, а не на фронте, не в строевой части. А в штаб и преподавателем без диплома не возьмут — вот круг и замкнулся. Теперь ответьте сами себе на вопрос: могли ли люди, действительно собирающиеся защищать Отечество, придумать такие нормы наград, при которых офицеры, служащие в полках, награждались вдвое реже «штабных» и в полтора раза реже — преподавателей?

Довольно интересным является и мнение о ценности военного образования, как такового, невольно высказанное британским фельдмаршалом Бернардом Монтгомери. Он провоевал обе мировые войны, закончил карьеру начальником Генштаба Британской империи и посему, повторю, человек в военном деле далеко не случайный. Судя по его мемуарам, британское военное образование являло собой нечто среднее между германским и русским (советским). У британцев, в отличие от немцев, как и в России, были военные учебные заведения, но обучение в них было гораздо короче.

К примеру, после окончания школы Монтгомери поступил в военное училище Сандерхерст. В России и до-

военном СССР его учили бы два года, но в Сандерхерсте учили год (Монтгомери учился полтора, так как хулиганствовал). Первую мировую войну Монтгомери закончил в должности начальника штаба дивизии и после войны поступил в штабной колледж в Кэмберли — что-то вроде нашей Академии Генштаба, но только вроде.

Интересно, что рассказ о поступлении в этот колледж Монтгомери предваряет чем-то наподобие оправдания тому, почему он на это решился. Он написал. *«До этого момента моей карьеры я не изучал теории своей профессии; за моими плечами было четыре года войны, но никаких теоретических знаний в основе этого опыта. Я читал где-то высказывание Фридриха Великого по поводу офицеров, полагающихся только на свой практический опыт и пренебрегающих наукой; говорят, будто он сказал, что у него в армии есть два мула, которые прошли сорок кампаний, но они все равно остались мулами».*

Во-первых, Фридрих II под изучением теории не имел в виду обучение в каком-либо военном учебном заведении. Во-вторых, даже если Фридрих II это и сказал, то тогда он сказал явную глупость. Поскольку полководец обязан все же отличаться от мула. Затем, мулу можно было бы в академии сорок лет рассказывать теорию военного дела, но он и после этого остался бы мулом. И, наконец, если полководец провел сорок кампаний, но не понял того, что объединяет воедино результаты его дела, т.е. не понял теории своего дела, то он действительно мул. Поскольку любой мало-мальски толковый практический работник обязательно является и теоретиком своего дела — он понимает, зачем и почему нужно делать так, как он делает. Видимо, и Монтгомери это понимал, раз уж решил оправдаться в том, почему он решил учиться.

Между тем в Кэмберли, в этой британской Академии Генштаба, обучали не как в России (и СССР) — не три года, а всего год. И обучали не профессора, а полководцы, отличившиеся в войну и имевшие склонность к преподавательской работе.

Далее Монтгомери воюет на штабных должностях в Ирландии, а затем сам преподает в штабном колледже и

пишет учебник для офицеров пехоты. По нашим меркам он теоретик, у нас он был бы доктором военных наук и профессором и обязательно разглагольствовал бы о том, что «культурный генерал и даже офицер невозможны без академического военного образования», тем более утверждал бы, что офицеры штаба невозможны без получения ими образования в Академии Генштаба. Но вот что Монтгомери пишет о реальных офицерах своего штаба времен Второй мировой войны (выделено мною):

«Под руководством Де Гингана штаб 8-й армии превратился в великоленную команду. Я всегда очень верил в молодость с ее энтузиазмом, оптимизмом, оригинальными идеями и готовностью следовать за лидером. Наш штаб в основном составляли молодые, многие из них не были солдатами по профессии. Единственным необходимым условием для работы в моем штабе являлась способность делать свое дело; не имело значения, служит человек в регулярной армии или он призван во время войны.»

Во Вторую мировую войну лучшими офицерами отделов разведки штабов являлись гражданские; их головы, казалось, были наилучшим образом приспособлены к такого рода работе, обученные в «нормах доказательственного права», с богатым воображением и развитой креативностью, и Билл Уильямс возвышался над всеми ними.»

Командовавший вьетнамскими войсками в победных войнах Вьетнама над Францией, а потом и США, генерал Во Нгуен Зиап по имевшемуся у него образованию — учитель истории.

Вот вам и ценность военного образования. В мирное время окончание военной академии дает возможность быстро делать карьеру, к примеру, в царской армии до Первой мировой офицер, окончивший Академию Генштаба, становился командиром пехотного полка в 46 лет, а без этого образования — в 53 года. А во время войны, как вы видите на примере британской армии, даже штабные должности прекрасно исполняют гражданские лица и молодые офицеры. Так чего стоит образование Академии Генерального штаба?

И вывод отсюда следует немецкий — тот, кто стремится узнать, как уничтожить врага, тот узнает это и без

профессоров академии, а профессора и дипломы по большей части нужны тем, кто стремится как можно больше денег содрать с общества в мирное время, включая и самих этих профессоров. Да так, собственно, обстоит дело во всех областях деятельности человека.

Академия Генштаба РККА

Все же надо хоть что-то сказать и об Академии Генерального штаба РККА.

Замечу, что особенностями русского (советского) военного образования и воспитания является и то, что никто из участников Великой Отечественной войны не вспоминает ни одного случая, когда бы это образование ему потребовалось хоть в каком-нибудь бою. Я также не встречал, чтобы кто-либо из военных оценил ценность этого образования, безразлично как: обругал бы его или похвалил не вообще, а применительно к какому-либо бою. Что-то с этим нашим военным образованием странное происходит — оно на бумаге как бы есть, но в практике оно как бы никого и не волнует.

Вот чуть ли не с восторгом вспоминает о своем академическом образовании маршал И. Конев:

«Условия для учебы были отличные. Нас обучали лучшие профессора и преподаватели военной академии. Политика В. И. Ленина сохранила для Красной Армии кадры офицеров и генералов старой русской армии, у которых мы многому учились.

...В академии отлично читал лекции по тактике профессор Верховский, бывший военный министр в правительстве Керенского. Интересны и полезны были лекции по стратегии профессора Свечина. Я учился в группе профессора Лигнау, большого знатока пехоты.

...Советская военная мысль уже тогда, в предвоенный период, решала ряд актуальных задач. И как выяснилось в ходе Великой Отечественной войны, она правильно определяла характер предстоявшей вооруженной борьбы, ее формы и способы.

...Хочется отметить две особенности учебы в академии тех предвоенных лет: взлет теоретической мысли и ее реализм».

А о чем конкретно идет речь? Ведь это общее бла-бла-бла. А в результате маршал Конев даже к написанию мемуаров в 60-х годах не имел представления, к примеру, о том, как действуют кумулятивные снаряды, которые немцы уже применяли в боях с 1940 года. Зато, как вспоминает генерал-полковник Г. Байдуков, командовавший авиадивизией в составе Калининского фронта, которым командовал И. Конев: *«...вызвали на Военный совет фронта. Прибыли. Из избы выходит Матвей Захаров, начальник штаба, будущий маршал Советского Союза, вытирает кровь из носа: «Ударил, сволочь!»* Да, бить в морду своего начальника штаба — это, конечно, большой взлет теоретической мысли и безусловный ее реализм. Но какое это имеет отношение в умению выиграть бой? Кстати, М. Захаров окончил академию Генштаба в 1937 году, и ему в Москве за полученные в академии военные знания хорошие оценки ставили. А тут Конев на фронте дал этим академическим знаниям оценку кулаком в морду. Примечательная разница.

Возьму еще несколько цитат, описывающих, что давали академии РККА, но теперь из мемуаров С. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны»:

«К тому времени Академия Генерального штаба уже прочно встала на ноги. Создание этого высшего военно-учебного заведения было велением времени. Красная Армия, во всех отношениях вполне современная, не имела еще в необходимом количестве кадров с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Вплоть до 1936 года командный состав оперативного звена готовился только на одногодичном факультете Академии имени М.В. Фрунзе. До поры до времени это было хорошо. Но во второй половине тридцатых годов жизнь настоятельно потребовала наладить более массовую и глубокую подготовку руководящих военных кадров. К тому же надо было развивать теорию оперативного искусства, чем Академия имени М.В. Фрунзе из-за своего профиля в должных размерах заниматься не могла».

Ну как же без теории военного искусства! Ну и чему учили?

«Особой, как мне кажется, популярностью пользовался в нашей слушательской среде Дмитрий Михайлович Карбышев, ученый-инженер, умевший преподнести свой, казалось бы, «сухой» предмет очень остроумно, оригинальными и простыми методами помогавший нам запоминать сложные технические расчеты. На всю жизнь запала в память его практическая формула расчета сил и средств при оборудовании позиций заграждениями из колючей проволоки...»

А в полку во время службы вам эту формулу колючей проволоки не могли дать?

«Более строгими по тону, я бы сказал, более «академичными», но столь же глубокими, содержательными были лекции Г.С. Иссерсона по оперативному искусству и стратегии, а также лекции по тактике высших соединений, которые читал А.В. Голубев. Добрую память оставили о себе и такие талантливые преподаватели, как А.В. Кирпичников, В.К. Мордвинов, Е.А. Шиловский, С.Н. Красильников. Все они отлично знали предмет и были великолепными методистами.»

А что узнал-то у них?

«Очень сильным оказался в академии и состав военных историков. Они умели строить свои лекции таким образом, что слушателям была ясно видна не только общая линия развития армий и способов военных действий, но и то, что с пользой можно взять из прошлого для современности. Особенно выделялся в этом отношении В.А. Меликов, читавший историю Первой мировой войны и буквально влюбленный в нее...»

Опять все те же походы Святослава на Византию?

«С таким же жаром читалась история русско-японской войны профессором Н.А. Левицким. Он свободно излагал материал и так же покорял слушателей подробностями и перипетиями сражения или боя, воссоздавая зримую картину борьбы воли и ума военачальников.»

А сами красные командиры, взяв соответствующую книгу, не могли прочесть об этом? Буковок не знали, им надо было устно это рассказывать?

«Среди преподавателей встречались и наши сверстники, равные с нами в званиях. Например, майор И.С. Глебов преподавал артиллерию, подполковник К.Ф. Скоробогаткин — химдело. Оба они окончили эту же академию в том же 1938 году. А начальниками групп и нашими руководителями по тактике были полковники И.Х. Баграмян, В.В. Курасов, А.И. Гаспилович. И надо сказать, что уже в то время чувствовалась незаурядность этих людей. Среди слушателей они пользовались всеобщим уважением, во-первых, за свои знания, а во-вторых, за разумное сочетание высокой требовательности с товарищеским отношением к нам».

Кстати, полковник И. Баграмян в должности начальника оперативного отдела Киевского Особого военного округа и подготовил тогдашнему командующему этого округа Г. Жукову тот пресловутый доклад на декабрьском 1940 года совещании, в котором Жуков для прорыва обороны требовал 7 солдат на погонный метр фронта и 8 тысяч боевых самолетов. Такому вот «оперативному искусству» учили в академии.

«С чувством твердой уверенности в нашей силе выезжали мы на маневры. Неожиданная командировка пришла нам по душе. Она сулила интересную практику в применении знаний, приобретенных за год учебы. В поезд на Киев садились все в приподнятом настроении».

А во время службы в войсках в маневрах нельзя было участвовать?

«Проучились мы еще несколько месяцев, и снова вызов в Генштаб. Началась Советско-финская война. Большую группу слушателей академии взяли на усиление Оперативного управления Генерального штаба. В их числе оказался и я.

Весь следующий день, как правило, занимались в академии, а вечером опять на сутки заступали дежурить в Генштабе. Доставалось крепко, но мы не роптали: дело интересное и к тому же война! Мы были молоды, полны сил, и все казалось нам нипочем».

Но ведь это учеба в реальном деле, при чем тут академия? И кстати, тут же выяснилось, что в академии учили не тому.

«На академии заметно стали сказываться выводы, сделанные высшим командованием из опыта только что закончившейся войны. Была значительно поднята дисциплина. Из учебного процесса изымалось все отжившее, устаревшее. Особый упор делался на полевую выучку, на разработку сложных форм операции и боя, умение организовывать взаимодействие войск. Воспитательная работа перестраивалась таким образом, чтобы формировать командиров, готовых к любым испытаниям. Пришлось подтягиваться до уровня новых требований. Все мы понимали, что это необходимо и очень поможет в нашей последующей службе в войсках, где вся система боевой и политической подготовки пересматривалась и приспособлялась к тому, что нужно на войне».

Но и тут ничего, кроме общих слов.

«После Советско-финской войны — 12 марта 1940 года слушатели Академии Генштаба опять вернулись к нормальной учебе. Наш курс на месяц выехал в Винницу, где на местности отрабатывались различные оперативные и тактические задачи, а также вождение колонн. В последнем случае слушателю указывался определенный маршрут, как правило, по проселочным дорогам, и он обязан был провести по нему воображаемую колонну, фактически обозначенную только одной машиной. Ездили обычно ночью. Ведущий сидел с шофером в кабине, а остальные — в кузове автомашины, готовые к смене ведущего».

Ориентироваться по карте на местности — это единственное нужное офицеру дело, о котором вспомнил Штеменко, но разве этому нельзя было научиться во время службы в войсках? В детстве при сборе макулатуры нашел в ее развалах «Учебник сержанта» (как-то так называлась эта старая книжка), из него узнал множество интересного для мальчишки, до сих пор помню, к примеру, что там было, как ориентировать карту и определять стороны света по часам, если утерян компас. Но в любом случае, если сержантов уже учили водить войска по карте, меня на военной кафедре этому учили, то зачем этому учить еще и в академии? И, главное, а что толку?

Вот о результатах обучения в академии водить колонны написал сам Штеменко:

«Не успел поужинать, как Злобин вызывает к себе.

— Надо несколько изменить задачу Шепетовской группе войск. Показал по карте, в чем состояло это изменение. Сообщил, что штаб группы находится в Ровно. Вручил запечатанный пакет с письменным распоряжением. Напоследок напомнил:

— Изучите хорошенько маршрут. Возьмите на пограничной заставе надежного проводника и охрану. На месте надо быть к утру.

Выехал я на фордике и вскоре прибыл в Славуту, в погранотряд. Оттуда меня сопроводили до заставы, а там в мое распоряжение был выделен в качестве проводника старшина с пулеметом. Второй ручной пулемет дали мне самому и вдобавок еще наделили каждого тремя гранатами. Предосторожность не лишняя! По дорогам бродили разрозненные группы гусаров, а то и просто бандиты.

Старшина, не теряя времени, приладил впереди пулемет и уселся рядом с шофером. Я со своим пулеметом устроился сзади. Границу проехали уже в темноте, и тут выяснилось, что мой проводник знает дорогу только на 3—4 километра за рекой Горынь. Дальше ехали по карте и вскоре заблудились. Я помнил маршрут наизусть. Однако на местности дорог оказалось вдвое больше, чем на карте. К тому же — ночь. Выберешь, кажется, верный путь, едешь-едешь и вдруг упираешься в какой-нибудь темный и словно бы заброшенный хутор. Кругом ни души.

Времени у меня оставалось в обрез. Положение складывалось неприятное: можно было запоздать с доставкой пакета. Мы привыкли у себя в СССР к большим деревням, где всегда найдешь знающего дороги человека. А здесь — ни деревень, ни людей.

Решил все-таки отыскать кого-нибудь на хуторах и расспросить, как добраться до Ровно. Подъехали к одному хутору. На наши крики и стуки никто не ответил. Поехали к другому, заметив в окне тусклый огонек. Но едва мы приблизились, огонек погас. Перед нами — высокий забор, громадные ворота, рубленый дом, как крепость, с одним только окном на улицу.

Постучали. Молчок. Еще раз стукнули. Ответа нет.

— Лезем в окно, — приказал я старшине.

Окно открыли. Осветил комнату фонариком, в ней никого нет. Стали звать. Опять ни звука.

Но влезть в окно мы не успели: на пороге комнаты появился старый дед и молча поднял вверх трясущиеся руки.

Польский язык я знал плохо — только одну зиму посещал кружок при Доме Красной Армии 3-й кавалерийской дивизии имени Котовского. Да и было это давненько — в 1931 году. Попытался собрать в памяти полузабытые польские слова. Как нарочно, вспоминались не те, что требовались. С грехом пополам все же объяснил деду, что мы ищем шлях на Ровно.

Дед немного успокоился. Заговорил быстро-быстро, мешая украинскую речь с польской, размахивая руками. Он не понимал карты, я не понимал деда, а время шло.

Попросил деда поехать с нами. Тот полез почему-то в окно. Мы со старшиной подхватили его под руки, усадили в машину и минут через сорок, после замысловатых петель по лесу, выехали все-таки на Ровенское шоссе. Деда высадили. Он принялся кланяться и благодарить нас, а мы его».

Таким образом, на практике старый дед заменил собой и то небольшое полезное, что давала Академия Генштаба. И, между прочим, до появления дешевых навигаторов мало что изменилось. Вот настоящий анекдот, рассказанный с десяток лет назад офицером уже Российской армии. «Народная примета: если в деревню заехала колонна военных автомобилей, из нее вышли офицеры и начали рассматривать карту, то, значит, сейчас они начнут у крестьян расспрашивать дорогу».

А вот на ту же тему случай, как говорится, со смехом сквозь слезы. Во время контрнаступления под Москвой 1941 года командиру 1-го кавалерийского корпуса генералу П. Белову была придана 415-я стрелковая дивизия («сибирских стрелков»), которая воевала под Москвой уже два месяца. Белов наступал практически без артиллерии, поэтому стремился это делать ночью. За 16 ноября 1941 года запись в дневнике Белова: «415-я сд наступает правее, но что делается в этой дивизии, никто не знает. Ни командир, ни штаб дивизии не могут органи-

звать управление боем. Однако один заблудившийся полк 415-й сд, случайно, ночью вошел в одну деревню (Тростье), в которой оказался штаб 55-го пехотного полка немцев, и разгромил этот штаб». Заблудившийся! Надо же, как кадровые офицеры РККА знали то, что без затрат материальных средств и сугубо в служебное время могли и обязаны были выучить до войны так, «чтобы от зубов отскакивало»!

Сам генерал Белов, надо сказать, своей инициативой и умением воевать доставил в Великую Отечественную войну столько обидных неприятностей немцам, что он остался в дневниках начальника немецкого Генштаба Ф. Гальдера самым упоминаемым советским генералом — до окончания дневника осенью 1942 года Гальдер о Жукове не упоминает ни разу, а о Белове и его 1-м кавалерийском корпусе — 11 раз! Белов окончил все необходимые академии и, надо думать, реально представлял ценность полученных в этих академиях знаний. И вот такая его телеграмма: *«Главкому Жукову — 8.5.42 г. Командир 2-й гкд генерал Осликовский не выполнил моего приказа о вылете ко мне. Затянув дело с отлетом, он, видимо, добился зачисления в Академию ГШ. Прошу нарушить мирную жизнь Осликовского и выслать его ко мне командовать дивизией».*

Слов из песни не выбросишь — во время войны различного рода учебы в тылу давали на время уклониться от фронта, в этом плане академическое образование было ценностью, и Белов, как видите, именно так его и рассматривал — как уклонение от исполнения воинского долга.

Но вернемся к запискам Мартынова.

Страх войны

В дальнейшем рассказе Мартынов лишь вскользь задел очень важный аспект, который военной кастой во все времена практически единодушно замалчивается, — страх. Поскольку мы речь ведем о военном деле, то сразу представляется страх смерти. Нет, этот страх, скорее

всего, тоже есть, но в данном случае речь идет о совершенно другом страхе.

Вот вы, возможно, сталкивались с бюрократами или видели их действия в кино. Обычно человек подчиненный или посетитель с проблемой и даже с вариантом ее решения приходит к бюрократу, обязанному эту проблему решить. Единственно, эта ваша проблема не описана в инструкциях. Причем этот бюрократ вне службы может быть абсолютно нормальным и приятным человеком, мало этого, лично храбрым. Бюрократ выслушивает, кивает головой, сочувствует, казалось бы, абсолютно согласен с тем, о чем вы говорите: понимает важность решения проблемы и пути решения, которые вы предлагаете. После чего отказывается решать эту проблему, ссылаясь на какие-то пункты инструкций или приказов своего начальства. Что происходит с этим хорошим человеком?

Бюрократ, зная инструкции, но не зная дела, на самом деле не понял, о чем вы ему рассказали или написали, и БОИТСЯ принимать собственное решение, поскольку не может оценить, чем оно закончится — благодарностью от начальства или нагоняем? Незнание дела вызывает страх перед ним — страх его решать. А поскольку решения это результат работы, то страх работать.

В армии положение еще хуже, поскольку там есть периоды мирного времени, когда настоящего дела у системы управления нет. Да, и в этой, абсолютно обююрокращенной армии мирного времени офицеру и генералу тоже надо многое знать — как ответить начальству (как говорится, кого лизнуть, а на кого гавкнуть), как провести учения, парады, как выслужить очередной чин, как изъять из государственной казны деньги в свою пользу и многое-многое другое, позволяющее успешно делать карьеру, чтобы, в конце концов, покинуть армию с богатой пенсией.

Но вот начинается война. И как быть такому профессионалу? Он, к примеру, прекрасно знал, как провертеть карандашом дырки в мишенях, чтобы на учебных стрельбах показать начальству, как метко стреляют солдаты его дивизии. А с реальным врагом что ему делать?? И у офицеров и генералов обююрокращенной армии возни-

кает страх войны. Вот генерал Мартынов по итогам Русско-японской войны пишет:

«...Несколько лет тому назад на больших маневрах некий генерал Генерального штаба, известный еще раньше своей бездарностью, будучи начальником штаба одной из маневрировавших армий, обнаружил совершенное незнание дела. Присутствовавший на маневрах начальник Главного штаба выразился, что за такие действия ему стыдно перед иностранными военными агентами. Тем не менее вскоре после маневров сей генерал был произведен в следующий чин и получил дивизию. Затем, когда несколько месяцев спустя его дивизия была мобилизована для отправления на войну, то он просил освободить его от командования». Скорее всего об этом же генерале пишет и военный министр России (1905—1909 годы) А.Ф. Редигер: «Поппена я знал по его службе в Генеральном штабе в Петербургском округе — благовоспитанный балтийский немец, со средствами, всегда элегантный, он производил на меня впечатление добросовестного, но довольно ограниченного работника. До войны он командовал дивизией в Киевском округе. Дивизия его была мобилизована для отправки на Восток, но Поппен заявил, что он по болезни глаз в поход идти не может...»

А вот 1941 год вспоминает маршал К. Рокоссовский на страницах своих мемуаров, вычеркнутых цензурой:

«КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: «Что же делает ПВО?.. Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразие!» Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным. С таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д.Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 г. он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его».

Рокоссовский вспоминает даже такое: «Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20-й тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, — извещалось в ней, — вынудило меня к самоубийству».

И чтобы избежать подобного страха, немцы и потратили сто лет на воспитание своей армии, и не только на воспитание бесстрашия к войне.

Военная мафия

К Сталину, как главе страны и Верховному Главнокомандующему, и у исследователей, и у любителей много вопросов: почему? Почему назначил этого генерала, а не другого, почему не реорганизовал армию так или иначе? И вопросы порою вполне здравые. К примеру, почему генералы, показавшие в войне полную полководческую бездарность, не были отправлены в отставку и даже

стали Героями Советского Союза, как, скажем, генералы Соколовский и Гордов? Почему, скажем, бросившие защитников Севастополя и удравшие из Крыма генерал Петров и адмирал Октябрьский не потеряли свои должности за трусость, а стали Героями Советского Союза?

Дело в том, что в любой большой организации руководитель, даже абсолютный диктатор, бессилён, если он задумал завести в этой организации порядки, которые не нравятся большинству членов этой организации. Для этого нужно время и сильная опора внутри организации в виде сторонников новых порядков. Если этого нет, то любые попытки реорганизовать организацию встретят саботаж и, не исключено, ответные действия в самой отвратительной форме. Никколо Макиавелли, умнейший исследователь принципов управления людьми, очень кратко, но абсолютно точно пояснил внутренние причины этого:

«А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне — законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности».

Особенно непросто завести новые порядки в армии, причем даже такие, которые мало что определяют. Возьмем такой пример. Все, в том числе и генералы, понимают, что карьеру в армии должны делать самые способные. А как определить способных? Можно по форме, а можно по содержанию. По содержанию это те, кто одерживает победы в бою. А по форме? А по форме это те, кто имеет лучшее образование. Что сложнее: одержать победу в бою или получить образование? Ответ понятен, и по-

нятно, что наша армия руками и ногами будет цепляться за существующее уже 150 лет военное образование, как бы вы это образование ни критиковали.

Вот такое подтверждение этого вывода. Обладатели российского и советского высшего академического военного образования потерпели целый ряд разгромных поражений от немцев и в Первой мировой войне, и во Второй. И напрашивается вывод — если мы перенимали у немцев образцы оружия и их тактику, то не перенять ли нам и систему их военного образования? Скажем, методику преподавания в их военных училищах и академиях? Так вот, об оружии немцев и их тактике и стратегии написаны тысячи трудов со всевозможнейшими подробностями. Мы уже знаем, что 37-мм противотанковая пушка немцев имела неофициальное прозвище «дверная колотушка», а короткоствольная танковая пушка — «окурок». Во, как глубоко мы копаем во всех подробностях той войны! А вот о военном образовании немецкой армии — о том, где и как немцы обучали своих офицеров и генералов, — неизвестно практически ничего! Это самая большая тайна отечественной военной истории. И эта тайна обеспечивает безбедное существование всей системе нашего военного образования. А это очень немало генералов и офицеров на непыльной работе с хорошим доходом, да еще и обеспечивающих остальных генералов и офицеров справками для карьерного роста.

Особенно тяжело завести в армии новые порядки, не воспринимаемые системой, во время войны. И дело не в том, что диктатору страшно за свою жизнь, дело в том, что недовольные генералы могут предать и перейти на сторону врага. И это будет только дуракам казаться, что генералы предадут диктатора, на самом деле они предадут народ. Не верите в предательство генералов? На том свете спросите об этом Саддама Хусейна и Муамара Каддафи.

Не хотите ждать этой беседы с покойными диктаторами? Спросите конгрессменов США о причинах их странного поведения в известных событиях 11 сентября 2001 года. Напомню, сразу после терактов, на фоне всеобщих требований к Конгрессу расследовать эти события

и выяснить, кто совершил теракты, конгрессмены США получили по почте конверты со спорами сибирской язвы. Началась паника, Конгресс США впервые в своей истории прервал работу и сбежал из Капитолия. Спустя некоторое время выяснилось, что это споры штамма сибирской язвы, находящегося на вооружении армии США. Спросите, почему конгрессмены не расследовали, кто послал им эти споры, и какое отношение к этим посылкам имеет армия США? Ведь особенно жестоко сражается система, если реорганизация угрожает посягнуть на должности и доходы руководящего состава системы, как Конгресс США накануне терактов 11 сентября попытался посягнуть на сокращение расходов на армию и спецслужбы США.

Вернусь к рассказу Мартынова и Редигера о русском генерале Поппене, отказавшемся идти на войну с японцами. Редигер сообщил и отношение к Поппену самого крутого диктатора — российского самодержца Николая II: *«Военный министр Сахаров мне рассказал, что государь приехал благословлять в поход бывшую дивизию Поппена, которой тот еще не сдал. Поппену, стоявшему на правом фланге, государь не подал руки»*. Казалось бы, при таком отношении царя к поступку Поппена — разжаловать и в штрафной батальон! Но нет, Мартынов пишет: *«Ничуть не бывало, ему тотчас же дали другую дивизию, оставшуюся в России!!! Мало того, как нам известно, этот генерал, доказавший свою бездарность, полное незнание дела и отсутствие чувства долга, был зачислен кандидатом на высшую должность, которая по идее должна предоставляться лишь выдающимся офицерам Генерального штаба.... Такого рода факты происходили и во время войны — генералы Генерального штаба, выгнанные из армии за полную непригодность, по возвращении в Россию получили соответствующие, а иногда и высшие назначения»*. Редигер это сообщение подтверждает: *«...ему дали другую дивизию в Риге.... Поппен все же остался на службе не только во время войны (когда отставок не было), но и после ее окончания»*.

Встаньте на позицию российского генералитета — уволить в отставку генерала, честно служившего царю

на всех учениях и парадах, да еще и закончившего Академию Генштаба, и уволить только за то, что он бездарен и воевать не хочет? Как это можно?! Так же всех кадровых офицеров и генералов можно уволить! Нет, армия Российской империи такого поступка императора Николая II не поняла бы! Вот вам и вся власть диктатора над организацией.

Я уже написал, что для изменения порядков в крупной организации даже диктатору нужна опора внутри ее — нужны «свои люди», безусловно разделяющие стремления начальника к реорганизации. У советской власти такие люди были — советская власть создала институт комиссаров. Но это тоже была бюрократическая организация, быстро ставшая чем-то вроде рода войск армии с традициями русской императорской армии. А надо сказать, что если вы создаете бюрократическую организацию для решения какой-либо проблемы, то эффект от нее может быть только в первое время — пока живы энтузиасты решения этой проблемы. А дальше эта организация начинает все быстрее и быстрее решать иную проблему — проблему обеспеченной жизни для своих членов.

Выше я сообщил, что в Красной Армии командирские должности на 53% были укомплектованы императорскими офицерами, в данном случае можно даже подчеркнуть, всего на 53%, и они находились под контролем комиссаров. А в Белой армии командирские должности были укомплектованы императорскими офицерами и генералами на 100%. Причем высшими генералами и офицерами, занимавшими высокие военные посты еще в Первую мировую войну и свободными от комиссарского контроля. Кроме того, Белой армии оружием, обмундированием и техникой, а порою и интервенцией помогал весь мир. Тем не менее в Гражданской войне победила Красная Армия — та, в которой доля императорских образованных офицеров оказалась ниже. Понятно, что причина победы красных была не в этом, но, читая Мартынова и понимая, что это были за военные специалисты, понимая, как они воспринимали чувство долга,

приходишь к выводу, что «военное мастерство» забюрокраченных кадровых офицеров русской армии тоже сыграло определенную роль в победе красных в Гражданской войне.

Вот такой штрих. Под началом адмирала Колчака в 1919 году собралось до миллиона человек. Военный министр в правительстве Колчака, барон А. Будберг, 4 июля сделал в дневнике запись: *«Для меня ясно, что в неуспехе фронта виноваты те, которые позволили армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70–80 тысячах штыков»*. То есть на одного какого-то поручика Ржевского на фронте было 10 Поппенов в тылу. И Колчаку сломать традиции русской армии оказалось не под силу.

Однако и в делократической системе управления — в армии единоначальников — тоже имеют место конфликты, правда, несколько иного рода.

Конфликты единоначальников

Если смотреть на эту самостоятельность немецких генералов и офицеров с позиций не армии, а экономики, то генерал или офицер немецкой армии ставился в положение частного предпринимателя, правда, действующего в общей системе Госплана. Такой предприниматель (если бы где-то имелась такая структура Госплана с предпринимателями) имел бы полную свободу действий на выделенном ему участке рынка, но он одновременно был бы защищен от неудач оказанием ему помощи вышестоящим начальником (гипотетическим Госпланом).

Таким идеальным, с точки зрения данного положения устава, немецким полководцем, как бы свободным предпринимателем, и был поминаемый фельдмаршал Манштейн, который с авантюрной наглостью брался за решение задач, бывших ему не по силам, но будучи в уверенности, что вышестоящее командование ему поможет в случае неудачи. И действительно, до определенного времени ему помогали — под Сольцами дивизией СС, в Крыму воздушным флотом. На Восточном фронте авантюры Манштейна удавались ему почти полтора года — до

Сталинграда. А в 1944 году Гитлер снял его со всех должностей. Почему?

Просто есть генералы, которые посылают солдат в бой (скажем высоким штилем) во имя славы их Родины, а есть генералы, которые посылают солдат в бой во имя собственной славы — во имя себя, любимых. И все у них хорошо получается, пока эту победную славу можно получить. Но как только появляется противник, которого этот генерал разбить не может, вот тут у генерала и появляется соблазн воспользоваться своей самостоятельностью и, чтобы избежать позора поражения, не выполнить задачу, поставленную командованием, — наплевать на его замысел.

Таким образом, предоставление на практике полной творческой свободы подчиненным зависит от подчиненного — он обязан твердо понимать, что ответственность за реализацию общего плана лежит на начальнике, и вся свобода подчиненного ограничивается, если его «творчество» исключает или мешает начальнику выполнить стоящую перед ним задачу. Вот это и привело впоследствии к конфликтам между Гитлером и генералами. Да и не только Гитлера.

Это уклонение от исполнения приказа начальника может вызвать вопрос, а разве в армии начальник не способен заставить подчиненного исполнить свою волю?

Давайте отвлечемся от немцев и рассмотрим пример такого конфликта из истории управления войсками Красной Армии, поскольку существует мнение, что Сталин, как и Гитлер, был неким диктатором, заставлявшим всех генералов тупо исполнять свою волю. Сразу оговорюсь, что на рассматриваемый момент (1941 год) Сталин с военной точки зрения был как бы никем, поскольку до Великой Отечественной войны он в своей жизни самостоятельно никогда не управлял войсками, не планировал военные операции и не учился этому делу. А маршалы и генералы Красной Армии были профессионалами, и они осознавали и внутренне гордились этим.

Итак, сентябрь 1941 года, немцы подошли к Ленинграду и прорвались к Ладожскому озеру, полностью

взяв Ленинград в блокаду. Многочисленные соединения Красной Армии и несколько миллионов мирных жителей Ленинграда были обречены на голодную смерть. Немцы еще не закрепились, поэтому можно было если не разгромить их, то, по крайней мере, прорвать окружение и восстановить связь с городом. В принципе можно было выбрать несколько направлений прорыва, но Генштаб РККА и Сталин, только начавший осваиваться в должности Верховного Главнокомандующего, выбрали направление через станцию Мга. Поэтому изнутри окруженного Ленинграда в этом же направлении должен был повести войска на прорыв и командовавший окруженными в Ленинграде войсками генерал Г. Жуков. Почему Генштабом и Сталиным был выбран прорыв через станцию Мга? О причинах можно догадаться, взглянув на карту.

Станция Мга в блокаде Ленинграда была ключевым местом, поскольку это был узел железных дорог, не только связывающий Ленинград с Большой землей, но и связывающий железной дорогой тылы немцев с их соединениями, прорвавшимися к Шлиссельбургу — к Ладожскому озеру. Взять станцию Мга значило не просто деблокировать Ленинград, быстро восстановив железнодорожное сообщение с ним, но и фактически окружить шлиссельбургскую группировку немцев. То есть Генштаб и Сталин планировали совместить прорыв блокады с нанесением немцам крупных потерь. Немцы, взяв эту станцию 30 августа, разумеется, это понимали, поэтому укрепляли станцию Мга — этот ключевой пункт — с каждым днем все сильнее. Время не ждало! И вот 16 сентября 1941 года в 23 ч. 30 минут у Сталина и начальника Генштаба РККА маршала Шапошникова состоялся телеграфный разговор с командующим 54-й армией маршалом Г. Куликом, командовавшим советскими войсками с внешней стороны немецкой блокады.

«ВОЛХОВСТРОЙ. У аппарата маршал Кулик.

МОСКВА. У аппарата Сталин и Шапошников. Здравствуйте. Мы познакомились с вашим последним приказом, где вы предполагаете нанести сначала главный удар по шлиссельбургской группировке и затем выйти на р. Мга.

Мы считаем, что вам необходимо оставить заслон со стороны Шлиссельбурга, главными своими силами ударить в направлении станции Мга, прикрывшись одновременно на своем левом фланге со стороны Шапки, Сологубовка. И затем не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым.

В своем разговоре с вами 15 сентября Жуков обрисовал вам его положение, и поэтому вашу операцию затягивать нельзя. Все.

КУЛИК. Здравствуйте. Главный удар наносит тремя дивизиями и горнострелковой бригадой в направлении Мги, прикрываясь справа в направлении Шлиссельбурга, обеспечивая себя слева в направлении Турышкино.

Детальный приказ [с указанием] разгранлиний [между] дивизиями будет вам сейчас передан. Повторяю, противник имеет вдоль железной дороги и в районе Славянка, Вороново компактно 21-й пд и 12-й тд. Эти две дивизии противник держит сосредоточенно, седлая железную дорогу Славянка — Вороново. Главной задачей ставлю: разбить эти две дивизии, только тогда можно захватить станцию Мга. Завтра в 10.00 перехожу в наступление. Сегодня только закончили всю организацию по наступлению.

Части заняли исходное положение, отработано в деталях взаимодействие. Все.

ШАПОШНИКОВ. Хорошо. На днях, после укомплектования, из Калинина вам будут поданы еще две боевые дивизии. Все».

Как видно из этого разговора, у Кулика был некий свой план боев. Этот план не исключал прорыва к Ленинграду, но через Шлиссельбург. Какая-то логика в этом видна — при ударе на станцию Мга немцы будут угрожать войскам его армии с обоих флангов, а Шлиссельбург находился на правом фланге его армии, и при ударе в его направлении правый фланг его наступающих войск будет прикрыт Ладожским озером. Правда, одновременно Кулик вел активные бои и в направлении Вороново, находившегося на левом фланге его армии. Если попытаться понять, что Кулик хотел, то, скорее всего, Кулик делал все, чтобы предотвратить окружение

его 54-й армии немцами. Ведь хотя война недавно началась, но Кулику уже не посчастливилось попасть в окружение. В самом начале войны его послали на Западный фронт организовать по немцам контрудар силами 3-й и 10-й армий, но эти армии были разгромлены немцами, а сам Кулик две недели лесами выходил из окружения. Вот я и думаю, что для Кулика было главным избежать вторичного позора окружения, а взятие станции Мга, находившейся в центре его войск, для него было второстепенной задачей.

Но как бы то ни было, вы видите — Кулик подтвердил Сталину, что немедленно приступит к боям за станцию Мга, то есть фактически обманул.

Прошло 4 дня, и 20 сентября 1941 г. в 23 часа состоялся новый телеграфный разговор, в интересующей нас части он таков:

«ВОЛХОВСТРОЙ. У аппарата маршал Кулик...

СТАЛИН....Просьба к вам представить сегодня же ваш план взятия станции Мга и соединения с Ленинградским фронтом с обозначением сроков продвижения по дням.

КУЛИК. Прошу разрешения представить завтра к исходу дня, так как я послал для рекогносцировки местности командиров с учетом прихода новых дивизий.

СТАЛИН. Какая вам рекогносцировка нужна? Вам надо все силы направить на разгром противника в районе Мги и дальше.

КУЛИК. Я разведываю район Малукса и северо-восточнее. Хочу найти фланг противника, чтобы [его] не терять.

СТАЛИН. В поисках флангов вы можете упустить время, а за этот период немцы могут взять Ленинград, и тогда никому не нужна ваша помощь. В эти два дня, 21 и 22, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами.

КУЛИК. Я имел в виду перейти в наступление после прихода новых дивизий, так как существующие силы ока-

зались недостаточными. Точно не знаю, когда придут дивизии и танковая бригада. Только вернулся с боя. Целый день шел сильный бой за взятие Синявино и за взятие Вороново. Противник переходил несколько раз в контратаки и, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба [дивизиона] РС), ввел все резервы, но успеха не имел. На фронте сейчас противник заменил свои части, то есть 20-ю, 21-ю дивизии новыми 126-й и 122-й дивизиями и отдельной бригадой, которые дерутся гораздо [более] стойко, чем те, которые мы хорошо побили. Вчера, чтобы спасти свое положение, противник устроил парад своей бомбардировочной авиации (более ста самолетов компактно) и ударил по нашим тылам. Боевые порядки частей он не затронул, так как они очень близко подошли к противнику и фронт зигзагообразный.

СТАЛИН. Новые дивизии и бригада даются вам не для взятия станции Мга, а для развития успеха после взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

КУЛИК. Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей, станции Мга не взять. За четыре дня боев у нас убыло около 10 тыс. убитыми и ранеными. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях, зарыться в землю и завтрашний день приводить части в порядок и влить пополнение. Повторяю, что эти четыре дня боя были очень жестокими, где перемалывалась живая сила с обеих сторон, и противник уже к концу третьего дня боя заменил побитые дивизии новыми. Вот обстановка на данный момент.

СТАЛИН. Как видно, вы даете передышку побитому противнику. Этим вы укрепляете противника и затрудняете для ближайшего времени свое продвижение вперед. Это очень плохо. Давайте поскорее ваш план дальнейшего наступления с обозначением сроков продвижения. Какого числа представите план?

КУЛИК. 21 сентября к 20.00.

СТАЛИН. Представьте утром 21 сентября к 12 часам.

КУЛИК. Хорошо.

СТАЛИН. Всего хорошего. Сталин, Шапошников.

КУЛИК. Всего хорошего. Кулик».

Итак, даже через 4 дня после обещания немедленно начать наступление только на станцию Мга, Кулик и не собиравшись это делать, «повесив Сталину лапшу на уши», что ему, дескать, нужно провести рекогносцировку (визуальную разведку местности и противника). Это как понять?

Как видите, Кулик докладывает, что он ведет бои за взятие Синявино, а это все то же шлиссельбургское направление — правый фланг. И одновременно Кулик ведет бои на своем левом фланге, и не оборонительные, а пытаюсь и там взять у немцев Вороново. И эти бои, организуемые Куликом, ни на шаг не продвинувшие дело деблокады Ленинграда, уже стоили Красной Армии 20 тысяч человек потерь!

Кулик упорно не исполнял приказ Ставки! Повторю, скорее всего, он всячески пытался исключить окружение своей 54-й армии. Ему, одному из всего пяти маршалов СССР, второй раз потерять армию и выходить из окружения, было оскорбительно. Думаю, что Кулик не верил в свои способности отбить у немцев станцию Мга, а доложить об этом Сталину не позволяла маршальская гордость.

26 сентября Сталин принял решение снять Кулика с должности командующего.

Но что тут, помимо неспособности подчиненного, еще нужно понять, чтобы понять и начальников? Даже если подчиненный и способен исполнить задачу, но у него имеется свой план боя, то настаивать на исполнении задачи, поставленной начальником, чрезвычайно опасно. Вы же фактически объявляете подчиненному, что он, гордящийся собою специалист, не способен исполнять свои обязанности — не способен придумать план. И подчиненный из уязвленного самолюбия пойдет на саботирование исполнения вашего приказа, а если вы совершите над ним насилие — заставите его, то он исполнит ваш приказ формально и так, чтобы дело окончилось поражением, — и только потому, чтобы показать, что это вы дурак, а не он. Такой подчиненный гораздо опасней для дела, чем тот, который верит вам безусловно и поэтому исполняет ваш вариант приказа со всею старательностью.

Как видите, Сталин вообще-то действовал по-немецки — ставил в своих приказах задачи ясно и в общем

виде, без указания, как их исполнять, и давал командующим свободу самим разработать планы исполнения этих задач: «*Просьба к вам представить сегодня же ваш план взятия станции Мга*». Но главное, это хороший пример для объяснения того, почему к 1943 году «старые маршалы» СССР, в том числе и такие выдающиеся, как С. Буденный и С. Тимошенко, перестали командовать войсками. Сталин и Генштаб не имели у них того авторитета, который требуется для беспрекословного принятия к исполнению задач, поставленных в приказах Ставки.

У немцев начались аналогичные конфликты после их поражения под Волховом, Москвой, Ростовом и Ельцом осенью 1941-го и в зиму 1941/42 года. Пока у немцев был морально нестойкий противник, то со свободой и творчеством генералов все было хорошо, но когда по немецким генералам был нанесен по-настоящему сильный удар со стороны РККА, то Гитлеру пришлось остановить творчество своих генералов, выразившееся во всеобщем отступлении немецких войск. Остановил Гитлер бегство немецкой армии жестоким «стоп-приказом», за которым последовало снятие с должностей командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта, командующего 2-й танковой армией немцев генерала Гудериана, а потом, до осени 1942 года, еще около 200 немецких генералов, включая начальника Генштаба сухопутных войск Германии Гальдера.

Так что свобода свободой, а приказ начальника выполнять надо!

Хотя то, какие принципы управления войсками немцы вкладывали в головы своих офицеров, я уже и изложил статьями устава, но все равно суммирую их аналитической работой немецкого генерала.

Сто лет воспитания

Во всех книгах по делократии, да и по истории войны, я приводил в пример короткую главку из труда немецкого генерал-майора Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933—1945». Вот что он сообщает по вопросам управления немецкой армией и в чем, кстати, ни-

кто из известных мне исследователей до сих пор не видит ничего интересного.

«То обстоятельство, что нашей воле противостоит независимая и часто трудно распознаваемая воля противника, создает в войне атмосферу неопределенности и является причиной постоянного изменения обстановки. Различные трудности, возникающие при реализации принятого решения, и не в последнюю очередь огневое воздействие противника, еще больше усиливают неопределенность, мешая точно предвидеть ход борьбы. Как бы тщательно ни продумывалось использование всех средств с целью выяснения действительной обстановки, определения замысла противника и осуществимости собственного решения, всегда будет оставаться сфера напряженной неопределенности, которая должна восполняться способностями и усилиями командиров и подчиненных. Перед такого рода трудностями, не всегда поддающимися точному учету и предвидению, стоит каждый военачальник, будь то командующий войсками какого-либо театра военных действий, командир батальона или командир самого мелкого боевого подразделения.

Командир каждой части, ведущей боевые действия, имеет свое собственное, постоянно меняющееся представление об обстановке, о замысле и возможностях противника и своих возможностях.

Основой действий командира остается принятое им решение, которое определяется боевой задачей и личными способностями данного командира. Задача формулируется в приказе. Чем выше по должности командир, получающий приказ, тем в течение большего времени приказ должен сохранять свою силу с момента его получения и тем большую свободу он должен предоставлять в выборе способа его выполнения, так как необходимо, чтобы принимаемые меры соответствовали постоянно изменяющейся обстановке. Речь идет, таким образом, о том, чтобы командир, отдающий приказ, заблаговременно и четко определил цель, которой он хочет достичь, и предоставил бы подчиненному возможно большую свободу действий при реализации этого решения. Не безвольное подчинение и следование букве приказа, в котором невозможно предусмотреть всех

перипетий борьбы, а лишь инициативные действия командира, направленные на осуществление замысла вышестоящего начальника, в состоянии преодолеть громоздкость современной массовой армии и обеспечить использование ее с максимальной эффективностью.

Генерал-фельдмаршал граф Мольтке исходил именно из этого, отдавая свои классические лаконичные директивы армиям во время войн 1866 и 1870 гг. Но ему на собственном опыте пришлось убедиться в том, что практическое применение этого способа действий предполагает более основательную подготовку командиров всех степеней, чем она была в его время. Поэтому вся его многолетняя дальнейшая деятельность в мирное время и деятельность его преемников были посвящены этой подготовке, имевшей своей задачей:

а) добиться единого подхода к рассмотрению обстановки (оценка обстановки и принятие боевого решения) всеми командирами; б) избегать всякого сковывающего схематизма в вопросах управления войсками в бою и в) развивать у всех командиров самостоятельность мышления и действий.

В итоге сочетание свободы в осуществлении боевых задач, предоставляемой командиру-исполнителю, и личной инициативы последнего стало особой отличительной чертой и фактором силы прусско-немецкой армии. Чрезмерное увлечение той или иной стороной, имевшее иногда место, не меняло существа дела. Чем с большей эффективностью велось обучение и воспитание командного состава в этом направлении, тем с большей уверенностью, быстротой и гибкостью войска могли выполнять свои боевые задачи. Кроме того, это позволяло командованию учитывать в своих расчетах смелость действий как дополнительный фактор и реализовать скрытые потенциальные возможности, которые таятся в любой обстановке, но которые редко удается своевременно распознать и использовать в своих целях. И, наконец, тем большей была возможность поставить противника в зависимость от своей воли, то есть, другими словами, обеспечить за собой наряду с материальными факторами силы возможно больше других предпосылок для достижения успеха.

Принцип единоначалия в управлении войсками, не допускавший побочных путей отдачи приказов и приказаний, а также свобода принятия решений давали общевойсковому командиру возможность уверенно проводить свое решение в жизнь. В сухопутной армии в отличие от высших органов ОКБ этот принцип неограниченной командной власти проводился, как и прежде, с достаточной последовательностью.

Из поколения в поколение (и, в частности, после 1918 г. и после 1935 г. уже в новой сухопутной армии) в процессе практической учебы велась систематическая работа по усовершенствованию и внедрению описанных принципов управления войсками в их гармоничном взаимодействии друг с другом. Эта работа принесла свои плоды в кампаниях 1939 и 1940 гг., а также в операциях 1941 г. на Балканах и в Северной Африке. Она же явилась одной из предпосылок того, что сухопутная армия смогла начать свой роковой поход против Советского Союза, имея недостижимый для того времени уровень боевого мастерства, обладая большим опытом и уверенностью в своих силах. Ее руководство также с уверенностью начало эту войну, несмотря на то, что противник имел огромное численное превосходство».

Насчет огромного численного превосходства — это немцы себе льстят, чтобы как-то оправдать свое итоговое поражение от войск Красной Армии. Но куда денешься от фактов — ведь немцы все же нанесли нам тяжелейшие потери. Еще раз сравните: немцы учили своих офицеров «избегать всякого сковывающего схематизма», а русская Академия Генштаба, по словам генерала Мартынова, «вместо практических деятелей... воспитывает доктринеров». Немцы сто лет воспитывали в своих офицерах «самостоятельность мышления и действия», а у нас «инициатива безжалостно подавляется в академии».

И еще раз особо следует подчеркнуть — процесс воспитания творцов — это очень медленный процесс.

В итоге получается, что немцы, начиная еще с середины позапрошлого века, начали совершенствовать управление своей армией с целью суммировать творческое начало как можно большего числа военнотруж-

щих, и это совершенствование привело к делегированию управления немецкими войсками. А это, в свою очередь, раскрыло (насколько это вообще возможно) творческий потенциал всей немецкой армии, что и предопределило превосходство немецкой армии в части управления войсками над всеми армиями мира в начальный период Второй мировой войны.

Мало этого, такое коллективное творчество не могло не сказаться и на подготовке армии к войне — на разработке идей того, как в войне победить, — на разработке тактики и оперативного искусства.

Однако во всех этих уставных положениях немцев тоже нет ничего особо нового, чего бы в тех или иных вариациях не было в уставных положениях армий — противников немцев. И остается вопрос: почему только у немцев эти положения работали в полную силу? И ответ один: потому, что немцы потратили сто лет воспитания своего офицерского состава для того, чтобы достаточная часть генералов и офицеров все же восприняли предоставляемую им свободу единоначальника и воспользовались ею.

Подготовка офицеров армии

Поскольку вы видите, насколько огромное значение для победы в бою имеет подготовка офицеров и генералов, то так или иначе нужно коснуться вопросов подготовки немецких офицеров.

В 1946 году проходил так называемый Нюрнбергский процесс — суд над руководителями нацистской Германии и ее высшим генералитетом. Прокурором от СССР был Р. Руденко, и совершенно очевидно, что для допроса начальника штаба всех вооруженных сил Германии фельдмаршала В. Кейтеля, состоявшегося 5 апреля 1946 года, наш прокурор разработал понятный русскому человеку план. Он решил усугубить вину В. Кейтеля тем, что Кейтель, в понимании Руденко, окончил много военно-учебных заведений (иначе как бы он стал начальником Генштаба?), а Гитлер всего-навсего ефрейтор, а посему

и вина Кейтеля в развязывании войны чуть ли не больше, чем вина Гитлера. И вот, надев на мозги эти наши русские шоры, Руденко смело начал допрос с выпрашивания названий военных училищ и академий, которые Кейтель, по уверенности Руденко, обязательно должен был окончить, чтобы стать фельдмаршалом. Этот допрос звучал так.

«Руденко: Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?»

Кейтель: 18 августа 1902 г.

Руденко: Какое вы получили военное образование?»

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры, служил сначала простым солдатом и, пройдя затем все следующие чины — ефрейтора, унтер-офицера, стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 г., затем около шести лет полковым адъютантом, во время Первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 г. находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?»

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генерального штаба, летом 1914 г. был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк».

Как видите, получился разговор глухих: Кейтель не понимал, чего от него хочет Руденко, а Руденко не понимал, как такое может быть, что у фельдмаршала Кейтеля и ефрейтора Гитлера одно и то же формальное военное образование — ни тот, ни другой не оканчивали никаких военных училищ и академий. Не оканчивали их по той простой причине, что в Германии, по меньшей мере до конца Второй мировой войны, ничего подобного не было.

То есть не было никаких военно-учебных заведений, куда с улицы мог поступить штатский человек, попристутствовать несколько лет на занятиях, сдать экзамены и стать офицером. Не было также никаких учебных заведений, в которых бы офицеры делали то же самое с це-

лью получить некий академический диплом, который бы потом учитывался при продвижении их по службе, — не было военных академий. Тогда что было и как немцы готовили офицеров? — спросите вы.

Расскажу то, что я понял, исследуя этот вопрос, а понял я следующее.

Возьмем для примера несколько биографий немецких офицеров, которые удосужились рассказать хоть что-то о своей подготовке.

Начнем с биографии немецкого офицера, майора Бруно Винцера. Из-за тяжелого материального положения в охваченной кризисом Германии, не окончив полного курса среднего образования и воодушевленный военной романтикой, он в возрасте 19 лет 13 апреля 1931 года вступил в рейхсвер — маленькую стотысячную армию догитлеровской Германии. Вступил, заключив контракт сроком на 12 лет: *«Мы получали в месяц на руки пятьдесят марок на всем готовом и при бесплатном жилье. Это были большие деньги. Кружка пива стоила пятнадцать, а стакан шнапса — двадцать пфеннигов. Пособие, которое получал безработный на себя и на семью, не составляло и половины нашего жалованья».* Это жалованье, при 1/3 стоимости проезда в поездах, Винцер получал первые два года службы. А затем *«1 апреля после двухгодичной службы наступил срок...первого присвоения нового звания. Мы были произведены в старшие стрелки, получили нарукавную нашивку и большой оклад».*

Поступившему в армию и желающему сделать в ней карьеру помимо желания был важен образовательный ценз — какое учебное заведение рекрут закончил до зачисления на службу. Но в немецкой армии можно было сделать карьеру командира, то есть офицера, и карьеру солдата — умелого бойца. Карьера умелого бойца вела к поочередному получению званий: ефрейтор, обер-ефрейтор, гаупт-ефрейтор, штабс-ефрейтор. Карьеру бойца можно было сделать с любым образованием — хоть с низшим, хоть с высшим, было бы желание.

С таким же образованием можно было сделать и командирскую карьеру, но только карьеру младшего офицера,

поочередно выслужив звания: унтер-офицер, унтер-фельдфебель, фельдфебель, обер-фельдфебель, гаупт-фельдфебель, штабс-фельдфебель. А вот стать, так сказать, настоящим офицером — лейтенантом — можно было только с полным средним образованием. Если оно было, как у Винцера, неполным, то можно было стать только командиром взвода, т. е. фельдфебелем, пройдя, само собой, должность командира отделения (унтер-офицера).

Винцер описывает внутреннюю дилемму, которая в нашей армии совершенно отсутствует: *«Еще через два года можно было стать ефрейтором и получить вторую нарукавную нашивку. И вот тут-то солдат и оказывался на пресловутом «распутье».*

Направо дорога вела через кандидатский стаж к званию унтер-офицера, унтер-фельдфебеля, фельдфебеля и обер-фельдфебеля.

Налево — к званию обер-ефрейтора и штабс-ефрейтора вплоть до конца срока службы.

По первому пути могли пойти относительно немногие, так как число запланированных должностей было ограниченным. Борьба за эти посты побуждала к достижению наиболее высоких показателей.

...Я хотел не только идти по пути, предназначенному унтер-офицеру, но и выбраться на офицерскую дорогу».

Как я полагаю, Винцер пишет для немцев, а посету не поясняет им то, что немцу и так понятно, а переводчики переводят не совсем то, что хотел сказать автор. Скорее всего, речь идет не о «кандидатском стаже», о котором впоследствии ни Винцер, ни другие мемуаристы никогда не вспоминали ни в каких случаях, а о статусе «кандидата», причем статус кандидата имели и те, кто хотел стать ефрейтором.

Но, как видим, чтобы стать офицером, помимо образовательного ценза, нужно было, чтобы в части, в которой ты служишь, была вакансия кандидатской должности на звание офицера.

Прерву рассказ майора Винцера на рассказ о своей подготовке немецкого генерал-лейтенанта В. Мюллера. Сын баварского мастера-кожевника, владельца предпри-

ятия и депутата, Мюллер в 1913 году окончил католическую гуманитарную гимназию, то есть получил полное среднее образование. И захотел стать офицером. Однако: *«Когда я откровенно высказал родителям желание сделаться офицером, они заколебались и даже отнеслись к этому отрицательно. Отец сразу же заявил, что это не для меня. Офицерский корпус состоит из дворян и сыновей офицеров и чиновников. Кроме того, у нас нет никаких связей с военными кругами, а без протекции меня едва ли примут в армию, да если и примут, то выше звания майора я не дослужусь.*

...Отец категорически отказался использовать свое влияние как депутат баварского ландтага, чтобы меня зачислили в армию фанен-юнкером (кандидатом в офицеры). После долгих уговоров мои родители согласились наконец, чтобы я сделался офицером.

1 октября 1913 года я поступил в 1-й (баварский) саперный батальон в Мюнхене в качестве добровольца-одногодичника. Мои многочисленные прошения о зачислении фанен-юнкером, с которыми я обращался в различные войсковые части, несмотря на увеличение численности армии, отклоняли под предлогом отсутствия вакансий. Правда, прошения я подал поздно, в конце 1912 — начале 1913 года. Быть может, были и другие причины отказа, например, мое социальное происхождение.

Под командой унтер-офицеров началась настоящая муштровка: «Ложись! Встань! Ложись! Встань!» — и тому подобные практические занятия. Иной раз, когда я плохо или якобы плохо выполнял упражнения, меня заставляли пробежать сто метров, крича при этом: «Эти добровольцы-одногодичники — величайшие в истории идиоты!» Иногда, проштрафившись, я должен был влезть на дерево, росшее на казарменном дворе, и до хрипоты кричать: «Я сижу там, где обитали мои предки!»

...Благодаря знакомству с одним офицером мне удалось в январе 1914 года перейти в качестве фанен-юнкера в 13-й (вюртембергский) саперный батальон в Ульме, где как раз освободилось место.

...Из этой роты в мае 1914 года я в звании унтер-офицера, чрезвычайно довольный военной службой и убежден-

ный, что избрал правильный путь, был командирован в Королевское прусское военное училище в Касселе, где меня и застало начало войны.

...В последние дни июля 1914 года, повредив во время спортивных занятий колено, я лежал в гарнизонном лазарете в Касселе. Родом из Баварии, я в чине фенриха 13-го вюртембергского саперного батальона в Ульме с мая 1914 года находился в прусском военном училище в Касселе».

Итак, подготовка Мюллера: три месяца муштры солдатом, до момента, пока появилась должность кандидата в офицеры (в другой части), пять месяцев службы до получения чина унтер-офицера, два месяца в техническом училище, но уже в должности фенриха — унтер-офицера, ожидающего офицерской вакансии, фронт, бои и чин лейтенанта.

В результате, если ты в немецкой армии хотел стать командиром, а твое образование было недостаточным, чтобы сразу получить статус кандидата в офицеры, ты становился кандидатом в унтер-офицеры — по-немецки это звучало как «фанен-юнкер унтер-офицер». На солдатском погоне у тебя появлялась серебристая «лычка», как у ефрейторов Советской Армии, и тебя ускоренно начинали готовить на должности командира отделения и взвода. Если образования хватало, то ты становился «фанен-юнкером офицером» и у тебя на погоне было две серебристых «лычки», а сами погоны имели знаки различия тех званий, которые ты получал по мере прохождения службы и занятия соответствующих должностей как солдат (ефрейторы отличались нарукавными нашивками, унтер-офицера отличали серебряная обшивка (галун) воротника и длинных сторон погона).

«Фанен-юнкер офицер», полностью подготовленный и уже имеющий унтер-офицерское звание, получал статус «фенрих», т. е. «чуть-чуть не офицер», то есть фенрих имел статус офицера, ожидающего вступления в должность (скажем, его форма отличалась от формы унтер-офицеров тем, что воротник его унтер-офицерской формы был уже без унтер-офицерского и фельдфебельского галуна, ремень — офицерский, а на фуражке — серебряный офицерский шнур).

В кайзеровской Германии офицеров старались набирать из среды госслужащих, при Гитлере это уже не имело значения.

Образовательный ценз (оконченное среднее образование) важен был только при поступлении на службу, а дальше, если упорно работать, то стать офицером можно было и без него, как стал сам Винцер, но это требовало большего времени службы в доофицерских должностях. Хотя следует сказать, что и имея полное среднее образование, и желание стать офицером, в немецкой армии им стать было далеко не просто. Образование, по сути, не имело значения — значение имел только ты сам — насколько ты действительно атаман и по военным знаниям, и по всему остальному.

А при поступлении на срочную службу без претензий сделать в ней карьеру, ты мог окончить ее и уйти в запас старшим стрелком. Но если ты хотел быть профессиональным военным, то с самого начала службы мог заявить, кем ты хочешь стать, и в таком случае при наличии вакансии ты получал статус кандидата на эту карьеру, и тебя начинали целенаправленно и ускоренно учить.

Это ведь еще одна тайна, не раскрываемая нашими историками: две карьерные линии в немецкой армии — командира и бойца. У нас, если после 20 лет службы военнослужащий останется ефрейтором, то что о нем подумают? Засмеют! Да и как ему семью кормить на зарплату ефрейтора? А у немцев штабс-ефрейтор был очень уважаемым человеком и с достаточно большой зарплатой.

Вопрос — кто учил офицеров, какие преподаватели? В немецкой армии не было никаких преподавателей, соответствующего кандидата учили все, кто мог его научить тому, что обязан знать офицер. Так, к примеру, Винцер, будучи фельдфебелем, преподавал на курсах офицеров запаса. Он не учил их «вообще», он был командиром взвода противотанковых пушек и на курсах, организованных на базе его взвода, учил будущих пехотных офицеров запаса устройству противотанковых орудий и тактике их использования.

О военном деле немецкие офицеры знали очень много, и всему этому их учили на практике, учили образно,

давая не знания, а умение исполнять то или другое дело. Чтобы не тратить время офицеров полка на индивидуальное обучение будущих офицеров, для всех кандидатов полка в подразделениях, соответствующих очередной теме обучения, организовывали кратковременные курсы, на которых их всех вместе обучали.

Снова возьмем пример из воспоминаний Винцера. Еще на первом году службы он определился, что хочет стать не бойцом (ефрейтором), а командиром — фельдфебелем, поскольку, повторю, образовательный ценз не давал ему права сразу претендовать на должность офицера. Однако рейхсвер готовил офицерские кадры, и с Винцером произошло следующее: *«Вскоре после того, как я вернулся из этого внеочередного отпуска в свою часть, меня вызвали к командиру роты. Там уже собралось несколько унтер-офицеров и солдат. Нам задали вопрос, который мы сначала не приняли всерьез, но затем пришли в восторг:*

— Кто из вас хотел бы стать офицером?

Когда все мы — вначале не сразу, а потом единодушно — подняли руки, капитан сказал:

— Не радуйтесь преждевременно, это еще далеко не решенное дело! Пока только краткий опрос, ничего больше. Я просто хотел выяснить, намерены ли стать офицерами те из вас, которые, возможно, для этого пригодны. Благодарю вас, вы можете разойтись. Кроме того, прошу вас об этом никому не говорить!

Все это длилось минуты две. Тем временем мы были зарегистрированы, и вскоре нас стали направлять на различные курсы обучения.

Началось со специального обучения в качестве связных. За этим последовал курс по технике разведки, затем — изучение пулемета; одновременно нас использовали как загонщиков на офицерской охоте, потом откомандировали в качестве ординарцев в офицерский клуб, чтобы ознакомить нас с той обстановкой, в которой мы позднее можем оказаться.

Однажды меня зачислили в группу, которая в уединенном и замаскированном ангаре тренировалась на деревянном орудии. Мы видели эту пушку впервые, и нам строго-

настрога приказали никому о ней не говорить. У нее были обитые железом деревянные колеса, словно она предназначалась для конной тяги. В действительности ей позднее придали резиновые шины, и она стала известна в качестве 37-миллиметрового противотанкового орудия. При деревянной пушке имелся предусмотренный для этого орудия затвор, и мы учились заряжать и разряжать, используя учебные снаряды должного калибра.

...С большим усердием я проходил очередной курс обучения. Он все больше приближал к желанной цели тех из нас, кто в свое время рапортовал командиру о готовности стать офицером. К изучению тяжелых пулеметов и нового, еще засекреченного оружия прибавилось обучение приемам стрельбы из артиллерийских орудий непрямой наводкой.

...Этот парад был последним служебным заданием, выполненным мною в составе 5-й роты. Тотчас же после возвращения я был переведен для дальнейшего обучения и использования в качестве командира отделения в 8-ю пулеметную роту».

Замечу, что все это было на втором году службы, Винцер еще даже звания «старший стрелок» не получил, а его уже, помимо собственно обучения, начали стажировать в качестве командира. В конце концов, не через 4 года, а через 3,5 его производят в ефрейторы: «Присвоение мне звания ефрейтора совпало с переводом в 14-ю противотанковую роту. Эта полностью моторизованная часть только комплектовалась. Поэтому для нее была освобождена церковная школа, расположенная в центре города. В классных комнатах поселились рекруты, унтер-офицеры заняли учительскую и другие помещения. Школьный двор превратился в двор казармы, орудия поместили в гимнастический зал, а для автотранспорта были построены новые гаражи. Машины, орудия, пулеметы и другая боевая техника имелись в полном комплекте. Пахло свежей краской. Я рапортовал командиру роты:

— Ефрейтор Винцер переведен в 14-ю роту!

— Когда вы произведены в ефрейторы?

— Десять дней назад, господин капитан!

— Вы будете командиром орудия. Вы уже знакомы с новыми противотанковыми пушками?

— Так точно, господин капитан. Я обучался этому два года.

Вопрос был излишним — на столе лежало мое личное дело. Я заметил, что командир его изучил, когда он продолжал:

— Вы вообще прошли ряд различных курсов обучения. Имеете ли вы водительское свидетельство?

— Нет, господин капитан!

— Немедленно наверстать. Явитесь к заведующему техническим имуществом! После службы — курсы шоферов, понятно?

— Так точно, господин капитан!

Все частные школы шоферов в городе были привлечены к делу, и мы ежедневно до поздней ночи набирали наши учебные километры, разъезжая по городу и окрестностям. Примерно за две недели я с успехом закончил и этот курс.

Заметьте, что учиться на офицера очень часто приходилось во внеслужебное время, как в данном случае при получении водительских прав. Но у Винцера, в связи с его стажировками на командирских должностях, уже давно звание не соответствовало должности, поэтому после окончания курсов шоферов его немедленно производят в унтер-офицеры, причем с того же дня, что он был произведен в ефрейторы. Как видите, ввиду того, что Винцер выбрал командирское направление службы, ему не только не пришлось выслуживать звания обер-ефрейтора, гаупт-ефрейтора, штабс-ефрейтора, но он и ефрейтором, по сути, не служил — это были не его, командира, звания.

Вообще-то немецкие офицеры и солдат обучали очень старательно, а тех, кто хотел стать офицерами, гоняли без жалости и даже после службы заставляли работать фактически официантами в офицерском клубе, чтобы будущие офицеры учились тому, как офицер должен себя вести вне службы. Винцер вспоминает: «Нашему командиру, австрийцу по происхождению, представлялось более важным, чтобы мы научились вести себя как «благородные господа». Мне не только теперь это кажется смешным. И тогда я все это не принимал всерьез и вы-

звал этим неодобрение адъютанта, дворянина и помещика из Мекленбурга, который должен был привить нам привычки и манеры «высших кругов»

Меня учили, каким должен быть стол, сервированный согласно правилам приличия, какие бокалы предназначены для белого вина и какие для красного.

Меня учили, как надо приглашать даму на танец, когда надо даму именовать «высочество», а когда «графиня», когда «сударыня», и когда такое обращение неуместно».

Став унтер-офицером, Винцер уже мог жениться: *«Финансовое положение унтер-офицера позволяло вступить в брак. Впрочем, полагалось, согласно предписаниям, дожидаться двадцать пятой весны».* Однако по службе у Винцера возникла проблема — он очень долго не мог подтвердить, что его бабушка не еврейка (а после прихода Гитлера к власти с этим стало строго), кроме того, он совершил дисциплинарный проступок и был наказан. Все это вызвало определенные трудности. *«Впредь до получения свидетельства об арийском происхождении меня не продвигали по службе — вероятно, сыграли некоторую роль и те три дня «на губе»; но я убежден, что мне пришлось бы упаковать чемоданы, если бы не прибыло свидетельство об арийской благонадежности, выданное соответствующей служебной инстанцией гиммлеровских охранных отрядов.*

Возобновились занятия на курсах. Сначала я попал на курсы кандидатов в командиры взвода в Вюнсдорфе. Там за нас так крепко взялись и задавали столько письменных работ, что у нас пропадала охота ездить вечером в Берлин.

Зачисление на очередные курсы привело меня на танковый полигон Путлос в Шлезвиг-Гольштейнии. Мы обучались взаимодействию танковых подразделений и противотанковой обороне. Для этой цели в нашем распоряжении находились учебные роты, а мы, курсанты, были назначены командирами взводов.

В 1937 году я в качестве командира полувзвода с двумя орудиями участвовал в больших осенних маневрах в Мекленбурге, на которых присутствовал Муссолини».

После этих маневров Винцер стал фельдфебелем (его погон теперь был полностью обшит галуном), а еще через

полтора года — обер-фельдфебелем, и когда ему наконец в 1940 году надели серебряные офицерские погоны, у него были все основания написать: *«Этого дня я ждал с начала моей службы, в ожидании этого дня я посещал одни курсы за другими и занимался зубрежкой в свободные часы. Я хотел выбраться из «класса» рядовых — и стал унтер-офицером. Я хотел выйти из «класса» унтер-офицеров — и вот я стал офицером»*. Хотя и с этим было не все так просто: Винцер стал офицером на фронте, отличившись в должности командира взвода 37-мм орудий и получив Железный крест. Правда, он стал не лейтенантом, а сразу обер-лейтенантом, и скорее всего потому, что начальство видело в нем гауптмана — командира роты.

Винцер шел к офицерскому званию девять лет, пройдя через десятки различных курсов и освоив все командирские должности. Но он был без образовательного ценза, он был «офицером из фельдфебелей», а те, кто имел полное среднее образование, вступали в армию фанен-юнкерами и становились офицерами гораздо быстрее, и не только помянутый генерал-лейтенант Мюллер.

Фельдмаршал Кейтель стал лейтенантом в 1902 году после 15 месяцев службы, фельдмаршал Паулюс, уйдя с юридического факультета, стал лейтенантом в 1911 году через 18 месяцев, генерал-полковник А. Йодль в 1912 году — через 27 месяцев, генерал-полковник Гальдер в 1904 году — через 24 месяца, генерал-полковник Гот в 1905 году — через 11 месяцев, генерал-полковник Гудериан в 1908 году — через 11 месяцев, фельдмаршал Лееб в 1897 году — через 32 месяца, фельдмаршал Клюге в 1901 году — через 24 месяца, фельдмаршал Рейхенау в 1904 году — через 24 месяца, фельдмаршал Рундштедт в 1893 году — через 15 месяцев и т. д и т. п. Как видите, отсутствует какая-либо система — каждый становился офицером по мере своей готовности им стать и по мере открытия вакантной офицерской должности.

Интересно, что ни один немецкий мемуарист не вспоминает о сдаче им в армии хоть каких-нибудь экзаменов — полное отсутствие каких-либо формальностей! Тем не менее кандидатов в офицеры каждый раз оце-

нивали, и при этом очень строго, а главное, далеко не всегда по их формальной образованности. Я уже упоминал о воспоминаниях Отто Кариуса — командира взвода «тигров». Он пришел в армию из университета весной 1940 года и, описывая марши в период начальной подготовки, пишет: *«Они начались с пятнадцати километров, возрастали на пять километров каждую неделю, дойдя до пятидесяти»*. К началу войны с СССР он был рядовым — заряжающим в танке. Далее Кариус рассказывает:

«Поэтому у меня были смешанные чувства, когда 4 августа 1941 года я получил приказ отбыть в Эрланген, в 25-й танковый запасной батальон. За три дня до этого на погонах моей униформы появился галун унтер-офицера.

В Эрлангене мы сдавали экзамен на права по управлению грузовым автомобилем и танком. Сразу после этого прибыли в Вюнсдорф близ Берлина, чтобы пройти курс обучения кандидата в офицеры.

2 февраля 1942 года мне сообщили, что я не соответствую предъявляемым этим курсом обучения требованиям. Так же, как и Герт Мейер и Клаус Вальденмейер из нашего взвода, я, конечно же, не принял все это всерьез. Кроме того, был один вопрос, который мне никак нельзя было задавать. Я думал, что мне представился случай доверить свои сомнения классной доске. Но мое начальство вовсе не нашло забавным вопрос: «А офицеры запаса человечны?» Так что мы все еще оставались военнослужащими унтер-офицерского состава и кандидатами в офицеры, когда расстались с курсом обучения. Собственно говоря, нас не слишком это огорчало.

В конце концов новоиспеченным лейтенантам приходилось нести службу в запасных частях, в то время как мы сразу же были отправлены в наш прежний полк. Нас отпустили со словами ободрения. Наш офицер-куратор, которого мы все боготворили, потому что он был настоящей личностью и относился к своим обязанностям со всей душой, сказал на прощание, что уверен: мы скоро достигнем своей цели на фронте. Там мы сможем гораздо легче доказать, что достойны стать офицерами».

Кариус, правда, не пишет точно, когда именно его сочли достойным стать офицером, но, судя по хроноло-

гии, это случилось в зиму на 1943 год. То есть сдача выпускных экзаменов в гимназии и сессионных экзаменов в университете никак не гарантировала прохождение испытаний на звание офицера в армии. Там все было сложнее.

Между тем с получением офицерского звания учеба в немецкой армии не заканчивалась, а скорее, продолжалась в том же темпе. Вернемся к воспоминаниям Бруно Винцера. Как только его произвели из обер-фельдфебелей в обер-лейтенанты, тот тут же назначили командовать ротой, и в это время их полк вместо австрийца принял новый командир — пруссак. Винцер пишет:

«Это был строгий командир. Однажды он отвел меня в сторону...

— Я буду иметь вас в виду.

Через несколько недель он командировал меня на курсы ротных командиров в школу танковых войск в Вюнсдорфе под Берлином. Здесь я был обучен тому, чему меня не мог обучить упомянутый мною адъютант в Рейнской области.

В Вюнсдорфе придавалось гораздо меньшее значение обращению с графинями и отвешиванию поклонов; здесь готовились к совсем иному «танцу», о котором мы еще не имели представления».

Между прочим, уже не помню, кто из немцев сказал, что победу Пруссии в войне с Францией в 1871 году обеспечил школьный учитель. Это достаточно расхожая мысль, особенно в системе народного образования, однако ее никто не разъясняет применительно к собственно армии. Ведь основная масса армии — это солдаты, а тогдашним пехотинцам, кавалеристам да и основной части рядовых артиллеристов и саперов образование не требовалось — с теми солдатскими обязанностями могли справляться и вообще неграмотные. Речь тут о другом: резкое повышение общей грамотности прусского населения дало возможность отбирать офицерские кадры не только из дворян, но и практически из всех слоев населения, а это значительно увеличило конкуренцию, упростило отбор и резко улучшило командный состав прусской армии. Способные офицеры легко теснили традиционные кадры прусского дворянства за счет бо-

лее быстрого освоения сложных новинок и быстрой обучаемости. А учиться немецкому офицеру приходилось во время всей службы, поскольку немецкое командование не назначало офицеров ни на какие должности, если не было уверенности, что они с ними справятся, поэтому обязательно готовило их к этим должностям невзирая ни на какую тяжелую обстановку на фронте. Из воспоминаний Бруно Винцера следует, что, поскольку он уже командовал ротой, то очередное звание не задержалось, и в войне с СССР 1 мая 1942 года он стал гауптманом, успешно командуя уже дивизионом, а летом 1943 года, в разгар сражения на Курской дуге: *«Из управления кадров сухопутных войск прибыл некий майор Прой, которому я должен был передать дивизион, так как меня выделили для прохождения курсов будущих командиров полка».*

По нашим представлениям, Винцера послали в академию, поскольку в послевоенной Советской армии для занятия должности командира полка нужно было три года отучиться в академии. Однако в немецкой армии, вспоминает Винцер, все это выглядело так:

«На курсах командиров полков на танкодроме в Вюндорфе под Берлином собралось около ста офицеров из армий и войск СС: капитаны, майоры и несколько обер-лейтенантов.

В течение первой недели должны были состояться учения танкового полка, затем мы должны были отправиться на три дня в Путлос в Гольштейне, где нам предполагали показать новейшие орудия и танки, а также стрельбу из них боевыми снарядами; после этого мы должны были пройти курс обучения в «Ecole militaire» в Париже.

Наступили два знойных месяца во французской столице, о которой мы мечтали, но которую во время нашего обучения почти не видели.

Мы зубрили инструкции, слушали доклады, смотрели фильмы, обменивались опытом и заставляли полки и дивизии совершать походы на ящике с песком или по карте. Для каждого командно-штабного учения нам накануне сообщалась «обстановка», и мы должны были в письменной форме разработать и изложить свою оценку обстановки,

предложения и приказы. Вводя новые факторы по ходу командно-штабных игр, проверяли, насколько мы способны быстро принимать правильные решения. От общей оценки по окончании курсов зависело наше дальнейшее использование. Каждый хотел получить квалификацию командира полка, добиться возможно большего успеха; ведь результаты определяли всю дальнейшую карьеру. На этой почве разыгрывалась яростная конкурентная борьба, а усиленные занятия порождали подобие психоза».

Однако судя по тому, что Винцер достаточно неприязненно отзывается о подготовке на этих курсах, и по тому, что он окончил войну гауптманом в прежней должности командира дивизиона, он не сумел успешно окончить эти курсы. Тем не менее отметим, что немецкая «академия» располагалась в трех местах, и обучали в ней не более трех месяцев. У нас же война тоже сократила сроки обучения и в академиях, однако и во время войны обучение длилось от 6 до 12 месяцев.

Я уже писал, что у немцев не было ни военных училищ, ни академий, но вот мне принесли документально-рекламный фильм немецкой киностудии UFA времен Второй мировой войны. Фильм называется «Фанен-юнкер» и начинается с показа марширующих в зимнем камуфляже и с лыжами очень молодых людей, входящих в достаточно большой комплекс многоэтажных зданий с вывеской «Пехотное училище № 1» — так, по крайней мере, перевел переводчик уже с английских титров. Далее идут кадры, как эти счастливые молодые люди занимаются всеми видами спорта, плавают в закрытом бассейне и тому подобные рекламные виды. Думаю, что о любом нашем военном училище киношники сняли бы точно такой же фильм. Я смутился — неужели и у немцев были такие же училища, как у нас? Училища, в которые принимали выпускников школ и из которых их выпускали офицерами?

Но вот фанен-юнкеров показали в повседневной форме (а в кадр попадало человек 40), и выяснилось, что у всех воротники обшиты галуном, т. е. все они были минимум унтер-офицеры. Затем в эпизодах стали попа-

даться погоны и мундиры крупным планом, и оказалось, что у унтеров погоны пересекаются двумя лычками «фанен-юнкера офицера», а вот у фельдфебелей — не у всех. То есть часть фельдфебелей была из солдат без образовательного ценза. Практически у половины (если не больше) курсантов в пуговичную прорезь кителя была продета ленточка Железного креста 2-го класса, у некоторых висели и кресты 1-го класса, а у одного был огромный шрам на лице. Сомнения исчезли — все они были бывалые воины, фронтовики. В кадры фильма попали четверо преподавателей: один гауптман вел занятия по национал-социалистической идеологии, второй преподавал автодело, третий — тактику, и обер-лейтенант был артиллеристом. Все четверо имели Железные кресты 1-го класса и Штурмовой знак, т. е. каждый из них лично ходил в атаку не менее 10 раз. Впечатлило, что все преподаватели были не только заслуженными фронтовиками, но и в невысоком звании, т. е. будущих лейтенантов учили их будущей работе те офицеры, которые прекрасно знали эту работу в самом современном ее виде. (Видите ли, можно ведь и маршала поставить обучать лейтенантов, но что он помнит о том, как командовать ротой?) В итоге в этом фильме внешне все было, как и у нас, но внутренне все различалось — здесь не учили бывших школьников «на офицеров», здесь доучивали «почти офицеров».

Между прочим, выше я цитировал Кариуса, которого отозвали на курсы шоферов и механиков-водителей танков, а потом он около 3 месяцев учился и на курсах офицеров, с которых, правда, не сумел выпуститься лейтенантом. Судя по всему, он учился именно в таком училище, в покоем училище учился и Мюллер.

Подготовка офицеров флота

Моряк-дальневосточник М.Ф. Шугалей подготовил работу, в которой собрал сведения о подготовке офицеров военно-морского флота в США, Великобритании, Германии и Японии.

Что касается немцев, начать, пожалуй, нужно с того, что *«трудовая повинность стала обязательной для всей молодежи в соответствии с законом от 26 июня 1935 г. По этому закону все молодые люди в возрасте от 19 до 25 лет должны были «служить определенное время своему народу в системе государственной трудовой повинности».* Это должно было убедить молодых людей в нравственной ценности труда, ослабить классовые противоречия, уничтожить пренебрежительное отношение к простому ручному труду и усилить общественное сознание всех слоев населения.

Выпускники средних 12-летних германских школ получали основательную подготовку по математике (вплоть до дифференциального и интегрального исчисления), физике, химии и другим техническим дисциплинам, поэтому им не требовалась общенаучная подготовка в стенах военных училищ, где изучались только военные и военно-технические предметы. Поступивший на курс молодого бойца кандидат в офицеры вносил залог в 100 марок, который не возвращался, если кандидат отказывался от дальнейшего обучения. Основным звеном в системе подготовки морских офицеров было расположенное вблизи Киля военно-морское училище (ВМУ), с 1919 г. готовившее кадры для флота.

Так, бывший командир подводной лодки VII серии Г. Вернер начал обучение в училище во Фленсбурге 1 декабря 1939 г. в 20-летнем возрасте. Вместе с ним начали обучение 600 новобранцев. После прохождения первоначальной общей военной подготовки и трехмесячной практики на борту учебного парусника «Хорст Вессель» и еще трехмесячной на боевом учебном корабле — минном заградителе — курсанты его набора распределялись на малые боевые корабли для исполнения обязанностей матросов. За три месяца первоначальной военно-морской подготовки курсанты изучали морскую практику, управление шлюпкой, компасы и навигацию. После обучения на парусных судах кандидатам в офицеры присваивалось звание «зее-кадет».

...На специальных учебно-боевых кораблях курсанты практически осваивали вооружение корабля, участвовали в стрельбах и учились вести дневниковые записи. Каждому

курсанту выдавался вахтенный журнал, в который он подробно должен был заносить события на корабле, заносить в него схемы выполненных боевых упражнений и устройство главных механизмов и систем корабля. Навык ведения личного вахтенного журнала (дневника) приучал будущего офицера анализировать события и грамотно составлять отчеты о проделанной работе. Такими учебными кораблями служили или устарелые броненосцы «Шлезвиен» и «Шлезвиг-Гольштейн», или быстроходные минные заградители «Бруммер» и «Бремзе». Впоследствии для подготовки курсантов были задействованы все оставшиеся в составе флота крейсера. После подготовки на учебных кораблях курсанты распределялись для службы в матросских должностях на боевых кораблях флота. Через год и месяц после набора, первоначальной практической подготовки и службы на малых боевых кораблях (сторожевых кораблях, торпедных катерах, тральщиках и т. п.) кандидаты в офицеры получали звание фенрихов и прибывали в ВМУ».

Итак, после выявления желания стать морским офицером молодые люди тринадцать месяцев не сходили с корабля, причем на учебных кораблях, на которых их учили хоть чему-то офицерскому, они находились, судя по всему, около трех месяцев. Что характерно, учили их не преподаватели: «Командирами учебных кораблей (даже парусных) назначались самые перспективные офицеры. В годы войны многие из них дослужились до адмиральских чинов». На остальных кораблях морские кадеты исполняли матросские обязанности. Но вот, наконец, они попадают в собственно военно-морское училище.

«Там они в течение 5 месяцев изучали военные дисциплины: навигацию, тактику, военную администрацию и технику военного флота, английский язык, а также с ними проводились занятия физической подготовкой, включавшей в себя гимнастику, бокс, фехтование, спортивные игры, парусный спорт, верховую езду и прыжки в воду». Что характерно, при обучении морских офицеров в США и Великобритании тоже обязателен был бокс, в Японии — дзюдо и кэндо (фехтование на мечях). У офицеров вырабатывали агрессивность или, другими словами, иници-

ативность — решимость первым нанести удар, первым напасть.

«В изучении кораблевождения особый упор делался на мореходную астрономию, совершались штурманские походы на небольших (до 1000 т) учебных судах, учебные занятия на шлюпках, под веслами и парусом, на катерах. Основной упор делался на практическое освоение морского дела. Оружие (торпедное и артиллерийское), а также техника флота изучались поверхностно и по ним давались только основные сведения. Делалось это потому, что техника на флоте разнообразная и ее всю изучить невозможно». И так, аж пять месяцев было обучение в училище, из которых значительная часть проводилась курсантами в море! Однако и окончание училища не приводило к вручению погон и банкету.

«После окончания училища фенрихи (аналог отечественного звания гардемарин) распределялись на корабли действующего флота для практического освоения обязанностей офицеров. Этот этап подготовки (Offiziershauptprüfung) занимал около года. Производство в очередные звания и назначения на офицерские должности производились в индивидуальном порядке».

И никаких экзаменов и выпускных вечеров в мае! Фенрих становился лейтенантом только тогда, когда командование боевого корабля считало, что он им стал. Не преподаватели, а командиры кораблей! Только когда ОН САМ изучил, к примеру, устройство орудий главного калибра, научился рассчитывать параметры стрельбы, научился командовать расчетом и нести вахту, командир корабля давал отмашку — годится быть лейтенантом флота! Не научился, будет учиться дальше. А потом: *«По мере необходимости формировались специальные группы для подготовки офицеров к занятию следующих должностей. Фенрихи, получившие достаточную практику, направлялись в учебные флотилии (например учебный дивизион Первой учебной флотилии) для подготовки к службе на ПЛ. Там на учебных подводных лодках они осваивали практические обязанности командира и механика по управлению ПЛ в нештатных ситуациях и при обычной или боевой обстановке, в ходе торпедных атак.... После 1–2 лет службы в*

офицерских должностях офицер мог быть назначен командиром ПЛ... Обучение подводника для занятия должности командира ПЛ не было долгим. Г. Вернер, прибыв на курсы 10 января 1944 г., уже 1 апреля, после двухнедельного отпуска, принял под свое командование подводную лодку в боевой флотилии, базирующуюся на Брест. А 11 апреля новый командир ПЛ вышел в свой первый боевой поход». Немцев офицеров постоянно обучали на курсах, но ни на каких курсах им не давали «оттянуться», к примеру: «Курсы по изучению новых самонаводящихся и маневрирующих торпед в Готенхафене (Гдыне) длились трое суток, и на них обучались старшие помощники командира подводных лодок». Аж три дня! Надо же! А когда же они пивком баловались?

Нельзя сказать, что такое немецкое обучение было дешевле. Гораздо дешевле было бы закупить для курсантов парты и дать им за партами спать на лекциях, нежели выводить в море корабли для их обучения, да еще и под командой наилучших офицеров флота. Но немцы на это шли, и если подсчитать, то молодой человек, пожелавший стать офицером немецкого флота, в среднем становился им через два с половиной года.

А у нас в военно-морских училищах всего пять лет заставляют заучивать то, что курсанты никогда не пробовали руками, что никогда им не будет нужно, а затем ответить заученное по шпаргалкам на экзамене, — и готов лейтенант! А для чего он готов? Для своего настоящего обучения уже в ходе службы на корабле — для того, с чего немцы и начинали.

«Если сравнивать подготовку моряков-подводников различных стран, то заметно, что наименьший практический опыт получали советские подводники, — делает вывод М.Ф. Шугалей. — Если в Великобритании, США и Германии основной упор делался на длительную практическую подготовку с многочисленными практическими стрельбами, то в советском флоте объем стрельб (особенно с выпуском практических торпед) был значительно меньшим. При этом объем теоретических знаний, получаемых в советской системе образования, был несоизмеримо большим, чем в иностранных флотах».

Обучением офицеров в немецком флоте занимался командующий подводными силами адмирал Дениц, девизом которого было: *«Практика — мать учения. Чрезмерная теория — потеря времени»*.

Закончить тему подготовки немецких офицеров нужно вот чем. Я везде пишу, что «их учили», поскольку я, русский, только так вижу этот процесс, да и сами немцы пишут, что их учили. Но в своей сути это не так — они обучались САМИ! Все — их командиры, сослуживцы, различного рода курсы и нечто вроде училищ, — только предоставляли им возможность и помогали им учиться САМИМ. И здесь есть психологический нюанс. Если ты учился сам, то ты сам и дурак, если сделал не то, что надо. Ты только сам за это сделанное и отвечаешь. А вот если тебя учили, то виновным становится и тот, кто тебя учил — а может, он тебя плохо учил?

В любом случае по этой невидимой нам грани проходит водораздел — наших офицеров — учили, немецкие офицеры — учились сами.

Единство командиров и войск

Генерал-лейтенант германской армии Фридрих фон Кохенгаузен, один из немецких военных теоретиков, в выдержавшей с 1923 по 1936 г. 12 изданий книге «Вождение войск» пишет (выделено им):

«Сила воли, твердость характера и военные знания являются основой искусства командира соединения. При этом он должен руководствоваться ясными основными положениями, которые вырабатываются лишь длительной работой над самим собой, вдумчивым проникновением в сущность войны и изучением военной истории. Выработанная таким путем ясность суждения позволит ему действовать целесообразно при всякой, даже самой затруднительной, обстановке. Важнейшими качествами вождя являются готовность брать на себя ответственность и инициатива. «Каждый начальник должен всегда сознавать, что бездействие и промедление — более тяжкое преступление, чем ошибка в выборе средств». Всегда следует стремить-

ся к тому, чтобы навязать противнику свою волю. Особенно важно постоянно поддерживать личное общение с войсками, чтобы начальник мог во всякое время сам составить себе представление о потребностях и боеспособности войск. Если войска знают, что начальник живет для них и делит с ними радость и горе, они охотно отдадут последние силы для достижения боевой цели, а также сумеют перенести неудачи.

Командир соединения должен управлять своими войсками, до конца сам продумывать каждое положение и иметь решающий голос при принятии решения и отдаче приказов. Для этого он должен превосходить своих помощников в умственном и волевом отношении, никогда не должен становиться по отношению к ним в зависимое положение, опускаться до чисто представительной роли.

Лучшим мериллом деятельности командира соединения и его помощников служит оценка их работы самими войсками. Легче всего они добьются доверия и благодарности войск, если будут вести их к победе, заботясь в то же время о сбережении их сил.

Важные принципы командования:

1. **«Сперва взвешивать, потом дерзать!»** (Мольтке).
2. **Уделять главной задаче как можно больше сил, а второстепенным — как можно меньше!**
3. **Быстро распознавать и решительно использовать благоприятные случаи обстановки.**
4. **Быстрота и внезапность могут возместить численную слабость.**
5. **В своих соображениях необходимо учитывать потерю времени, вызываемую характером местности, временем суток и года, атмосферными условиями и состоянием войск.**
6. **Всегда заботиться о непрерывном поддержании боеспособности своих войск!**
7. **Учитывать основы управления и тактику противника!»**

Какие принципы! «Если войска знают, что начальник живет для них и делит с ними радость и горе, они охотно отдадут последние силы для достижения боевой цели, а также сумеют перенести неудачи». Если я правильно понимаю, то

в нашей армии войска знают, что для них живут «деды», а начальники и вправду что-то там делят, но что — непонятно. *«Лучшим мерилом деятельности командира соединения и его помощников служит оценка их работы самими войсками»*. Эх, эти бы принципы, да в уши нашей армии!

Подводя итоги о подготовке офицеров, давайте выделим принципиальную разницу в постановке этого дела у нас и у немцев. У нас уже минимум полтора века офицеров обучают и готовят вне армии. Готовят те, кто мало воевал и служил и лично воевать и служить не собирается. Готовят, так сказать, не для грабежа других стран, а для грабежа казны своего народа. А у немцев офицеры воспроизводились в недрах армии, и воспроизводились они для войны, и обучались теми, кто собирался командовать этими офицерами в бою.

И вот эта сильнейшая армия мира, возможно, за всю мировую историю, молниеносно разгромив всех доступных соседей, отправилась на «веселую охоту» на Востоке. И эта армия имела основания смотреть на войну с СССР именно так — как на веселую охоту.

Традиционные силы

Когда я пишу, что немецкая армия образца 1941 года на тот момент была сильнейшей армией мира, возможно, за всю мировую историю, я имею в виду не то, что традиционно считается силой армии — не ее численность, количество и качество оружия. Я имею в виду ее высочайший моральный и интеллектуальный уровень, то есть, помимо мужества и храбрости, ее генералы, офицеры и даже солдаты обладали выдающейся способностью решать боевые задачи. Не уверен, превосходил ли немецкий военно-морской флот в этом отношении британских моряков, но сухопутные силы и военно-воздушный флот не знали себе равных.

Но и в традиционном смысле сила немцев была огромной.

И сегодня главный агрессор мира — США — стремятся для своих агрессий объединить вассалов, но президен-

ты США до сих пор в этом отношении даже в подметки не годятся Гитлеру.

Снова напомним, что в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. СССР воевал не с 90 млн тогдашних немцев и австрийцев — он воевал, по сути, со всей континентальной Европой. К 22 июня 1941 года Германия объединила под своей властью практически весь европейский Запад. Часть стран Европы воевала с СССР непосредственно — Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия, Дания, Испания, Словакия, Хорватия и Норвегия. (Болгария официально с СССР не воевала, но, участвуя в войне на стороне Германии, освобождала немецкие дивизии для войны в СССР.) Еще часть Европы под оккупационным правлением немцев снабжала Германию сырьем, оружием и добровольцами — это большая часть Франции, Бельгия, Голландия, Чехия, Польша, Греция, Югославия. (В вооруженные силы Германии добровольцами вступило около полутора миллионов человек.) Как бы нейтральные Швеция, Швейцария и Португалия также участвовали в войне на стороне немцев.

Контролируемая Германией территория Европы занимала 3 миллиона квадратных километров, запасы стратегического сырья и материалов с этого пространства, мобилизационные запасы (особенно ценные у Франции, Чехословакии, Бельгии, Голландии и Австрии), военная промышленность, вооружение и военная техника армий союзных, нейтральных и оккупированных стран — все это было поставлено Гитлером на службу военной экономике Германии и использовано для ведения войны против народов Советского Союза.

Франция являлась самым крупным поставщиком оружия, промышленной продукции и сырья для Германии. Сдавшись, французская армия передала немцам 3 тысячи боевых самолетов и 4930 танков. (Для сравнения: считается, что немцы напали на СССР, имея в войсках около 5 тысяч своих и союзных самолетов и около 5 тысяч танков.) До лета 1941 года из Франции было вывезено 5 тысяч паровозов и 250 тысяч вагонов. Французскими автомобилями были оснащены 58 пехотных, 3 мо-

торизованные и одна танковая дивизии. Из Франции в Германию было вывезено промышленного оборудования и станков на общую стоимость около 9,8 млрд франков. (Для сравнения: в 1938 предвоенном году Франция потратила на собственные ВВС 7 млрд.) А поскольку оккупационные платежи Франции составляли 400 миллионов франков в день, то на экономические цели Германии пошел и золотой запас Франции.

Из Франции в Германию ежемесячно направлялось по 3 тысячи тонн алюминия и вдобавок к ним 2 тысячи тонн глинозема, бокситы и 300 тонн магнезия, железная руда, фосфаты, кобальтовая руда, графит, специальные и растительные масла, продовольствие. На предприятиях Франции, работавших на производство оружия для Германии, к началу войны с СССР было занято 1,6 миллиона человек, они до января 1944 года поставили Германии еще минимум 4000 самолетов, около 10 тысяч авиационных двигателей, 52 тысячи грузовиков. Вся локомотивная промышленность и 95 процентов станкостроительной промышленности работали только на Германию.

Крупнейшим арсеналом Германии стала Чехия, которая до войны считалась вторым мировым экспортером оружия. По оценке Черчилля, чехи, отказавшись защищать свой суверенитет, подарили немцам оружие, достаточное для вооружения 35 дивизий. К немцам попали заводы концерна «Шкода» — второй по мощности арсенал Центральной Европы, который, по подсчетам того же Черчилля, в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года один выпустил почти столько же военной продукции, сколько выпустили все английские заводы за то же время.

Чехи сдали немцам свое оружие в образцовом состоянии, включая 1,25 миллиона винтовок. А в уже воюющей Англии еще и в 1941 году свыше миллиона английских солдат винтовок еще не имели, и Черчиллю с большим трудом удалось выцарапать у американского президента Рузвельта всего 150 тысяч стволов. В годы войны чешские предприятия выполняли «программы фюрера» по производству танков, орудий, авиационных моторов и

самолетов, включая узлы для ракет Фау. Чехия была недостижимой для английской авиации, поэтому военное производство здесь постоянно наращивалось, и сюда был переведен целый ряд военных заводов из самой Германии. Чехи старались: по немецким данным, в 1944 году Чехия ежемесячно поставляла в Германию около 11 тысяч пистолетов, 30 тысяч винтовок, более 3 тысяч пулеметов, 15 миллионов патронов, около 100 САУ, полторы сотни пехотных орудий, 180 зенитных орудий, более 620 тысяч артиллерийских снарядов, почти миллион снарядов для зенитной артиллерии, от 600 до 900 вагонов авиационных бомб, 1000 тонн пороха и 600 тысяч тонн взрывчатых веществ. Ежемесячно!

В Польше в собственность Германии и отдельных немцев перешло 294 крупных, 9 тысяч средних и 76 тысяч мелких промышленных предприятий, выпускавших самолеты, танки, артиллерийские орудия и боеприпасы. Кроме этого, были построены новые военные заводы, к примеру, на базе «лагеря смерти» Освенцим работало свыше 50 химических производств, на которых европейские евреи производили для Германии от синтетического моторного топлива и каучука до взрывчатки.

Голландия половину своей промышленной продукции выпускала по заказам Германии, из Бельгии немцы получили 74 тысячи железнодорожных вагонов и 351 тысячу автомашин.

Болгария поставила Германии 546,3 тысячи тонн угля, 406,5 тысячи тонн руды, 10,9 тысячи тонн шерсти, 2,9 тысячи тонн кож, 375,7 тысячи тонн зерна, 49 тысяч тонн мяса, 128 тысяч тонн табака, 4,4 миллиона овец, 3,1 миллиона свиней, 767 тысяч голов птицы, 168 миллионов яиц, 265 тысяч тонн различных фруктов, 450,6 тысячи тонн спиртных напитков.

Как бы нейтральная Швеция поставляла Германии не только добровольцев для дивизии СС «Викинг», но и железную руду, которая имела исключительную важность для производства вооружения. Некоторые считают, что в каждом немецком орудии и танке содержалось до 30% шведского металла. Кроме того, Швеция поставляла под-

шипники и разнообразное приборное оборудование для вооружения и военной техники.

Та война была войной стали, и насколько важны были все эти поставки, говорят числа ее производства: в 1940 году Германия вместе с оккупированными и союзными странами производила 31,8 миллиона тонн стали и добывала 439 миллионов тонн угля, а в СССР производилось 18,3 миллиона тонн стали и 166 миллионов тонн угля.

Из нейтральной Швейцарии немцы получали оружие и боеприпасы, металлообрабатывающие станки, телефоны, рации, часы. Однако более важную роль Швейцария играла как посредник в транспортировке нефти и другого сырья между Германией и оккупированной Францией. Что касается природной нефти, то помимо попадания в руки немцев всех ее европейских залежей нефть им поставлял и американский концерн «Стандарт ойл». Не прямо, конечно, а через латиноамериканские страны и нейтральные страны Европы. Весь танкерный флот Испании, к примеру, этой работой и был загружен, правда, в январе 1944 года Черчилль добился прекращения поставок нефти из США в Испанию, но уже в мае они были возобновлены. Бизнес есть бизнес.

Я пишу о странах, которые как бы не воевали с СССР, а союзники немцев, разумеется, сами вооружали свои армии и всемерно помогали немцам экономически. Так, к примеру, из Норвегии ежегодно вывозилось 200–240 тысяч тонн меди, 200 тысяч тонн серы, 150 тысяч тонн ферросплавов. Дания поставляла Германии (1942 год) 10% потребляемого Германией масла, 20% мяса, 90% свежей рыбы; промышленные предприятия Дании выполняли все немецкие заказы, отремонтировав немцам, например, 174 корабля. Электростанции Норвегии через подводный кабель снабжали Германию электроэнергией, более 7 процентов экономически активного населения было занято работой на немцев, и к 1944 году на победу Германии тратилось 40% национального дохода Норвегии.

И раз мы уже заговорили о трудовых ресурсах, то в связи с войной их немцам стало сильно не хватать. И тут

Европа не осталась безучастной — в промышленности и сельском хозяйстве Германии работало 7 миллионов европейцев. Частью это были военнопленные, но основная часть — наемные рабочие.

Европа приближала победу немцев, как могла. Сталась!

С войны 1812 года ничего подобного немецкой армии и немецкой силе Россия не видела.

Однако помимо осознания своей силы немцы еще и очень презрительно смотрели на Россию.

Традиции русской армии

Ведь немцы решились на ту войну именно потому, что и рассчитывали встретить в боях именно русский народ — неких европейских папуасов с трусливыми и тупыми командирами. А рассчитывали на это именно потому, что видели русскую армию совсем недавно — в Первой мировой войне, и именно тогда они преисполнились глубокого презрения к воинской доблести русских.

К такому обидному выводу необходимы пояснения.

Да, и в Первую мировую не все было однозначно, были и сражения, и бои, в которых русские войска показывали исключительную доблесть. Выше я упоминал позорную сдачу гарнизона мощнейшей русской Новогеоргиевской крепости, но одновременно исключительное мужество показал гарнизон русской Осовецкой крепости, имевшей не 1000, как Новогеоргиевская, а всего 71 крепостное орудие. Три штурма выдержала Осовецкая крепость, и хотя перед нею ставилась первоначальная задача задержать немцев всего на 48 часов, крепость под командованием генерала Шульмана, а потом генерала Бржозовского держалась 190 дней. Немцы вели по крепости мощнейший орудийный огонь, в том числе из 16 200-мм, 16 300-мм и 4 400-мм орудий (последние стреляли снарядами весом в 800 кг); по некоторым данным, немцы выпустили по крепости до 400 тысяч снарядов всех калибров, провели газовую атаку по гарнизону, не имевшему противогазов. И не смогли крепость взять, понеся тяже-

лые потери, в том числе русские артиллеристы уничтожили и два немецких осадных 400-мм орудия. Гарнизон крепости отошел по приказу, вытащив на себе из крепости все орудия, все оставшиеся боеприпасы и оружие и взорвав уцелевшие оборонительные сооружения.

Между тем, как сообщает К.К. Звонарев в книге «Агентурная разведка», генерал Н.А. Бржозовский был давним немецким агентом, начавшим предавать Россию за много лет до войны, и к нему тоже явился от немцев посланник с предложением 500 000 марок за сдачу крепости, но Бржозовский отказался. Рассмотрев сообщения об этом случае, начиная от сообщения начальника тогдашней немецкой разведки полковника Николаи до иных заинтересованных лиц, Звонарев пишет: *«Невыясненным остается вопрос — из каких побуждений Бржозовский, продававший еще в мирное время интересы России, отказался исполнить требование своих хозяев-немцев. Николаи объясняет это «сильным пробуждением национальных чувств». Нам кажется, что «национальные чувства» здесь ни при чем. Сообщение Буняковского показывает, что посланный германской разведкой офицер не совсем тактично выполнил возложенную на него задачу, разболтав о ней на передовых линиях. Если бы Бржозовский принял предложение при таких условиях — скандал и гибель его были бы неизбежны. Отказавшись же от такого предложения, он мог рассчитывать на повышение, награды и всяческие милости со стороны русского верховного командования, что в действительности и было».* Разболтал немец-парламентер, зачем он идет к коменданту, или нет, не имеет значения, поскольку и дураку ясно, что враг не посылает к коменданту парламентаров чаю попить. В данном случае и мотивы Бржозовского не так интересны, а интересно то, что даже этот немецкий агент в должности коменданта русской крепости не посмел поставить вопрос о сдаче крепости перед гарнизоном крепости — таков был этот русский гарнизон.

И при всем этом эти подвиги части русских солдат и офицества нивелировались тем, что в русской армии выпирало классовое расслоение. Сплошь и рядом офи-

церы и генералы не видели себя одним целым с солдатами и при возникновении тяжелых ситуаций (в которых эти же офицеры и генералы, не умеющие воевать, и были виноваты) бросали командовать вверенными им войсками и пытались спастись сами.

Вот, скажем, известный в нашей истории генерал Л.Г. Корнилов весной 1915 года был начальником 48-й пехотной дивизии, в составе которой находились овеянные славой Румянцева и Суворова 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский полки. Сначала Корнилов не выполнил приказ и завел дивизию в окружение, затем послал два полка в атаку на пулеметы без какой-либо поддержки их артиллерией, затем, когда положение стало критическим, вместе со штабом удрал в горы, а там оголодал и спустился, сдавшись австрийскому разъезду. Его обезглавленная дивизия частью пробилась из окружения, частью сдалась.

Мне не раз приходилось приводить в пример наблюдения противника — начальника оперативного отдела, а затем и начальника штаба Восточного фронта в Первой мировой войне генерала Гофмана, который писал о начальных сражениях (о Восточно-Прусской операции) той войны (выделено мною):

«На этом сражение было закончено. Окруженные русские отряды не предприняли каких-либо серьезных попыток прорваться на юг. Я считаю, что в случае окружения русскими германских войск последним все-таки удалось бы прорваться. Ведь на всей линии Мушакен — Вилленберг на протяжении 50 километров мы имели в нашем распоряжении всего только около 29 батальонов. Для сравнения я хотел бы указать на единственный случай, когда русским удалось окружить германские войска — у Бржезан в Польше. Но там германское командование и германские войска поступили как раз наоборот, — генерал фон Лицман стал во главе окруженных войск и прорвался вместе с ними. Русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства, вразброд атаковали окружающие войска, но каждый раз вновь отступали перед огнем наших слабых отрядов и в конце концов тысячами сдавались в плен гораздо более сла-

бым германским частям. Так, один батальон 43-го полка взял в плен 17 000 человек. Утром 30-го генерал фон Шметтаз донес, что его слабые силы у Вилленберга до сих пор взяли в плен 11 000 человек и не знают, куда их девать. Только гораздо позже, уже во время операций в Южной Польше, главное командование узнало, что всего было взято в плен 92 000 человек».

Почему «русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства»? Потому, что генерал Самсонов, командовавший этими войсками в Восточно-Прусской операции, увидев тяжелое положение своей 2-й армии в результате немецких ударов, сначала обезглавил армию, бросив ее командовать, а затем пытался выйти из окружения сам, но в конце концов застрелился. Были разбиты пять корпусов вверенной Самсонову 2-й армии, в боях были убиты 10 русских генералов, а 13 сдались в плен. И это еще высокий показатель боевой стойкости русских генералов, поскольку по итогам всей Первой мировой войны были убиты, пропали без вести и умерли от ран 35 русских генералов, а в плен сдались 73.

Немецкие генералы лично выводили вверенных им солдат из окружения, а русские генералы во множестве удирали от своих солдат и от своей обязанности командовать ими в тяжелых боях, чем обезглавливали русские войска, помогая противнику добить их.

Но и это не все. Русский народ категорически не хотел воевать за тогдашних олигархов и их цели. Спустя всего лишь год после начала Первой мировой войны начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич писал военному министру генералу А.А. Поливанову: «...Уже были одобрены Его Величеством две меры: 1) лишение семейств лиц добровольно сдавшихся пайка, 2) по окончании войны высылка этих пленных в Сибирь для ее колонизации. Было бы крайне желательно внушить населению, что эти две меры будут проведены неукоснительно и что надель перейдут к безземельным, честно исполнившим свой долг. Вопрос кармана (земли) довлеет надо всеми. Авторитетнее Думы, в смысле осуждения добровольной сдачи и подтверждения необходимости возмез-

дия, нет никого. Не желая обращаться по этому вопросу к Родзянко в обход правительства, Великий князь поручил мне просить Вас, не найдете ли возможным использовать Ваш авторитет в сфере членов Думы, чтобы добиться соответствующего решения хотя бы мимоходом, в речи Родзянко или лидера центра, что, очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдают, забывая долг перед Родиной, ни в коем случае не могут рассчитывать на одинаковое к ним отношение, и что меры воздействия в виде лишения пайка и переселения их всех, после мира, в пустынные места Сибири, вполне справедливы. Глубоко убежден, что это произведет огромный эффект...»

Россия, имея на 1914 год численность населения в 166 миллионов человек (столько же, сколько в Германии, Англии и Франции, вместе взятых), потеряла в Первой мировой войне убитыми около 650 тысяч человек (беру числа по довоенной энциклопедии). А Франция (39 млн населения), Великобритания (44 млн) и Италия (35 млн) потеряли убитыми 1370; 690 и 500 тысяч человек. Зато эти три государства вместе потеряли пленными и пропавшими без вести 1360 тысяч человек, а Россия одна — 3640 тысяч. Плюс к 1915 году в русской армии уже числились сбежавшими с фронта 1 миллион дезертиров.

Отказ командования от подготовки к реальной войне

Эти традиции императорской армии в Красной Армии — нежелание командиров всех степеней учиться военному делу в его современном виде, — видели все, в первую очередь, конечно, руководство СССР. В своем приказе № 120 от 16 мая 1940 г. по итогам советско-финской войны 1939—1940 года нарком обороны маршал С. Тимошенко пытался эти традиции как-то сломать:

«Опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочеты в боевом обучении и воспитании армии.

Воинская дисциплина не стояла на должной высоте. В отдельных случаях состояние дисциплины не обеспечивало твердого выполнения войсками поставленных им боевых задач.

Войска не были подготовлены к боевым действиям в сложных условиях, в частности к позиционной войне, к прорыву УР, к действиям в суровых условиях зимы и в лесу.

Взаимодействие родов войск в бою, особенно в звене рота — батарея, батальон — дивизион, являлось наиболее узким местом.

Основной причиной плохого взаимодействия между родами войск было слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск.

Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии.

Артиллерия, танки и другие рода войск также имели ряд недочетов в своей боевой выучке, особенно в вопросах взаимодействия с пехотой и обеспечения ее успеха в бою.

В боевой подготовке воздушных сил резко выявилось неумение осуществлять взаимодействие с наземными войсками, неподготовленность к полетам в сложных условиях и низкое качество бомбометания, особенно по узким целям.

Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям.

Командиры не командовали своими подразделениями, не держали крепко в руках подчиненных, теряясь в общей массе бойцов.

Авторитет комсостава в среднем и младшем звене невысок. Требовательность комсостава низка. Командиры порой преступно терпимо относились к нарушениям дисциплины, к пререканиям подчиненных, а иногда и к прямым неисполнениям приказов.

Наиболее слабым звеном являлись командиры рот, взводов и отделений, не имеющие, как правило, необходимой подготовки, командирских навыков и служебного опыта.

Старший и высший комсостав слабо организовал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации.

Командный состав запаса был подготовлен исключительно плохо и часто совершенно не мог выполнять свои обязанности.

Штабы по своей организации, подбору и подготовке кадров, материально-техническому оснащению не соответствовали предъявляемым к ним требованиям: они работали неорганизованно, беспланово и безынициативно, средства связи использовали плохо, и особенно радио. Информация была плохая. Донесения запаздывали, составлялись небрежно, не отражали действительного положения на фронте. Иногда в донесениях и докладах имела место прямая ложь. Скрытым управлением пренебрегали.

Командные пункты организовывались и несли службу плохо, неумело переходили с одного места на другое.

Боевой опыт не изучался и не использовался. Штабы слабо занимались подготовкой войск к предстоящим действиям.

Управление войсками характеризовалось поспешностью, непродуманностью, отсутствием изучения и анализа обстановки, предвидения последующего развития событий и подготовки к ним. Часто имело место излишнее вмешательство старших начальников в работу младших. Старшие начальники, увлекаясь отдельными эпизодами, упускали управление частью или соединением в целом.

Разведывательная служба организовывалась и выполнялась крайне неудовлетворительно. Разведорганы войсковых штабов, разведывательные подразделения частей и соединений были подготовлены плохо. Войска неумело вели разведку в условиях леса, зимы и укрепленной полосы противника, не умели брать пленных.

Во всех родах войск особенно плохо была поставлена служба наблюдения.

Командование и штабы всех степеней плохо организовали и неумело руководили работой тыла. Дисциплина в тылу отсутствовала. Порядка на дорогах, особенно в войсковом тылу, не было.

Организация помощи раненым была нетерпимо плохой и несвоевременной.

Войска не были обучены переездам по железным дорогам».

Яркий букет достоинств РККА, благодаря финнам увиденный всем миром: «не были подготовлены к бое-

вым действиям», «слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск», «неумение осуществлять взаимодействие с наземными войсками», «старший и высший комсостав слабо организовал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации», «штабы работали...неорганизованно, беспланово и безынициативно, средства связи использовали плохо, и особенно радио», «донесения... не отражали действительного положения на фронте ...в донесениях и докладах имела место прямая ложь», «разведорганы...подготовлены плохо». Заметьте, что для исправления всего этого не требовалось ни денег, ни расхода боеприпасов или материальных средств — нужно было только, чтобы командный состав РККА, ежедневно являясь на службу, действительно готовился к войне, а не к драке за чины и выходу на высокую пенсию.

Нарком-то перечислил и приказал исправить недостатки, но исправить положение к 22 июня 1941 года должно было нижестоящее командование РККА — все те, кого все эти незнания и неумения вполне устраивали. Традиции есть традиции, посему, как показали последовавшие события, на приказы наркома большого внимания никто не обращал. Иными словами, командование РККА всех степеней фактически отказывалось вести собственную интеллектуальную подготовку к войне.

Устраивало такое положение в РККА и немцев, и когда Гитлер называл СССР «колоссом на глиняных ногах», он с чисто военной точки зрения имел для этого все основания.

Бандиты и мужики

Я как бы без достаточных оснований утверждал, что средний немецкий военнослужащий смотрел на войну с русскими, как на охоту. Это несколько благодостный взгляд на военное дело и немцев. Вообще-то для того, чтобы быть хорошим солдатом в обычном представлении о солдате, нужно по натуре быть даже не охотником, а бандитом с его бандитской дерзостью, алчущим

добычи и своей бандитской славы. У нас, русских, такие тоже есть, но в целом мы не такие. Не хуже немцев, но не такие.

Считается, что так не правильно, но в качестве примера сошлюсь на свою семью.

У моего дедушки по отцу — Федора — детей было много, но часть из них умерла в детстве (при родах умерла и его первая жена — Анна). Выжило четверо сыновей от бабушки Анны и сын от второй жены — бабушки Горпины (Агриппины). Всего, значит, по мужской линии у меня должно было быть четверо дядьев: Иван, Трофим, Илларион, Николай. Дядя Иван не подлежал призыву и умер в голод 1947 г., остальные ушли на фронт.

По маме у меня было двое дядьев: Иван и Федосей. В Федосея в детстве попала молния, и у него была полупарализована одна сторона тела. А Иван Белокур был военным летчиком.

Сгорел в своем самолете дядя Иван Белокур, убит был пехотинец дядя Трофим Мухин, пропал без вести дядя Николай Мухин. Николай был единственным совместным сыном бабушки и дедушки, и его долго ждали, до середины 60-х не верили, что убит, надеялись, что жив, что в плену, думали, что вот-вот отзовется. Не отозвался...

Из 6 дядьев трое убиты на фронте, половину старшего поколения мужчин моей семьи унесла война.

Из четверых мобилизованных дядьев вернулся только один — артиллерист дядя Илларион (разумеется, старшиной), хитроватый, веселый, с врожденным подначливым хохлацким юмором.

Я знаю десятки фронтовиков, которых хлебом не корми, а дай поговорить о войне. Такие обычно сильно врут и приукрашивают, но ведь хоть что-то от них узнаешь интересное. А тут родной отец, а начинаешь вспоминать, так и получается, что почти все, что узнал о его военной истории, узнал как-то случайно.

Сидят, скажем, как-то у дедушки, наверное, на Пасху (на Пасху мы всегда ездили к дедушке) наша семья, дяди Лари и дяди Гриши — мужа сводной сестры отца — тети

Марии. Дядя Гриша — алкаш, ему много не надо. Поддал и почему-то вспомнил, как жил у бауэра в Германии, куда его подростком угнали немцы. Как ему там было голодно, так голодно, что даже какой-то мох начал расти на теле. Но говорил это таким тоном, что вроде он один на войне пострадал, а все во время войны на курорте отдыхали. У дяди Гриши, судя по моим воспоминаниям, особой любви к отцу не было, и когда папа заметил ему, что и они с Илларионом во время войны не без дела были, дядя Гриша стал оскорблять отца, — дескать, ты всю войну в тылу просидел. Отец вспылил:

— Я 11 раз ходил в атаку!

— Брешешь, — кричал дядя Гриша, — если бы ты 11 раз ходил в атаку, тебя бы убили!

Скандал погасили, а я таким образом узнал, что отец 11 раз ходил в атаку. И дело не в том, что отец был меланхолик или флегматик, нет. Он был, скорее, сангвиник, но ни он, ни дядя Ларя как-то не видели ничего особенного, ничего сверхординарного в своем участии в войне, не видели ничего, чем стоит хвастаться. Дядя Ларик мог похвастаться, какую пару кабанчиков он сумел откормить и довольно подробно рассказать, как он их кормил и как их нужно кормить, чтобы это было выгодно. Но то, что у него орденов столько же, сколько и у отца, среди которых и орден «Славы» да еще и медаль «За отвагу» есть, я узнал совершенно случайно, когда мои кузины при мне искали в шкафу какие-то документы и вытащили коробку с дядиными наградами.

Вообще-то интересным было отношение отца к орденам. Я никогда их на нем не видел, а в детстве мне этого очень хотелось. Я гордился отцом (и сейчас горжусь), и мне так хотелось, чтобы все видели, какой он у меня, короче, мне хотелось хвастаться своим отцом. Я не понимал, что вот этот элемент хвастовства в ношении орденов не устраивает отца. Он долго отказывался надевать ордена, мотивируя это тем, что не хочет портить костюм дырками от них. Тогда я внедрил рацпредложение: без его ведома на лацкан его парадного пиджака подшил петельки, вдел в них ордена, приколот медали. Отец поу-

лыбался и даже сидел в этом пиджаке дома на каком-то торжестве. Но потом все снял. Такое же отношение к орденам и у дяди, да и многих других. Совершенно очевидно, что они не хотели, чтобы другие в их окружении подумали, что они этими наградами хвастаются. Не то это было окружение — это было окружение мужиков. Уже студентом я обнаружил в городе мастерскую, которая делала орденские планки, и заказал их для отца и для дяди. Планки отец принял и стал носить, а дядя, кажется, был даже польщен, что племянник помнит не просто о нем, а даже об этой стороне его жизни. Но... планки отец с пиджака на пиджак не пересаживал. Пиджак из выходного становился повседневным, а планки оставались на нем, а потом с этими планками отец работал в поле на пасеке, а на новом, выходном пиджаке — ничего.

Мы — русские, мы — мужики, ну не нужны нам эти ни воинская слава, ни воинская добыча! Наше дело поле и завод.

Но если нападают на наш дом (не на дом царя, а на наш дом), то извините! Не надо доводить нас до свирепости. И не надо потом жаловаться!

Вспоминаю давно читанное. Когда немцы подошли к Москве, на прием к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину попал академик Вернадский и в разговоре высказался, что «все пропало». Михаил Иванович, сам бывший крестьянин, чувствовавший русский народ, как никто иной, его успокоил: мы — русские, нам нужно время, чтобы рассвирепеть.

А то, что немцы по натуре были охотники, бандиты, подтверждаю разбором эпизода из мемуаров Г. Гудериана, тогда командующего 2-й танковой группой (танковой армией) немцев. Итак, Гудериан описывает первый день войны: *«В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейше-*

го продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их...» Прервем Гудериана на полуслове. Он врет, оправдываясь, и из конца фразы вы поймете, почему.

Если бы немецкий генерал-полковник приказал, то немецкие офицеры не побежали бы за нашими солдатами — на то они и немецкие офицеры. И с другой стороны — убивать или пленить противника, это дело солдат, а не офицеров, — чего это они-то лично побежали, а не приказали солдатам? Трудно ответить по-иному — их погнало дух охоты. Они увидели русских зайцев и побежали за ними, как горячие гончие собаки. Или, как бандиты, увидевшие в темном переулке одинокую женщину в дорожной шубке. И Гудериан, сам бандит, не препятствовал этому — давал своим офицерам развлечься. А оправдывается он потому, что «...но, к сожалению, были при этом убиты».

М-да. Что-то у немцев в этой «веселой охоте на Востоке» сразу пошло не так, что-то с самого начала не стало.

Не так, как немцы рассчитывали

Тему о молниеносной войне необходимо закончить хотя бы схематичным рассмотрением вопроса — а как Красной Армии удалось победить эту лучшую армию мира, возглавляемую командным составом, желающим войны из-за возможности творить в ее боях и битвах, и солдатами, видящими в войне аналог мужского развлечения — охоты?

За счет чего удалось удушить этих «охотников» и заставить сдаться? Есть какой-то иной ответ, кроме ответа, что удалось это сделать за счет превосходящих **МОРАЛЬНЫХ** сил советского народа? Причем именно **СОВЕТСКОГО**. После войны в своем известном тосте Сталин специально выделил заслуги русского народа, но на са-

мом деле это был уже не русский народ, это был именно советский народ.

Моральная сила самой нацистской Германии была огромной, крепнувшей от победы к победе, а побед у немцев хватало. Основывалась эта сила на социалистических идеях, крайнем национализме и расизме. Полагаю, что ошибкой немцев было то, что они свое расовое превосходство считали причиной своей силы, а социализм — следствием национального единства «сверхчеловеков», в результате трагически для себя недооценили социалистическую составляющую в моральной силе народов СССР. Полагаю, что они достаточно долго не верили, что ошиблись, хотя следствия ошибки начали проявляться, как я написал выше, практически с первых дней войны.

Ведь при всех оглушительных немецких победах в начале их нападения на СССР эти победы для немцев с самого начала войны были оглушительно кровавыми, а по своим потерям и близко не соотносимыми с потерями немцев в Первой мировой войне.

Генерал Г. Гот: *«Утром 13 июля (1941) личный адъютант Гитлера, возвращаясь из района боевых действий 2-й танковой группы, заехал в штаб 3-й танковой группы, располагавшийся северо-восточнее Витебска, чтобы выяснить состояние подвижных соединений, которые до этого времени несли основную тяжесть всех боевых действий. Ему сообщили примерно следующее: «За первые три недели боев войска 3-й танковой группы понесли большие потери... Так, потери 19-й танковой и 14-й моторизованной дивизий в общей сложности составляют только 163 офицера и 3422 унтер-офицера и солдата. Тем не менее физическое напряжение личного состава, вызванное сильной жарой, пылью, плохими условиями расквартирования и недостатком сна, значительно больше, чем на Западе. Кроме того, моральный дух личного состава подавлен огромной территорией и пустынностью страны, а также плохим состоянием дорог и мостов, не позволяющим использовать всех возможностей подвижных соединений. Значительное влияние на состояние морального духа личного состава оказывает также упорное сопротивление противника, который*

неожиданно появляется повсюду и ожесточенно обороняется... Упорство русского солдата объясняется не только его страхом перед комиссаром, оно находит свое обоснование и в его мировоззрении. Для него эта война носит характер отечественной войны. Он не хочет возвращения царизма, он ведет борьбу с фашизмом, уничтожающим достижения революции».

Генерал Г. Блюменрит: «Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои... Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток, поэтому в восточную часть кольца окружения обычно высылались наиболее боеспособные войска, как правило, танковые. И все-таки наше окружение русских редко бывало успешным».

Дневник начальника Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера вообще-то пестрит цитатами радужных докладов Гитлеру о высоком моральном духе немецких солдат. Но! 6 июля 1941: «Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои (подбитые) машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами». А уже 9 июля 1941: «Организация «штрафных батальонов» оказалась хорошей идеей». Два года немцы воевали, всю Европу на колени поставили и как-то эта хорошая идея об организации штрафных батальонов в немецкой армии никому в голову не приходила. А тут и трех недель не прошло... 11 июля 1941: «Противник сражается ожесточенно и фанатично. Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали».

За 40 дней войны во Франции с англо-французскими армиями немецкие войска не утомились, а тут едва 20 дней прошло и... устали.

При этом было все, что немцы ожидали: и откровенное предательство ряда генералов и офицеров Красной Армии, и равноценная предательству их трусость,

основанная как на их моральных качествах, так и на неумении воевать, было знакомое немцам с Первой мировой войны оставление советскими офицерами и генералами своих солдат в тяжелых условиях боев — все было.

Уже не тот генералитет

Но появился фактор непредсказуемости, который хорошо сформулировал после войны немецкий унтер-офицер Г. Бидерман:

«Начав свой поход на Советский Союз, мы очутились лицом к лицу с непредсказуемым противником, чьи поступки, сопротивление или преданность невозможно было предвидеть или даже оценить. Временами мы сталкивались с фанатическим сопротивлением горстки солдат, которые сражались до последнего патрона и даже исчерпав все запасы, отказывались сдаваться в плен. Случалось, перед нами был враг, который толпами сдавался, оказывая минимальное сопротивление, причем без ясно видимой причины. При допросах пленных выяснилось, что эти переменные имеют мало общего с образованием, местом рождения или политическими склонностями. Простой крестьянин отчаянно сопротивлялся, в то время как обученный военный командир сдавался сразу же после контакта с нами. Следующая схватка показывала прямо противоположное, хотя при этом не усматривалась система или явная причина.

Оказавшись в ловушке в старом медном руднике возле Керчи, несколько офицеров и солдат Красной Армии продолжали оказывать сопротивление в течение всей оккупации полуострова. Когда в их опорном пункте были исчерпаны запасы воды, они стали слизывать влагу с мокрых стен, пытаясь спастись от обезвоживания. Несмотря на жестокость, которую проявляли их соперники на Русском фронте, у противостоявших им германских военных возникло чувство глубокого уважения к этим уцелевшим бойцам, которые отказывались сдаваться в течение недель, месяцев и лет упорного сопротивления».

Но ведь в этой непредсказуемости аж выпирает объяснение: если советские генералы и командиры были лично мужественными, то советские войска сражались и умело, и до конца. А если были кадровыми тупыми трусами, то и советские войска под их руководством разбежались или сдавались в плен, как и в Первую мировую войну.

И в Великой Отечественной начал резко выделяться малознакомый немцам по Первой мировой войне фактор — мужественное поведение существенного, против царского, числа генералов и офицеров.

Вот, к примеру, командующий 3-й танковой группой немцев генерал-полковник Г. Гот, в продолжение уже представленной выше цитаты, заканчивает свое сообщение адъютанту Гитлера: *«...Но, несмотря на это, немецкий солдат чувствует свое превосходство над противником. Русские, видимо, не могут еще организовать твердое управление своими войсками. Лишь в Полоцке находится способный руководитель».*

Давайте остановимся немного на этом. Мы знаем из официальной истории Великой Отечественной войны, что до битвы под Москвой было единственное выдающееся сражение с немцами — выдающийся полководец Жуков заставил немцев выйти из дуги фронта под Ельней. Правда, немцы этого подвига Жукова не заметили, а тут сами прямо указывают, что, оказывается, кто-то две недели не давал немцам прорваться там, где они наметили, что у нас где-то еще была Брестская крепость. Кто этот руководитель, организовавший двухнедельную активную оборону Полоцка, заставившую немцев остановиться перед этим городом? Почему мы о нем не слышали? Почему о нем не вспоминают в День Победы?

Это командир 174-й стрелковой дивизии комбриг А.И. Зыгин. При отходе 174-й от Полоцка к Невелю немцам удалось окружить дивизию и отсечь ее от штаба и командира. Зыгин вернулся, перешел линию фронта, возглавил вверенные ему войска и, прорвав в бою оборону немцев, вывел дивизию из окружения почти без потерь. К 1943 году генерал-лейтенант Зыгин уже командовал

4-й гвардейской армией, и 26 сентября принял смерть, подорвавшись на mine по пути к своему наблюдательно-му пункту. Соответственно, после войны высоких должностей в Советской армии не занимал, мемуаров не написал, посему и неизвестен.

Вот строчка из журнала боевых действий советской 14-й танковой дивизии за 14 июля 1941 года: *«Группа танков под командованием полковника Васильева в районе заправки у Госп. Дв. Черница была окружена танками противника и по приказу генерал-майора Городнянского (который объявил, что он уполномочен командующим армией) прорвалась в направлении Любавичи на соединение с 18-й тд. Из окружения вышел и генерал-майор Городнянский»*. Всего танкисты отчитались за этот день в трех уничтоженных танках противника, 10 грузовых автомашинах, 10 37-мм противотанковых орудиях и 250 человек немецкой мотопехоты. Г. Гот в своих «Танковых операциях» это подтверждает: *«2-я танковая дивизия 14 июля, достигнув Лиозно, в соответствии с приказом повернула на Смоленск. Под Рудней она встретила сильное сопротивление противника и вскоре была контратакована с трех направлений»*.

Этот генерал-майор Городнянский не служил в 14-й танковой дивизии, кто он? Это командир 129-й стрелковой дивизии, сражавшейся с немцами вне окружения. Узнав, что перед фронтом его дивизии окружены части 14-й танковой, генерал-майор А. М. Городнянский перешел линию фронта, возглавил окруженных и с ними пробился из окружения. В мае 1942 года командующий 6-й армией генерал-лейтенант Городнянский, сражаясь до конца в окружении под Харьковом, не желая сдаваться в плен, принял смерть, предположительно застрелившись. Был с почестями похоронен немцами. Соответственно, после войны высоких должностей в Советской армии не занимал, мемуаров не написал, посему неизвестен.

А вот Манштейн, практически оправдываясь в том, почему он вынужден был на 40 км фактически отбежать от города Сольцы, потеряв помимо войск и часть штаба со сверхсекретными документами, вскользь пишет о судьбе дивизии СС «Мертвая голова», шедшей ему на выручку.

«Более сносные условия местности, но и сильную укрепленную линию встретила дивизия СС «Тотенкопф», наступавшая на Себеж... Дивизия имела колоссальные потери... После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два». А кто нанес эти «колоссальные» потери дивизии СС? Это 237-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. Я. Тишинского. Не было там никакой «сильно укрепленной линии», Тишинский в июле 1941-го, умело воспользовавшись разведанными, выполнил искусный маневр и своей артиллерией практически расстрелял эту дивизию СС на марше, показав немцам пример маневренной войны. Но выводя в последующем из окружения части своей 237-й и брошенной командованием 70-й стрелковых дивизий, 19 августа 1941 года, командуя боем арьергарда, полковник Тишинский принял смерть от осколка немецкого снаряда.

Понятное дело, если бы и осколок, попавший в генерала К. Рокоссовского в Сухиничах, отклонился на несколько сантиметров, то мы бы и о Рокоссовском ничего бы не знали.

Изменения в боевой стойкости советских генералов по сравнению с генералами русской императорской армии в числах выглядят так: если, как было показано выше, на 35 убитых в ходе Первой мировой войны русских генералов приходилось 73 сдавшихся в плен, то на 223 убитых, пропавших без вести и умерших от ран в ходе Великой Отечественной войны советских генералов приходится всего 88 сдавшихся в плен.

Тоже много, но это уже была не старая русская армия.

Организованное проявление упорства

Причем моральная стойкость РККА с боями продолжала увеличиваться, хотя формально советские войска терпели поражение за поражением. А моральный дух немцев начал падать, несмотря на формальные победы. Сбивало и подавляло немецкий дух все уменьшающееся количество случаев трусости советских войск и все

возраставшее отчаянное сопротивление. «Момент истины», по моему мнению, наступил поздней осенью и зимой 1941 года, когда Красная Армия, уже по количеству и вооружению сильно уступавшая немцам, одержала первые победы, причем одновременно на севере, в центре и на юге.

Но в этих победах примечательно, что только на юге под Ростовом огромный вклад в победу внесло военное мастерство маршала С. Тимошенко, сумевшего 1-ю танковую армию немцев разгромить так, что Гитлер, снимая с командования группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта, пытался сорвать с его шеи Рыцарский крест. Тут же Гитлер снял с должности и командующего 17-й армией генерала пехоты Штюльпнагеля, а с главнокомандующим сухопутными войсками Германии Браухичем от этой сцены случился сердечный припадок. Чуть позже войска Тимошенко окружили под Ельцом 34-й армейский корпус немцев и полностью его уничтожили (повторно этот корпус был сформирован немцами только в 1944 году). А вот на севере и под Москвой победы над немцами достигались безо всякого полководческого мастерства — только отчаянным упорством советских войск.

В 1966 году в беседе с работниками «Военно-исторического журнала», Г. Жуков на вопрос о плане контрнаступления под Москвой сообщил, что контрнаступление получилось нечаянно, безо всякого участия полководческой мысли Жукова и его штаба:

«Когда мы в конце ноября и в начале декабря организовывали сопротивление противнику, затем применили более активную форму — контрудар наносили, в наших замыслах четко обоснованного мнения о том, что намечается такое контрнаступление, каким оно потом оказалось, не было. Это было осознано в полной мере тогда, когда события развернулись более благоприятно: с одной стороны, Гудериан начал пятиться, с другой — Гепнер начал отходить... Но у нас нет такого приказа, где заранее, допустим, 30 ноября, 1–2 декабря отдали бы приказ на контрнаступление. Такого в классическом понимании начала контрнаступления,

как это было, допустим, под Сталинградом, не было, оно пошло как развитие контрударов... Если бы противник оказал серьезное сопротивление нашим контрударам, никакого контрнаступления не состоялось бы».

Но у немцев уже не было сил преодолевать сопротивление советских войск, не было сил ни наступать, ни отбить советские контрудары. Немецкие генералы, воспользовавшись своим правом на творчество, начали творчески отводить войска от Москвы, но в Берлине этот отвод сильно напоминал бегство. Гитлер дал «стоп-приказ», что, впрочем, далеко не сразу помогло, и в дополнении к этому приказу, как я уже упоминал выше, снял с должностей около двухсот немецких генералов.

Надо сказать, что разбить массу советских войск, дойти до ворот Москвы и после этих побед начать отступать немецким генералам было очень обидно, еще обиднее было объяснять, что Красная Армия гонит их силой мужества советских солдат. И немецкие генералы начали объяснять свое отступление сильными морозами, которым, надо сказать, просто неоткуда было взяться в начале зимы, когда ни земля, ни вода еще не отдали накопленное тепло. Гудериан сообщил Гитлеру, что немецкие солдаты не могут отрыть окопы в замерзшей земле, а такие вещи вряд ли стоило говорить старому солдату Гитлеру, и такая «лапша на уши», надо думать, тоже стоила Гудериану отставки.

В дневниках командующего немецкой группой армий «Центр» фельдмаршала Бока, вынужденного объяснять, почему немцы при отступлении бросали тяжелое оружие и технику, тоже стоны о непомерных морозах: *«При всем том по причине ужасных холодов — температура упала до 38 градусов ниже точки замерзания — нам, что естественно, приходится оставлять танки и артиллерийские орудия, поскольку моторы машин при такой температуре просто-напросто не заводятся».* Это 6 декабря —38°? Но причины поражения под Москвой фельдмаршал Бок 7 декабря называет три: *«К нынешнему серьезному кризису привели три обстоятельства: 1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой*

грязью, затопившей дороги. В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось. 2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы». Морозы пропали, но появилась жидкая грязь: по-русски объяснения Бока звучат, как «не понос, так золотуха». Про железные дороги еще смешнее — а как же русские их эксплуатируют? И все это Бок выдумывает, чтобы предварить третий пункт, который, по существу, является первым и единственным: «Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части». Только это объясняет его дальнейшие сетования в дневнике: «Русские ухитрились восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые сроки, подтянули новые дивизии из Сибири, Ирана и с Кавказа и заменили утраченную на ранней стадии войны артиллерию многочисленными пусковыми установками реактивных снарядов. Сегодня группе армий противостоит на 24 дивизии — преимущественно полного состава — больше, нежели это было 15 ноября. С другой стороны, численность германских дивизий сократилась более чем наполовину в результате непрерывных боев и связанных с зимними холодами бедствий. Боеспособность бронетанковых войск и того ниже. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава».

«Недооценка» — всеобъемлющее понятие, включающее многие обстоятельства. Это и возросшее боевое мастерство войск — «война научила». Это и замена негодных командиров и командующих способными офицерами и генералами. Это и подвиг тыла, сумевшего как-то компенсировать те потери оружия, которые допустила кадровая РККА. Это и взятие Сталиным командования операциями на себя, с использованием генералов в качестве своих адъютантов, следящих как представите-

ли Ставки за этими операциями. Это и выдвижение на фронте способных солдат в офицеры, и приход в армию офицеров запаса. Это и пропаганда патриотизма. Много вошло в это понятие «недооценка». Но все это потеряло бы значение, если бы советский народ спасовал. И главным фактором победы всю войну оставался моральный фактор, главным оставался сам советский человек.

Через год с небольшим после нападения Германии на СССР в Берлине родилась бумага, начинавшаяся так:

«НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД. Управление III. Берлин 17 августа 1942 г. СВ II, Принц-Альбрехтштрассе, 8. Экз. N 41. Секретно! Лично. Доложить немедленно! Сообщения из империи № 309».

И в разделе II читаем:

«Особенно сильно занимает немцев проблема боевой мощи Красной Армии, которая наряду с количеством и качеством удивительного вооружения явилась второй большой неожиданностью. До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политука. Иногда полное безразличие к жизни истолковывалось исходя из животных черт, присущих людям на востоке. Однако снова и снова возникает подозрение, что голого насилия недостаточно для того, чтобы вызвать доходящие до пренебрежения жизнью действия в бою. Различными путями приходят к мысли, что большевизм привел к возникновению своеобразной фанатической веры. В Советском Союзе, возможно, многие люди, главным образом молодое поколение, придерживаются мнения, что Сталин является великим политиком. По меньшей мере, большевизм безразлично какими средствами вселил в большую часть русского населения непреклонное упорство. Именно нашими солдатами установлено, что такого организованного проявления упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну. Вполне вероятно, что люди на востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага все же стоят такие качества, как своеобразная любовь к отечеству, своего рода мужество и то-

варищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны».

На этот абзац следует обратить внимание людей с гипертрофированной ностальгией по императорскому прошлому России. Это ведь враг пишет, причем компетентный враг и в сугубо секретном документе: «...такого организованного упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну».

И маршал Жуков, очень ревнивый к собственной славе, на вопрос о главной причине победы все же ответил: «Мы победили, потому что у нас был хорошо подготовленный, высокоидеологизированный молодой солдат».

Советский солдат.

Выводы

1. Молниеносная война («блицкриг», быстрая победа в войне) невозможна только военными силами, как бы ни превосходил агрессор жертву в области военных сил.

2. В любой войне моральные силы граждан данного государства являются главными факторами победы в войнах.

3. Молниеносность войны достигается деморализацией жертвы, перефразируя прусского генерал-фельдмаршала А. Шлиффена, побежденный должен внести свою лепту в дело победы над собой. Причем с помощью деморализации победа в войне может быть достигнута без применения вооруженных сил либо с ограниченным их применением.

4. Чем больше граждан данной страны готовы и способны отдать долг делу защиты общества, тем выше моральные силы общества в военной области. В основе долга обществу лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу — это, по сути, долг потомкам.

5. Способы деморализации противника:

— внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно не приве-

дет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

— разделить общество на части, и эти части, если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным;

— склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулами материальных благ;

— подменой долга обществу долгом начальству и различными идеям.

6. Государство-жертва само может подготовить свою гибель уничтожением собственных моральных сил всего лишь пассивным наблюдением, как в обществе множится количество людей трусливых, делящихся по различным признакам, с неудовлетворенной алчностью, охваченных различными идеями, входящими в конфликт с долгом перед обществом.

7. Оценить моральные силы общества сложно, в подобной оценке возможны как переоценка этих сил, так и их недооценка.

8. Сопротивление агрессору необходимо оказывать с момента, с которого замечен его интерес к агрессии. Помимо укрепления экономических и военных сил главное сопротивление необходимо оказывать укреплением собственных моральных сил и подрывом этих сил у агрессора.

9. Органы пропаганды (СМИ всех видов) обязаны быть главным видом вооруженных сил страны.

10. Никаких военных концепций или теорий молниеносной войны не существует и не существовало. Собственно военное дело ограничено разработкой способов быстрого уничтожения вооруженных сил противника боем, а не побед в войнах. Сам термин «молниеносная война» введен журналистами для описания быстротекущих событий начала Второй мировой войны и не имеет под собой военного обоснования.

11. Для победы в бою необходимо иметь:

— большую, чем у противника, мощность огня;

— большую, чем у противника, эффективность огня;

— лучшую, чем у противника, защищенность от его

огня.

12. Тактическое и военное искусство полководцев и командиров заключено в маневре своими войсками с целью обеспечения победы в бою указанными выше способами.

13. Победа в бою — это уничтожение войск противника, никакой захват местности или рубежей, за исключением особых случаев, победой не является и не может быть целью боя.

14. Моральная сила армии является главной ее силой, поскольку позволяет достичь победы в бою даже с большими потерями для себя.

15. Ни одно дело не требует для своего осуществления такого объема творчества, как дело победы над противником.

16. Понимание военными своего дела заключено в подготовке и вооружении армии, способной максимально раскрыть творческие способности ее полководцев, командиров и рядовых бойцов.

17. Сила немецкой армии времен Второй мировой войны была заключена, помимо большой моральной силы, в максимальном раскрытии творческого потенциала максимального количества ее военнослужащих. В управленческой терминологии — в воспитании максимального количества единоначальников.

18. Воспитание единоначальников — процесс тяжелый и длительный, немцы готовили кадры не в училищах и академиях, не педагогами и теоретиками, а строевыми командирами и полководцами, отбирая в командиры тех солдат, кто способен был быть единоначальником, кто способен был творить на поле боя.

19. Воспитание такого командного состава армии позволило немцам разработать для войны соответствующую времени тактику уничтожения войск противника и обеспечить армию оружием и техникой, максимально соответствующими выбранной тактике.

20. Большие потери СССР в Великой Отечественной войне обусловлены негодным воспитанием кадрового состава командования Красной Армии, обусловленным, в свою очередь, переносом в Красную Армию парази-

ческих традиций массы дворянства и офицерства конца монархии в России:

— отказом советского офицерства быть единым целым с солдатами, выделением себя в особо ценную касту, а солдат — в расходный материал войны;

— рассмотрение воинской службы как доходного промысла с высокой пенсией, требующего нехитрых упражнений в мирное время, и с уверенностью, что правительство как-то избежит войны, а в случае ее неизбежности как-то удастся от войны отвертеться.

21. Подобные кадры командного состава РККА привели к:

— выбору уже век как негодной тактики захвата местности и рубежей;

— выбору под эту тактику вооружения армии;

— отсутствию самоподготовки командного состава РККА к реальным боям (такое впечатление, что командирская масса была уверена, что доживет до пенсии или тыловой должности без войн).

22. Победа над Германией в Великой Отечественной войне обусловлена совокупностью многих факторов, но главным является то, что моральная стойкость советского народа превзошла тот уровень, с которым могло справиться нацистское государство с союзной Германией Европой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У меня достаточно критиков, грудью (вернее — языком) встающих за честь советских генералов и офицеров, яростно доказывающих, что в Великой Отечественной войне соотношение потерь советских солдат и солдат противника было как 1:1, а не один к пяти или шести, как хвастаются битые немецкие генералы.

А меня в будущих войнах и соотношение 1:1 не устраивает. Да пусть будет и 1:10 не в нашу пользу — война дело тяжелое, но главное, чтобы в этом соотношении не было ни грамма лени и тупости тех, кому народ вверяет своих детей для защиты Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	11
Глава 2. МОРАЛЬНАЯ СИЛА	33
Глава 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИЛА	66
Глава 4. ВОЕННАЯ СИЛА. ОПЕРАТИВНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ИДЕИ	88
Глава 5. ВОЕННАЯ СИЛА. ПОДГОТОВКА ВОЙСК	205
ВЫВОДЫ	313
ПОСЛЕСЛОВИЕ	317

Научно-популярное издание

ВОЙНА И МЫ

Мухин Юрий Игнатьевич

БЛИЦКРИГ: КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

Секрет «молниеносной войны»

Ответственный редактор *А. Климова*
Художественный редактор *Ю. Щербаков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кобзев*
Корректор *Б. Бурт*

ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.01.2014. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3500 экз. Заказ № 8279.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-9955-0722-2

9 785995 507222 >

**Новая книга ведущего историка-сталиниста!
Анализ главного военного мифа XX века. Раз-
гадка тайны «молниеносной войны» и феноме-
нальных побед Вермахта в 1939–1941 гг.**

Знаете ли вы, что немецкие триумфы в Польше и Франции стали полнейшей неожиданностью не только для врагов Рейха, но и для самих гитлеровцев? Почему Блицкриг провалился в СССР и, несмотря на чудовищные потери Красной Армии, отчаянное сопротивление советских войск не только не было сломлено, а наоборот – возрас- тало? Удалось бы отстоять Москву, покинь Сталин столицу в октябре 41-го, когда немцы были в 30 км от Кремля? Знаете, что в те страшные дни М. И. Кали- нин ответил академику Вернадскому, в панике заявившему: мол, «все пропало»? «Мы – русские, нам нужно время, чтобы рассвирепеть». Какие уроки можно извлечь из блицкригов Второй Миро- вой? Что является единственным «противоядием» от «молниеносной войны»? И почему этот опыт столь жизненно необходим нам сегодня?

